

М. БЕЛЛЕР

ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Михаил Иосифович Веллер

Энергоэволюционизм

Серия «Энергоэволюционизм»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4588779

Веллер М. Энергоэволюционизм: Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-071702-6, 978-5-271-33848-9

Аннотация

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВЕЛЛЕРОМ МИХАИЛОМ ИОСИФОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВЕЛЛЕРА МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА.**

Михаил Веллер, член Российского Философского Общества, участник Всемирного Философского Форума 2010 в Афинах, удостоенный его медали, представляет в этой книге основы своей философской теории.

Содержание

Предварения	5
Вступление	5
Литературный обзор	9
Предварительные замечания	37
Язык твой – враг мой	37
Профессионалы и формалы	42
Акадэмия	49
Философствование насчет философии	54
Часть I	70
Глава первая	70
1. Познай себя	70
2. Познать мир	75
3. Познать свое место и роль в этом мире	80
4. Как, зачем, почему человек и мир	85
Интродукция	90
Глава вторая	93
1. Зацепка	93
2. Воспоминания	106
3. Ощущения	123
4. Стремление к счастью	138
5. Самореализация	159
6. Максимальные действия	183
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Михаил Веллер

Энергоэволюционизм

Оригинальные философские взгляды Михаила Веллера с огромным интересом были выслушаны и высоко оценены на Мировом Философском Форуме в Афинах 2010.

Президент Форума Илиас Демиржоглу

Изложенные идеи характеризуют Михаила Веллера как серьезного философа. Ему тесновато в рамках уже существующей научной реальности. Все, что он пишет, интересно и важно.

*Главный редактор «Российской философской газеты»
Арнольд Казьмин*

Силу, которая создает феномен мира и, следовательно, определяет характер последнего, привести в связь с нравственностью помышлений и таким образом нравственный миропорядок явить как основу миропорядка физического, – в этом со времен Сократа заключалась проблема философии.
Артур Шопенгауэр

Теория производит тем большее впечатление, чем проще ее предпосылки, чем разнообразнее предметы, которые она связывает, и шире область ее применения.

Альберт Эйнштейн

Предварения

Вступление

Целью настоящей работы является возможное совмещение ряда предшествующих физических (и, шире, естественнонаучных), социологических, психологических и философских теорий и систематизирование их вкупе с корпусом разрозненных ранее фактов в единое непротиворечивое мировоззрение, где существование и развитие человека и человечества открывается как закономерная и необходимая часть Вселенной и ее эволюции.

Энергоэволюционизм – это философская система, где естественнонаучные, социологические, психологические и философские учения и опыты предстают взаимообусловленными, взаимодополняющими и взаимообъясняющими, сочетаясь в законченное мировоззрение, проявляющее человека как неотъемлемое и естественное порождение, звено и орудие эволюции Вселенной.

Энергоэволюционизм можно определить как синтез коррелирующих и/или взаимовлияющих принципиальных положений многих областей: психологии, социологии, истории, биологии, этологии, экономики, этики, физики, систематики и философии. Он методологически включает в се-

бя диалектический подход к Бытию, допущение безусловно-иррационализма движущей силы первоистории и перво-движения, рассмотрение мысли и информации как энергии второго рода, теорию социальной психологии как трансформации инстинктов. В русле философской традиции энергоэволюционизм допустимо считать логическим развитием позитивизма, прагматизма и инструментализма.

Как явствует из самого термина, фундаментальной основой анализа Бытия в энергоэволюционизме выступает термодинамика как уровень законов наиболее общих и основополагающих для Универсума из сегодня известных. Таким образом, ряд положений энергетизма и синергетики входят в энергоэволюционизм важной составляющей.

Направление интересов энергоэволюционизма определяется основным вопросом: сущность и функционирование человека и человечества как единства объекта и субъекта Вселенной в качестве детерминированной подсистемы и элемента коэволюции.

Онтологически энергоэволюционизм встречно совмещает индуктивный и дедуктивный подходы, от психологии личности восходя через цепь посылок и заключений к физике Космоса, и от Большого Взрыва, в свою очередь, прослеживая причинное обоснование возникновения феномена сознания.

Энергоэволюционизм отличается от распространенного в последние годы глобального эволюционизма (или Big

History), а также упомянутых позитивизма, прагматизма и инструментализма тем, что не только, во-первых, имея основным полем рассмотрения и интересов социальную психологию и социологию, акцентирует внимание на онтологическом единстве психологических и социальных законов с законами физики Универсума и прослеживает детерминирующую суть их связи; но, во-вторых, что принципиальное и главное, ни в коем случае не рассматривает человеческую деятельность на Земле направленной исключительно на совершенствование условий собственного существования, замкнутой в собственных нуждах и желаниях, но понимает объективно существование человечества как необходимое звено эволюции Вселенной, играющее в ней активную и неотменимую роль на переходе к дальнейшим и важным стадиям.

Дуалистически рассматривая энергию и материю как единую агрегатную базу Бытия, энергоэволюционизм трактует эволюцию в основе и прежде всего как встречнопараллельный процесс связывания энергии в материальные структуры и распада (трансформации) материальных структур с выделением свободной энергии, происходящий со все возрастающей скоростью, во все больших объемах в единицу времени.

Объективно деятельность человечества направлена на всемерное ускорение этого процесса энергопреобразования, каковой достигает идеального максимума при сокращении периода полного обращения всей энергии до нуля време-

ни, что и принято называть Большим Взрывом, замыкающим тем самым эволюционный цикл Вселенной.

Возможная ценность и оригинальность данного труда представляется как в вышеизложенном взгляде на эволюцию, так и в том, что впервые, насколько нам известно, дается непротиворечивый ответ на вопрос о причине, необходимости, цели и смысле существования человечества во Вселенной в парадигмах материализма и эволюционизма, синергетики и психологии, социологии и логики; деятельность же человеческая получает объяснение с этой точки зрения на ее объективную роль в Природе.

Литературный обзор

Любая философская теория, будучи порождением и системой взглядов своего времени, стремится к синтезированию всего предшествующего опыта. Информационное единство эволюционирующей культуры не допускает иного. Сеть опосредованных заимствований не зависит от воли автора, но есть интеллектуально-идейная атмосфера эпохи. Покрывая системой посылок и заключений определенное информационное поле, философская теория тем самым уже включает в себя некоторый объем предшествующих базовых построений, объективно являющийся ее историческим, идейным и научным основанием.

При этом создатель теории может не подозревать о предшественниках и предтечах. Это ничего не меняет. Он дышит воздухом созданной ими атмосферы знаний, даже будучи не осведомлен о наличии самих этих собственно знаний. Вся предшествующая информация оказывает на последователей как правило не прямое, но косвенное или даже вовсе конкретно не осязаемое влияние.

Именно потому действия гения часто кажутся нам столь простыми и логически естественными, что вся предшествующая информация была уже общеизвестна, и оставалось только совершить внешне незначительный доворот, чтобы старые элементы легко скомпоновались в новую картину,

чтобы произошел качественный переход количественно накопленных предпосылок. Внешне это может выглядеть просто, как замыкание электрической цепи контактом.

Верность теории подтверждается тем, насколько она согласуется со всей прочей суммой опытов и теорий, образуя с ними единую систему взглядов на мир. Верная теория при проверке и подтверждении включает в себя все больше точек (частных) зрения предшественников, о которых автор в этой связи ранее и не подозревал.

Степень естественного вхождения новой теории в культуру определяется ее непротиворечивостью в общем информационном поле и тем, насколько органичным развитием и синтезом предшествующих точек зрения она являет себя.

Старая восточная поговорка «У успеха много отцов» имеет тот философский смысл, что любая истина есть следующий шаг в длинной предшествующей цепи истин, без которых этот шаг невозможен.

...С волнением представляя на строгий суд взыскательных читателей труд десятилетий своей жизни, автор следует долгу предупредить его упоминанием о великих мыслителях, чьи выводы оказались лежащими в поле его философии.

I. Поскольку в рамках античной философии позднее конституированы едва ли не все философские дисциплины Западной метакультуры, упоминание об этой праснове излишне. Однако представляется наглядным и поучительным

попытаться очертить явную преемственность ряда исходных и опорных взглядов современной философской системы, восходящих к открытиям и конструкциям мыслителей древности, через краткий перечень имен и идей.

1. Гераклит. Основы диалектики. Изменчивость как имманентное свойство Бытия и одновременно как способ существования Бытия: непрерывность и бесконечность этой изменчивости; отсутствие статичности. Борьба как причина и источник сущностей: «Все возникает через борьбу и взаимобразно».

Идея единой первосущности Мира – огонь как стихия. Происхождение всего от единой сущности: все есть агрегатные состояния первосущности – стихии огня.

Идея Космоса как единого Праогня, существующего вечно и циклично разгорающегося и вновь гаснущего.

Выше моих сил не нарушить академический канон и не преклониться в потрясении перед гением.

2. Фалес Милетский, впрочем, за сто лет до Гераклита полагал, что Космос един (первостихией полагая воду). Мир возникает из этого первоначала и возвращается в него периодически.

А в качестве движущей и преобразующей силы этой движущейся материи Фалес полагал душу: возможно, душа разлита во всем.

3. Демокрит сформулировал знаменитое: «Нет ничего на свете, кроме атомов и пустоты». Материя состоит из атомов.

Всевозможные комбинации атомов и создают всё материальное. Движение есть свойство атомов, движение атомов есть основа мира. В свой срок предметы распадаются на составляющие их атомы, и атомы соединяются в новые комбинации.

4. Пифагор. Не может быть не назван уже по двум причинам: он первый назвал себя «философ», т.е. «любомудр» вместо принятого прежде «мудрец»; он первый назвал Вселенную «Космос» как упорядоченность в противоположность Хаосу. Как основной принцип всего сущего полагал число – т.е. материальный уровень онтологически восходит к информационному. И Бог как «число чисел» в качестве Первоосновы.

5. Элейская школа – Парменид, Зенон и Мелисс – разработали и обосновали монизм как учение о единстве всего сущего. Их тезис о том, что «истинно сущее бытие не может ни возникать, ни исчезать» по сути формулирует закон сохранения массы и предвосхищает закон сохранения энергии.

6. Эмпедокл. Впервые высказал предположение, что свет распространяется не мгновенно, но имеет свою скорость движения. Первым же оформил идею о том, что в природе выживают наиболее приспособленные, удачно скомбинированные организмы.

7. Протагор. «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Античный сенсуалист: мир дан нам в ощуще-

ниях, и он таков, каким мы его ощущаем. Твое ощущение есть мера Бытия.

8. Сократ. Из его огромного философского наследия нас конкретно интересует лишь несколько положений.

Учение Сократа о добродетели легло в основу будущей этики. В рефлексивном рассмотрении системы субъектно-объектных отношений добродетель как знание тем самым является добродетелью как качеством. В связи с возражениями о несовпадении этого тезиса с практикой Сократ и произнес:

«Я намереваюсь остаток дней посвятить постижению проблемы: почему люди, зная, как следует поступать добродетельно, то есть к своему и общему благу, по своей воле поступают порочно, себе же во зло». При полном отсутствии как собственных записей, так и прижизненных списков, ни одна редакция этой фразы не может быть признана точной, но смысл таков. Впервые возникает принципиальнейший вопрос о противоречии между знанием блага и стремлением к благу.

И второе – это, по мысли Сократа, государство выступает инструментом и гарантом воплощения в жизнь общего понятия о Справедливости. С тех пор это положение поддерживалось и опровергалось всеми мыслимыми способами.

9. Платон. Который сказал, что «лишь то государство крепко, щитом которого является справедливость». И который, создатель идеализма как философии, создал свою тео-

рию «эйдосов» – то есть первичность информационного поля по отношению к материальному бытию.

10. Аристотель. Ограничимся несколькими необходимыми цитатами из Учителя:

«Человек по природе своей есть существо политическое».

«Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части».

«Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому».

«Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению».

«Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе».

11. Плотин. Идея «Единого» – совершенной Первосущности. Она сверхчувственна и сверхмыслима. Единое есть Абсолют, не ограниченный ничем, и он изливает и являет себя во всех проявлениях сущего. Разум есть эманация Единого, мысли и идеи есть общее с Единым.

Учение неопифагорейцев о «двоице» можно рассматривать как развитие диалектики Гераклита, когда единое целое раскладывается на разности, различия и борьба которых есть источник развития.

II. 12. Фрэнсис Бэкон. «Знание – сила». Философия сблизилась с наукой (после тысячелетия религиозной схоластики). Мысль – есть орудие преобразования природы. (Характеристика эмпиризма как основанного Бэконом философского направления выходит за рамки нашего скромного обзора, носящего чисто прикладной характер.) Бэкон утверждает индукцию основным методом научного познания. Обобщать частности, находить закономерности; познание природы есть информационное обеспечение возможностей и действий по переделыванию окружающей среды.

III. Немецкая классическая философия. Ограничиваясь необходимым, обязаны затронуть прозрения двух титанов:

13. Иммануил Кант. «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Постижение двух этих вещей в их взаимосвязи и единстве и составляет главный предмет нашей практической философии.

14. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Диалектика. «Движущая душа всякого научного развертывания мысли». «Представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость». Развитие как движение синтеза противоречий в бесконечной усложняющейся цепи.

Абсолютный Дух лежит в основе всего сущего. Природа – это самораскрытие Абсолютного Духа в пространстве, история – самораскрытие его же во времени.

IV. Человеческая мысль продвигается в познании не ровной фронтальной линией, но выдвигаясь вперед на разных участках науки и на разных временных участках. Прочие области постепенно и неизбежно подтягиваются до линии авангардов. Постигание мира приобретает все более взаимосвязанный и цельный характер. Наука и философия сблизились в выработывании единого, объективного и панорамного взгляда на мир. Этот процесс явился важнейшим аспектом научной революции XIX века.

15. Исаак Ньютон. «Математические начала натуральной философии». Бытие мира предстало как единый механизм, существующий по единым законам, и законы эти сформулированы и математически просчитаны, нося объективный рациональный характер.

16. Поль Анри Гольбах. «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного». Философская картина Вселенной как единого целого, где все взаимосвязано, а материя первична, неуничтожима и бесконечна во времени и пространстве.

17. Пьер Лаплас. «Изложение системы мира». Эволюционная картина мира! Все во Вселенной связано причинной взаимосвязью! Жесткий детерминизм Лапласа стал одним из краеугольных камней науки и ряда философий.

18. Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Объективность социально-экономического процесса, не зависящего от конкретных целей и желаний

отдельных людей. Каждый преследует свои личные интересы – но совокупно вершится общезначимый и общепольный материально-экономический подъем народа и страны.

19. Жан Батист Ламарк. «Философия зоологии». Первая цельная теория биологической эволюции. Морфологические изменения организмов функционально детерминированы, строго направлены к оптимизации выживания.

V. Синтез наук и философий оформляется на уровне всех последних открытий и достижений XIX века.

20. Огюст Конт. «Курс позитивной философии» и «Курс позитивной политики». Создатель позитивизма и основоположник социологии. Знание о мире базируется на фактах. Назначение философии – анализировать и обобщать факты, полученные эмпирическим путем, каковым только путем и создается картина мира, объективная и достоверная. То есть: науки есть основание философии. Социум есть органическая система, порожденная и обусловленная необходимостью людской общности в сосуществовании и тем самым взаимодействии. Законы существования социума объективны, развитие социума есть закономерная социальная эволюция.

21. Чарльз Дарвин. «Происхождение видов» труд столь знаковый, что эволюционная теория Дарвина поистине не нуждается в комментариях. Кроме, пожалуй, одного подчеркивания. Дарвин говорил именно о «неопределенной изменчивости», которая наряду с естественным отбором являет-

ся движущей силой эволюции. То есть о беспорядочности и нейтральности общего объема мутаций (в отличие от Ламарка), из каковых в дальнейшее развитие идут лишь способствующие более успешному выживанию.

22. Артур Шопенгауэр. «Мир как воля и представление». Удивительная и неожиданная подпорка для дарвинизма со стороны идеалистической философии, если вдуматься. Иррационализм. Не цель, не смысл и не желания движут человеком. А Мировая Воля, разлитая во всем и персонифицированная также и в нем в частности. Первопружина, перводвигатель, первоаккумулятор Бытия не имеет в своих проявлениях цели, смысла, определенного направления, – но Мировая Воля являет себя через все страсти и действия, которые носят самодовлеющий, стихийный, ни для чего по большому счету не нужный характер. То есть: жизнь и стремления человека заданы не осмысленным стремлением к целям, но иррациональным волевым посылом Мировой Воли, каковой волевой посыл требует реализовать себя в бытийных проявлениях.

23. Фридрих Ницше. «Воля к власти». Если еще чуть разобраться – то все в Природе стремится не то чтобы к Власти, но к значительности, к максимальному влиянию на окружающее, к максимализации своей роли в мире. Выражаясь сегодняшним языком – к максимальному самоутверждению и максимальной самореализации в проекции на окружающую среду (хотя сформулировать так – это уже некото-

рая экстраполяция взглядов Ницше в нашем собственном направлении).

24. Фридрих Энгельс и Карл Маркс. Маркс упомянут, поскольку двуединый автор «Маркс-Энгельс» был неразъединим в советском сознании и неотделим от представлений о мире и истории. – Диалектика. Она, гегелевская, была воспринята нами в интерпретации и изложении Энгельса. – Исторический материализм. Взгляд на историю и прогресс как на последовательность человеческих трудов и продуктов, историю совершенствующегося и нарастающего общественного производства, коррелирующего с социальной и научно-технической эволюцией.

25. Герберт Спенсер. «Основные начала». «Система синтетической философии» в своей огромной объемности для наших целей почти во всех деталях излишня. Позитивист и энциклопедист Спенсер распространяет эволюционизм на все формы существования материи. По мере рассеяния первоначального количества движения материя эволюционирует, то есть все более усложняется. Вся материя Вселенной едина в принципе, три основные формы ее существования от низшей к высшей: неорганическая, органическая и социальная.

VI. В 1824 г. Сади Карно публикует «Размышления о движущей силе огня и о машинах, способных развивать эту силу», чем закладывает основы термодинамики и впервые описывает Второе начало. В 1834 г. Клапейрон придает идеям

Карно математическую форму. В 1842 г. фон Майер публикует расчеты эквивалентов механической работы и производимого/затрачиваемого тепла, тем обосновывая Первое начало термодинамики – открыв закон сохранения энергии. В 1843 г. Джоуль также находит зависимость между произведенной работой и количеством произведенного при этом тепла, вычисляет отношение между ними, определяет механический коэффициент тепла и в 1847 г. делает доклад в Оксфорде. В том же году Гельмгольц публикует «О сохранении силы», где формулирует закон сохранения энергии строже и детальнее, чем Майер. В 1850 г. Рудольф Клаузиус дал формулировку Второго начала термодинамики. В 1852 г. Уильям Томсон (лорд Кельвин) дает другую формулировку Второго начала. Рассеяние энергии (диссипация) при переходе работы в теплоту постулируется как процесс необратимый. Принимается учение о рассеянии энергии, изначальный запас которой в замкнутой Вселенной ограничен.

Тепловая смерть Вселенной – логичный вывод Томсона, к которому пришел и Клаузиус.

Энтропия – понятие, введенное в 1865 г. Клаузиусом для определения меры необратимого рассеяния энергии.

Свободная энергия – понятие, введенное в 1881 г. Гельмгольцем: это работоспособная часть внутренней энергии системы (в одной парадигме); или разность между внутренней энергией системы и произведением абсолютной температуры на энтропию (в другом выражении); или термодинамиче-

ский потенциал, убыль которого в квазистатическом изотермическом процессе равна работе, совершенной системой над внешними телами (иными словами); или часть внутренней энергии системы, которая может каким-либо образом быть выделена в окружающую среду в форме теплоты или работы, или может каким-либо способом быть поглощена другой системой для поддержания химико-физического процесса ее существования.

26. Вильгельм Оствальд. Энергетизм. Термодинамика кладется в основание натурфилософской системы: все Бытие рассматривается как проявление Второго начала термодинамики, то есть рассеяния энергии. Энергия абсолютизируется как субстанция: атомов как материальных первоначалиц не существует, материя не первична и предстает как формы энергии. Все сущее – это лишь виды энергии в процессе ее вселенского рассеяния. Жизнь есть захват телами свободной энергии и использование ее для своего существования и развития. Эволюция есть совершенствование тел и организмов в направлении все более эффективного захвата и использования энергии с пользой для себя: организм тем совершеннее, чем выше его энергетический КПД, т.е. чем большую долю захваченной энергии он употребляет на процесс собственного жизнеобеспечения. Категорический императив энергетизма: не расходуй энергию понапрасну, используй ее. Ощущения, сознание, дух, воля, культура, красота, – все это процессы энергетические, переходы энергии.

Анти-материалист и анти-атомист Оствальд в научных битвах рубежа XX века был классифицирован как идеалист. Положил начало взгляду на Мир как пространство энергетических процессов.

VII. Физика XX века. Теория Большого Взрыва и расширяющейся Вселенной. Не столько перечень книг, как упоминание идей, легших в основу естественнонаучного мировоззрения.

27. Альберт Эйнштейн. $E = mc^2$. Закон взаимосвязи массы и энергии. Специальная теория относительности (1905 г.). Общая теория относительности (1907–1916 гг.).

28. Александр Фридман. Теория нестационарной Вселенной. Предсказание о расширении Вселенной. Модель разлета Вселенной из начальной компактной области, в начале чего – Большой Взрыв (1922–1924 г.).

29. Эдвин Хаббл. В 1929 г. обнаружил зависимость между красным смещением и расстоянием до галактик, показал линейную зависимость лучевой скорости разбега галактик от расстояния (Закон Хаббла).

30. Георгий Гамов. 1948. Теория «Горячей Вселенной», где в ядерных реакциях синтезировались легкие элементы.

31. Стивен Хокинг. Строго доказал возникновение сингулярности (1967 г.).

VIII. Синтез наук в России и СССР.

32. В.И. Вернадский. Создатель биогеохимии. Из идей особенно выделим две: а) человеческая деятельность на Зем-

ле становится фактором геологического масштаба; б) связанная с первой: по мере эволюции биосферы уровень миграции атомов поверхностной и приповерхностной зоны Земли повышается.

33. А.Л. Чижевский. Создатель гелиобиологии. На обширном материале статистически показал зависимость активности биологических и социальных систем от циклически колеблющегося уровня солнечной активности.

IX. Социология.

34. Эмиль Дюркгейм. «Правила социологического метода». Социальная реальность несводима к биопсихической природе индивидов. Социальные факты существуют вне индивида и обладают по отношению к нему принудительной силой. То есть: на позитивистском уровне обобщения научных фактов социальные процессы объективны и не подчиняемы индивидуальным волям и пожеланиям.

35. Густав Ле Бон. «Психологические законы эволюции народов». «Психология толпы». Основоположник социальной психологии и концепций массового поведения. Подчеркивал иррациональность поведения людских скоплений. Эмоциональная доминанта подавляет интеллектуальную при сочетании индивидов в массу. Характер массы (народа), то есть суммарный безличностный эмоционально-поведенческий вектор определяет социальное устройство и социальную эволюцию общества.

36. Уильям Троттер. «Стадные инстинкты в период войны

и мира». Фиксируя, что поведение индивида в толпе часто противоречит инстинкту самосохранения, личностной шкале ценностей, исполнено жесткого внутригруппового конформизма, Троттер вводит понятие «стадного инстинкта» как психосоциального фактора, объединяющего, подчиняющего и направляющего всех сообща независимо от личных интересов каждого или даже вопреки им.

Х. Психология.

37. Зигмунд Фрейд. «Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого “Я”», «Я и оно». В огромной мере наше поведение, желания и сам образ мыслей диктуются не осознанными установками и ценностями, но скрытыми от сознания, подсознательными влечениями и комплексами. Удел человека – в неизбежных конфликтах. (Мы вычленим лишь главную для нас линию из его наследия.)

38. Карл Густав Юнг. «Структура бессознательного», «Отношение между Я (эго) и бессознательным», «Концепция коллективного бессознательного». Развил понятие коллективного бессознательного в фундаментальное учение; основное его отличие от индивидуального бессознательного – коллективное едино для разных людей, не зависит от индивидуального опыта, восходит к опыту общества в целом (нося, таким образом, социально-исторический характер). Своего рода продукт генетического группового опыта, наследуемых структур психики.

XI. Физиология и биология.

39. Ганс Селье. «The Stress of Life». Ввел термин «стресс». Разделил на «дистресс» – отрицательный, и «эустресс» – положительный. Стресс есть естественная и необходимая реакция организма на внешний раздражитель, пусковой механизм адаптации организма к факторам и колебаниям внешней среды. Ввел понятие «адаптационного синдрома». Эустресс повышает иммунитет организма и способствует адаптации, дистресс – подавляет. (То есть: счастливые и удачливые живут дольше и переносят неблагоприятные воздействия легче, несчастные и неудачливые вымирают вероятнее и скорее, – добавим мы.)

40. Конрад Лоренц. «Так называемое зло. К естественной истории агрессии». Основоположник этологии – науки о поведении животных, базирующемся не на рефлексах, но глубже – инстинктах индивидуального поведения и группового взаимодействия, каковые инстинкты есть индивидуально-причинный инструментарий выживания, естественной борьбы и отбора наиболее приспособленных эволюцией.

ХII. История.

41. Освальд Шпенглер. «Закат Европы». Именно историческая концепция Шпенглера представляется главной в наследии культуролога, философа. Культуры возникают, развиваются, достигают пика, приходят в упадок и гибнут, сходя со сцены. Античная, китайская, вавилонская и т.д. культуры прошли аналогичные циклы существования. Все культуры проходят те же ступени развития, законы их фазового су-

ществования едины. Срок жизни культуры – 1000 лет. (Фактически, оставляя в стороне морфологию эстетики Шпенглера, мы впервые получаем взгляд на историю цивилизаций как асинхронные системные циклы.)

42. Арнольд Тойнби. «Изучение истории». Условия, законы, принципы генезиса цивилизаций. Три поколения цивилизаций – примитивные, творчески-динамические и религиозно-культурные. Переход в более высокую стадию обусловлен не расовым, географическим или экономическим фактором, но есть результат социально-культурной мутации. Мутация же эта зависит от совокупности многих причин и малопредсказуема. «Вызов-и-ответ» – по сути диалектическое понимание взаимодействия человека с оказывающей на него давление природой как проявление единства и борьбы противоположностей в качестве источника развития. Цивилизация гибнет в результате нарушения системы обратной связи (что не является неизбежным).

43. Лев Гумилев. «Этногенез и биосфера Земли». Создал пассионарную теорию этногенеза. В основе исторического процесса лежит энергия, которая приходит на Землю с космическим излучением и воспринимается определенными общностями людей в областях попадания на поверхность Земли этого излучения. Они становятся энергичнее, много работают и воюют, создают великую цивилизацию или великую империю, в процессе чего изначально полученная из Космоса энергия растрачивается, и цивилизация приходит в

упадок. Фазовые переходы цивилизации и отношения между народами и социальными группами объясняются уровнем энергии и ее растрчиванием. При всем наивном «механицизме» теории – это попытка взгляда на этногенез как на системный процесс в плоскость энергии.

ХІІІ. Философия прагматизма.

44. Чарльз Пирс. «Как сделать наши мысли ясными». «Закрепление верований». Создатель прагматизма (греческое «от действия»). Прямая связь философии с действительностью. Мышление рассматривается как приспособительная функция организма. Содержание понятия заключается в представлении о его возможных последствиях. Наши убеждения суть фактические правила для действия. Родоначальник семиотики как науки о знаковых системах, посредством которых человек осуществляет взаимодействие с окружающей средой.

45. Джон Дьюи. «Как мы мыслим». «Опыт и природа». Создатель инструментализма. Сознание, теория, наука – инструменты для достижения цели, определяющие образ действий. Истина существует в парадигме успеха, коррелирует с ним. Человек существует в мире, придавая ему смысл и тем самым изменяя. Научное познание фундируется здравым смыслом. Функция интеллекта – установление максимально эффективно-выгодных отношений с объектом.

ХІV. Культурология.

46. Лесли Уайт. «Энергия и эволюция культуры». Осново-

положник культурологии как таковой, эволюционист, в этой тридцатистраничной статье (1949 г.) Уайт смотрит на культуру как на термодинамическую и механическую систему с действием, обратным рассеянию энергии. «Базовый закон культурной эволюции: культура развивается по мере увеличения количества энергии, добываемой на душу населения в год, или по мере увеличения эффективности инструментальных средств ввода энергии в действие». Рост культуры ускоряется по мере эволюции и прямо зависит от роста уровня потребляемой энергии.

XV. Эсхатология. Учение о Конце Мира всегда существовало в мифологиях, религиях и философиях; сегодня оно приобрело типичные позитивистские черты.

47. Э.В. Ильенков. «Космология духа». В этой «философско-поэтической фантазмагории», как определил свое эссе автор, высказано предположение, что овладевшее в энергии Вселенной человечество в будущем, когда Вселенная приблизится к тепловой смерти, выделит содержащуюся в ней энергию методом вроде термоядерного взрыва и, уничтожив Вселенную, запустит новый виток ее существования, пожертвовав при этом собой.

48. В.А. Лефевр. «Космический субъект». Российско-американский психолог и математик заметил: «Последовательно познавая себя, космический субъект, тем самым, стремится стать вечным двигателем. Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение

это борьба с тепловой смертью».

XVI. Теория систем. Поведение и взаимодействие различных систем в природе, обществе и науке рассматривается в парадигме изоморфизма законов различных сегментов знания. Все виды и формы существования в Природе взаимно обусловлены аналогичным механизмом внутреннего развития.

49. Людвиг фон Берталанфи. «Общая теория систем». По словам самого автора: «...понятие системы стало поворотным пунктом современной научной мысли...» Возникают междисциплинарные теории. Организм рассматривается как открытая система. Системное мышление существовало еще во времена первых письменностей. Ныне создана новая – системная – парадигма для разработки теорий. Космология, кибернетика, социальная психология – в рассмотрении своего предмета анализируют аспекты и уровни единого в плане законов системного устройства Универсума.

XVII. Синергетика. Междисциплинарное научное направление (своего рода системная наука) о самопроизвольном упорядочивании хаоса, о самоорганизации систем. Строго говоря – это термодинамическое направление в эволюционизме, рассматривающее развитие открытых систем от простых (хаотических, неупорядоченных) к сложным (высокоорганизованным) при захвате свободной (внешней) энергии. Вообще синергетика продолжила там, где за полвека до нее остановился Оствальд: то следствие рассеяния

энергии, или Второго начала термодинамики, что возникают антиэнтропийные процессы в органических (а также косных) системах и есть предмет ее исследования. При этом синергетика рассматривает как принципиальный признак самообразования неравновесных систем не статичное материально-структурное усложнение, но повышение потенциала к дальнейшему упорядочиванию.

50. Герман Хакен. «Синергетика». Ввел этот термин. Учение о взаимодействии элементов сложных систем, результатом чего является возникновение новых макроскопических свойств этих систем. Рассматривал самоорганизацию в том числе на уровне самовоспроизводства культуры через язык, ментальность и т.д.

51. Илья Пригожин. «Порядок из хаоса». «Современная термодинамика». «Познание сложного». В терминологии брюссельской школы – нелинейная термодинамика диссипативных систем. То есть. Системы, существующие в процессе всеобщего рассеяния и локального потребления энергии, имеют тенденцию развиваться против вектора Второго начала, переходя из устойчиво более равновесного состояния к устойчиво менее равновесному состоянию через слабое неустойчивое состояние в точках бифуркации, где флуктуация и случай играют роль для определения пути дальнейшего развития системы.

Аристотель. Сочинения. Тт. 1–4. «Философское наследие», М., «Мысль», 1975–1983.

Берталанфи, Людвиг фон. «Общая теория систем – критический обзор». Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М., «Прогресс», 1969.

Бэкон, Френсис. «Новый органон». Ленинград, 1935.

Вернадский, Владимир Иванович. «Биосфера и ноосфера». М., «Наука», 1989.

Гамов, Джордж. Создание Вселенной. // The Creation of the Universe. Viking Press, 1952.

Гегель, Георг. Энциклопедия философских наук. Тт. 1–3. М., «Мысль», 1974–1975.

Гельмгольц, Герман. «О сохранении силы». М.-Л., ГТТИ, 1934.

Гераклит. «Философия ранних греческих философов», часть I, стр. 176–257. М., «Наука», 1989.

Гольбах, Поль Анри. «Избранные произведения». Тт. 1–2. «Философское наследие», М., 1963.

Гумилев, Лев Николаевич. «Этногенез и биосфера Земли». М., АСТ, 2005.

Дарвин, Чарльз. «Происхождение видов путем естественного отбора». «Терра – Книжный клуб», М., 2009.

Демокрит. «Фрагменты ранних греческих философов».

М., «Наука», 1989.

Джоуль, Джеймс. – По книге «Кудрявцев П.С. – Курс истории физики». – М., «Просвещение», 1982.

Дьюи, Джон. «Реконструкция в философии». М., «Логос», 2001. «Общество и его проблемы». М., «Идея-Пресс», 2002.

Дюркгейм, Эмиль. «Социология. Ее предмет, метод, предназначение». М., «Тerra – Книжный клуб», 2008.

Ильенков, Эвальд Васильевич. «Философия и культура». М., «Политиздат», 1991.

Кант, Иммануил. Сочинения. Тт. 1–6. М., «Философское наследие», 1963–1966.

Карно, Сади. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.

Кельвин / Томсон, Уильям. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.

Клапейрон, Бенуа. «О механической теории теплоты». В книге «Храмов Ю.А. – Физики. Биографический справочник». М., «Наука», 1983.

Клаузиус, Рудольф. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.

Конт, Огюст. «Дух позитивной философии». Ростов н/Д., «Феникс», 2003. «Общий обзор позитивизма». М., «Либро-

ком», 2010.

Ламарк, Жан Батист. Избранные произведения. Тт. 1–2. М., Изд. АН СССР, 1955.

Лаплас, Пьер-Симон. «Изложение системы мира». Л., «Наука», 1982.

Лебон, Густав. «Психология народов и масс». СПб., «Макет», 1995.

Лефевр, Владимир Александрович. «Космический субъ-ект». М., ИПАН, 1996.

Лоренц, Конрад. «Так называемое зло». М., «Культурная революция», 2008.

Майер, Юлиус Роберт фон. «Закон сохранения и превращения энергии. Четыре исследования». М.-Л., 1933.

Ницше, Фридрих. Собрание сочинений. Тт. 1–2. М., «Мысль», 1990.

Ньютон, Исаак. «Математические начала натуральной философии». М., «Наука», 1989.

Оствальд, Вильгельм. «Энергия и ее превращения». СПб., 1890; «Несостоятельность научного материализма». Рига, 1895; «Натурфилософия». М., 1902; «Организация и организаторы». М., 1912; «Энергетический императив». СПб., 1913.

Парменид,

Пифагор,

Протагор, – в книге «Фрагменты ранних греческих философов». М., «Наука», 1989.

Платон. Собрание сочинений. Тт. 1–4. СПб., Изд-во СПбГУ, 2006.

Плотин. «Эннеады». Тт. 1–7. СПб., изд-во Олега Абышко, 2004–2005.

Пирс, Чарльз. «Начала прагматизма». СПб., «Алетайя», 2000; «Логические основания теории знаков». СПб., «Алетайя», 2000; «Избранные философские произведения». М., 2000.

Пригожин, Илья. «Современная термодинамика». М., «Мир», 2009 (И. Пригожин, Д. Конделуди); «Порядок из хаоса». М., ЛКИ, 2008 (И. Пригожин, И. Стенгерс); «Познание сложного». М., ЛКИ, 2007 (И. Пригожин, Г. Николс).

Селье, Ганс. Hans Selye. «The Stress of Life». N-Y., 1956.

Смит, Адам. «Исследование о природе и причинах богатства народов». М., «Эксмо», 2007.

Сократ. В книгах: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.-Л., 1935. Платон. Ранние диалоги. В Собрании сочинений 4-х тт., СПб., изд-во СПбГУ, 2006.

Спенсер, Герберт. «Основные начала». СПб., 1899. Синтетическая философия. Киев, Ника-Центр, 1997. «Опыты научные, политические и философские». Минск, «Современный литератор», 1999.

Тойнби, Арнольд. «Постижение истории». М., «Рольф», 2001. «Цивилизация перед судом истории». М., «Рольф», 2002.

Троттер, Уильям. «Instincts Of The Herd In Peace And

War». Kessinger Publishing, 2006.

Уайт, Лесли. «Избранное: эволюция культуры». М., «РОСС-ПЭН», 2004.

Фалес Милетский. В книге «Фрагменты ранних греческих философов», ч. I. М., «Наука», 1989.

Фрейд, Зигмунд. «Я и оно». М., «Эксмо», 2007. «Введение в психоанализ». СПб., «Алетайя», 1999. «Психология масс и анализ человеческого “Я”». М., «Современные проблемы», 1926.

Фридман, Александр Александрович. «Мир как пространство и время». М., «Наука», 1965.

Хаббл, Эрвин. «A relation between distance and radial velocity among extra-galactic nebulae». PNAS 15 (3); 168–173. doi: 10.1073/pnas. 15.3.168.

Хакен, Герман. «Синергетика. Иерархии неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах». М., «Мир», 1985.

Хокинг, Стивен. «Краткая история времени: от Большого Взрыва до черных дыр». СПб., «Амфора», 2001.

Чижевский, Александр Леонидович. Собрание сочинений. Тт. 1–2. М., «Мысль», 1995.

Шопенгауэр, Артур. «Мир как воля и представление». Тт. 1–2. Минск, «Харвест», 2005, 2007.

Шпенглер, Освальд. «Закат Европы». М., «Эксмо», 2006.

Эйнштейн, Альберт. Собрание научных трудов в четырех томах. М., «Наука», 1965–1967.

Эмпедокл. В книге «Фрагменты ранних греческих философов», ч. I. М. «Наука», 1989.

Энгельс, Фридрих. В издании: «Маркс, К. и Энгельс, Ф. Собрание сочинений. Тт. 1–39 (из 50)». М., «Издательство политической литературы», 1955–1981.

Юнг, Карл Густав. «Очерки по психологии бессознательного». М., «Когито-Центр», 2006. «Структура и динамика психического». М., «Когито-Центр», 2008. «Архетип и символ». М., «Ренессанс», 1991.

Предварительные замечания

Язык твой – враг мой

Наука появилась раньше, чем возник научный язык. Содержание опережает форму. Едини-то они едины, но содержание несколько более едино. Форма бывает вариабельна. Ну, в некоторых случаях.

Античная же философия вообще обходилась без спецязыка. За исключением отдельных терминов типа «атом» и «эйдос», приобретших дополнительное спецзначение. Философы были мудрецы, логики, софисты, казуисты, моралисты, футуристы, наставники, консультанты и аналитики. Накопители знаний, классификаторы и интерпретаторы.

Поэтому читать античных философов может любой, кто не имеет ограничения по голове.

Затем? Затем. Затем наступило мрачное Средневековье, хотя средневековцы этого не знали, и так свое время не называли. Христианство затянуло античную вольницу в вериги, завесило власяницей, пригнуло на колени и заключило в монастыри. Варвары размолотили латынь в своих наречиях. Проблемы богоустройства стали во главе угла. Латынь сделалась языком мертвым, и этот мертвый язык был единственно языком науки. Латинские выражения превратились в спец-

терминологию посвященных средь моря неграмотного быдла.

Лютер перевел Библию на русский, тьфу, на немецкий, и философия Возрождения стала разворачиваться лицом к народу. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Но за тысячу лет латинская терминология прочно застряла в узелках философских координат.

И вот французские Энциклопедисты стали писать как можно проще – но одновременно классические немцы с темным Гегелем в верхнем углу стали писать как можно сложнее. Правда, они были и умнее, похоже.

Гегель был так мудр, что после него захотелось коровьего мычания. После лекции по квантовой механике избыточный адреналин подталкивает на анекдоты. Итого во Франции возобладал демократизм, в Англии здравый смысл, а в Германии Шопенгауэр, не говоря о последующем Ницше.

То есть. Читать Герберта Спенсера легко и нормально. Читать Шопенгауэра легко и нормально. Читать Ле Бона тем более легко и нормально. Потому что они были нормальные люди. И у них были самостоятельные и крупные мысли. Которые они более всего желали понятно и точно изложить и донести до читателя.

О черт, я чуть не забыл! Вот Буало во Франции и сказал перед всем этим Новым Временем:

«КТО ЯСНО МЫСЛИТ – ТОТ ЯСНО ИЗЛАГАЕТ».

Ну, Золотой Век кончился Мировой Войной, а потом при-

шли модернисты с постмодернистами, и одновременно гомосексуалисты, социалисты, узкие специалисты и внутринаучные фантасты. И могучее древо философии стали расщеплять на спички и лучины философских поднаук. Бритва Оккама за этим нелегким занятием затупилась, иззубрилась и была выкинута вон. Сущности стали множиться, как дрожофилы, и отражаться в лабиринтах зеркал. Постмодернистская философия вооружилась сачками и стала играть этими мушками в бадминтон. Шпанские мушки щекотали элитный интеллект. В моду вошла игра в бисер.

Философская долина заросла терминологией, как густыми волосами в период зрелости. Ровная кожа при рассмотрении в микроскоп испещрилась лунными кратерами, и каждый имел свое название. Текст обрел насыщенность полосы препятствий.

Для большей понятности – сравнение: размножение философских спецификаций можно уподобить размножению бюрократии. Поначалу же нормальные были и полезные ребята, свои и немногочисленные, и нормально помогали решать государственные и социальные вопросы. А потом стали обрастать другими чиновными ребятами в геометрической прогрессии, инструкций друг другу они до черта понаписали, и стало от них не продохнуть, и никакой элементарный вопрос решить стало невозможно.

По мере времени в развитии любой системы прогресс переходит в стадию с и с т е м н о й д е г е н е р а ц и и. Ко-

личество вспомогательных элементов переходит меру и дает новое качество: помеха вместо помощи. Но. Но система требует, чтобы все новые элементы в ней выглядели привычно, единообразно: «подобающе». И? И.

И научный стиль превращается в ребус. Изобилие терминологии являет собою «спецязык». Термин есть знак кодированного понятия. За ним тянется ветвистый пучок связей, следствий и ассоциаций. Разные научные течения часто придают терминам различающееся значение. Процесс чтения перестает напоминать езду по гладкому шоссе и напоминает ориентирование в лесу, когда карта помята и условные значки расплываются и часто неразборчивы.

Зато сразу видно, что стиль научный.

Для научного стиля характерны длинные предложения со многими оборотами, масса вводных слов, уточнений, распространений... Короче, характерна лексико-грамматическая перегруженность фразы. А также перегруженность внешними семантико-логическими связями. Стиль густ и вязок для потребления. Не для дурачков писано, не для дилетантов. Для подготовленных специалистов, людей умных.

И здесь кроется под ковром спецязыка спецловушка. А в спецловушке часто сидит голый король.

Объем оперативного мышления мозга – величина ограниченная. В единицу времени мозг не может перелопачивать и раскодировать информации больше определенного предела.

Или ты несешь шестьдесят кило хлеба – или шестьдесят

кило упаковки. Упаковка должна быть минимально достаточной для переноски на данное расстояние в данных условиях.

Проигрывая в силе – выигрываем в расстоянии. И наоборот.

Выигрывая в точности, объемности, длинномерности и ассоциативности густой терминологии – мы проигрываем в объеме и массе конечного смысла в сухом остатке.

Все большая часть оперативного мышления расходуется на раскодирование научного языка и сплетение понятийного ковра из расшифрованных понятий. И это происходит за счет уменьшения постижения упакованной смысловой части. Причем не только адресатом – но и автором-отправителем!

Умная сущность заменяется умной формой – при минимуме или вовсе отсутствии принципиально новой или сущностно сложной информации.

Сложность формы оттягивает на себя мозговое усилие с сути, и это стянутое одеяло оставляет суть озябшей, маленькой и полудохлой.

Обычно содержание современной философской статьи сводится к гулькиному носу, и тот часто следствие пластической хирургии.

Простота изложения отнюдь не адекватна простоте содержания. Излагать просто труднее, чем сложно. Сначала трудно постичь. Потом трудно изложить. Потом трудно передать

человеческим языком. Вот последней частью триады обычно пренебрегают, и более того – отвергают уничижительно.

Вот поэтому мы будем говорить просто. Нас интересует суть.

Профессионалы и формалы

Противопоставление профессионалов и дилетантов уже на стилистическом уровне не в пользу дилетантов.

Профессионал – это основательно подготовленный человек, под руководством учителей прошедший школу. Он пре-
взошел базовый курс всех наук, лежащих в основе его профессиональной деятельности. Он занимается своим делом ежедневно, и это есть его профессия. Этим он зарабатывает себе на хлеб. Он постоянно в форме. Он в курсе новинок. Он информирован. Он знает законы и правила своей профессии. Коллеги дают о нем положительные отзывы. У него есть свой участочек в науке, хоть крошечный.

Дилетант не имеет систематического базового образования в деле, за которое принялся. У него нет диплома с положительными оценками по курсам прослушанных наук. У него не было преподавателей его науки. Он вообще учился чему-то другому и зарабатывает на жизнь чем-то другим.

Он не входит в корпорацию, не включен в корпоративную иерархию, не знает всех правил. В его знаниях есть пробелы. Иногда он нарушает элементарные законы своей «факультета-

тивной профессии» – по незнанию или верхоглядству. Он несерьезен и чужд.

Давайте разбираться. Здоровый парень впервые вышел на ринг и был мгновенно нокаутирован меньшим и слабейшим по физическим данным, но техничным боксером. Вот разница между профессионалом и дилетантом.

А вот парень вышел на ринг и избил мастера спорта. У него молниеносная реакция, жуткая колотуха, он держит удар как столб, а тренировался он самостоятельно в сарае с пыльным мешком.

Победа определяет, кто лучший боксер.

Или приезжает девчонка из провинции поступать в консерваторию и вдруг выдает такое пение природно поставленным голосом, что примы бледнеют от предощущения ревности. Ну – слышно ее!..

А что, черт возьми, есть критерий в гуманитарных науках? В гуманитарных науках нам норовят сообщить, что конечная истина недостижима и непостижима, а объективной истины нет вообще. Причем и по этому вопросу есть разногласия; а само значение слова «истина» по-разному определяется в разных парадигмах.

Концентрация научной атрибутики и степень общепризнанности профессиональным сообществом – есть основной критерий профессионализма. Оно же – критерий значимости. Оно же – критерий истины. Нет?

Если перелопачено много материала – тогда ясно. Если

приведен в какую-то систему нарытый ранее горами материал – тогда ясно. А если это «К вопросу о трактовке термина “хрен огородный” в монографии Митина-Попеля “Идеальный человек и постмодернистская философия” в свете развития синергетики»? Научный вклад неразличим невооруженным глазом – но профессионализм налицо!

Если доктор исторических наук, специалист по довоенному периоду советской истории, скажем, перевирает по незнанию марки военной техники и принципиальные цифры, – он профессионал? Да.

А если инженер без истфака обнаруживает в этом вопросе гораздо большую осведомленность и складывает разрозненные ранее факты в систему, объясняющую причины процесса, – он дилетант? Гм. Да. Ну, не дилетант – так любитель. Все равно эту куда хуже, чем профессионал.

А если академик от истории, или философии, или экономики тридцать лет нес коммунистическо-марксистскую чушь, подгоняя свои верноподданнические выводы под приказную партийную установку... – он профессионал? Гм. Да. Он был не прав, но он был профессионал.

Опаньки!.. Получается, профессионал тот, кто обладает всеми формальными признаками профессии: диплом, диссертация, встроенность в профессиональную структуру, зарплата за это занятие. Хреновый столяр, руки из задницы растут, но это его профессия.

Слово «профессионал» стилистически сильно оформле-

но. Профессионал в спорте – это сильнейший и наилучший, отбор жесток и постоянные нагрузки огромны. Профессиональный солдат, моряк, строитель и т.д. Слово звучит похвалой и признанием. Верхняя ступень на лестнице занятий.

Но. Говоря о гуманитарных науках. Образование представляет собой чтение книг, слушание лекций, сидение на семинарах и сдачу экзаменов. Книги доступны каждому, лекции изданы в учебниках, семинары и экзамены есть кнутик для нерадивых. Знать историю лучше профессионального историка есть вопрос желая, времени, памяти и количества прочитанных книг. Все? Все...

А если уровень знаний одинаковый, то что отличает профессионала от любителя? Степень понимания. И атрибутирование профессии.

(Понимание – у любителя может быть выше! Здесь все дело в голове. Многознание уму не научает. Но – не будем забегать...)

Слов сказано уже гораздо больше, чем надо для понимания. В любом случае, невзирая ни на что, профессионала отличает от любителя наличие формального образования, формально подтвержденной корпоративной компетентности и формального инкорпорирования в профессиональную среду; плюс получение денег за занятие своей профессией.

А если профессионал некомпетентный дурак? Ну, в любом деле есть некомпетентные дураки.

То есть. Относительно гуманитарных наук. Где возникают споры профессионалов с любителями. Слово «профессионал» корректно будет заменить словом «формал».

Любитель может быть гораздо более основательным профессионалом, чем формал. Он может читать больше литературы по специальности. Он может фанатично уделять больше времени и энергии своему делу. Он не отвлекается на заседания кафедры, преподавание, участие в комиссиях и поездки на конференции. Он не должен соотносить свои труды с мнением научных руководителей и авторитетов. Он пашет ненормированный рабочий день, его работа и хобби налиты в один флакон. Он компетентнее в своем деле, черт возьми! Он и есть профессионал! Но не формал.

В споре между формалом и неформалом профессионал тот из них, кто более владеет предметом! Кто больше и глубже знает! Кто посвятил этому больше времени! Кто будет спорить?..

Под «профессионализмом» обычно подразумевается не степень владения профессией – а принадлежность к формально-корпоративной структуре! То есть: не тот кузнец, кто лучшие мечи кует – а тот, кого старейшины цеха приняли в гильдию.

Вот термины «профессионализм» и «формальная принадлежность» в гуманитарных науках должны быть жестоко разведены и отделены друг от друга. Так же как «любитель» и «дилетант» по сути означает малую степень владе-

ния предметом, нерегулярность занятий, отсутствие необходимой образовательной базы. А не работу вне формальных структур и без соблюдения формальных процедур.

Слава Богу, всех выпускников Литературного института еще никто не придумал называть писателями и поэтами. Образование писателей разнообразнейшее. И Союз Писателей СССР, гнусное чиновное министерство советской литературы, давно и навсегда ликвидирован. А ведь в советские времена профессиональным писателем называли только члена Союза писателей! А принимали только кого надо, и ох не простая была процедура!

Так что, ребята, по участию или неучастию в работе структур и ведомств – надо различать формалов и неформалов.

А по степени компетентности в предмете и глубине мышления, и уделяемому времени, – профессионалов и непрофессионалов.

Подмена этих понятий на руку сплоченным бездарным формалам, которых большинство везде, и которые зорко охраняют свою поляну кормления.

Если же говорить о философии, то Герберт Спенсер был инженером-путейцем, Ницше – филологом, Декарт окончил лишь иезуитский колледж, и так далее.

У формалов и не-формалов имеет место разница ценностных ориентаций. Не-формал снедаем идеей и жаждой, мысль обуревает его, внутренний посыл не дает сидеть на месте. Он роет землю день и ночь в поисках вожденной истины. От-

крытие кружит ему голову. Годы занятий делают его профессионалом. Действия же формала регламентированы, и средства (типа научных степеней) чаще всего становятся целью.

Если энтузиаст-неформал десять лет упорно занимается любимым делом, он делается серьезным профессионалом. Заметим, таких людей вообще мало. Речь идет о творческих натурах. И только о них.

Среди формалов такие безусловно есть. Но, естественно, меньшинство. Творцов везде меньшинство.

«Карьерный дипломат» на дипломата учился и шел по ступеням дипломатической лестницы. «Некарьерный» – ранее занимался другим делом, но по умственным, волевым и образовательным данным был поставлен на конкретный ответственный пост – как серьезная фигура. Дилетантом и любителем его не зовут, а мнения карьерных дипломатов при назначении его их начальником не спрашивают.

Карьерные философы всячески отбрыкивают информацию о некарьерных. Конкуренцию никто не отменял во всех отраслях деятельности. В любви и на войне все способы хороши. Конкурент подлежит уничтожению. Обвинения в непрофессионализме, что на деле есть констатация непринадлежности к формальным структурам и не более, – удобный аргумент. Аргумент по форме, а не по сущности.

Но когда академическое поле подверглось бесплодию вследствие многолетнего засоления почвы, живое дерево можно вырастить только за его пределами.

Академия

Древние греки произносили в этом слове «д» твердо. Ну, по крайней мере большинство классиков так считает.

Что характерно для сегодняшнего академического поля? (Так и хочется придурочно впилить «Поле чудес в стране дураков». Но мы воздержимся от пошлого зубоскальства. Ослов и ученых на середину! А сам-то я кто, если под покровом тумана пробираюсь на это поле с пятью золотыми за щекой, чтоб вырастить чудесное деревце с ширпотребом от кутюр?..) Для сегодняшнего академического поля характерен процедурный и вообще формальный канон.

Во-первых, следует превзойти курс философского факультета, сдав проходимые дисциплины на положительные оценки. И защитить диплом на тему, утвержденную кафедрой.

Во-вторых, поступить в аспирантуру или оформить соискательство на кандидатскую степень, и найти себе научного руководителя.

В-третьих, этот научрук будет визировать твои статьи и диссертацию. Учитель у тебя должен быть!

Публикации должны соответствовать требованиям, предъявляемым научными журналами и сборниками. Соответствовать канону. Обзор предшественников, формулирование темы или вывода, научные ссылки на авторитеты.

Язык без эмоций. Интонация нейтральная. Резюме. Библиография.

Оппоненты, доктора наук, выскажут свои критические и одобрительные замечания. Если твоя точка зрения противоречит взглядам серьезного авторитета – тебя разнесут. Если явно вносит что-то новое и серьезное – к тебе присосутся маститые соавторы и постараются большую часть заслуги приписать себе. Если твои работы блестят яркой мыслью – завистники постараются зарыть тебя в навоз.

Ну, а поскольку большинство везде составляют заурядности, то наука, разумеется, не составляет исключения. Полвека назад сосчитано, что девяносто семь процентов работников научного поля любой страны – балласт, систематизаторы, администраторы, компиляторы и популяризаторы. Они необходимы, чтобы частый бредень институтов захватил с ними и три процента тех, кто двигает науку.

А критерий где?.. А кому такое положение вещей выгодно?.. С критериями в трепологических гуманитарных науках плохо. Прикажут марксизм – будете марксистами. Прикажут церковь – будете православными. Прикажут либерализм – будете педерастами и жуликами. Прикажут реформу языка – и как родные закурлычете «облэгчить» и «обеспечение».

А выгодно это тому, кто через коня перепрыгнуть не может, но все занятия по физкультуре посещает исправно, форма спортивная у него всегда в комплекте и чистенькая, подбегает к снаряду бодро, а упав вскакивает и принимает чет-

кую стойку приземлившегося. Все смеются, физрук улыбается, но: «Подход пять, отход пять, посещаемость пять, форма пять, выполнение упражнения – два... общая – четыре».

И если в научной работе абсолютно все требуемые условия соблюдены, то неразличимость научного смысла можно простить. Типа все мы не гении, ученый владеет предметом, посильно двигает современную науку, поздравляю с новой работой, коллега. А руководители кто? Здравсьте и вам.

Наука монополизируется. Свободная конкуренция давится в зародыше. В науке возникает административный ресурс и идет в ход всей своей мощью. Ревность. Плановость. Дележ пирога. Борьба за гранты и госдотации на учебники.

Плевать нам на это, на каждой кухне свой чад и помойное ведро, если бы не одно но.

Сегодня уровень информационного обеспечения любого бытового шага таков, что в инструкцию к микроволновке прилагается запрет на сушку в ней выкупанных кошек, чтоб не сдохли. Два на три продавец умножает на калькуляторе. И на любое утверждение в научном труде полагается ссылка. Вот вы полагаете, высокоуважаемый коллега, что при наличии стимулов производительность труда возрастает? ссылочку извольте привести: кто, когда, в каком труде и на основании каких исследований доказал научно, что возрастает. А иначе это не наука.

Благими намерениями мостится дорога в зад. Самостоятельно определите и уберите лишнюю букву. Как показал

Абрам Маслов (простите, Абрахам Маслоу), потребности бывают первого и второго порядков, причем сначала необходимо утолить жажду и голод, а уже потом искать смысл жизни и делать прическу. И таки да!

Ссылки всыпаются в текст густо, делая раствор близким к кристаллизации. На любом пункте автор работы переводит стрелки на других: это он сказал, а это вон тот, их утверждения видимо проверены научной общественностью, так что если они и ошибочны, я лично не виноват.

Но главное: избыток ссылок, упор на ссылки, – не оставляет пространства для самостоятельного думанья. Мыслительный процесс заменяется сборкой конструктора «Лего». Корпоративная солидарность девяноста семи процентов бездарей зорко охраняет свое право заниматься наукой: выкладывать узоры из ссылок без необходимости предьявлять собственную оригинальную мысль.

Благородный путь познания методом углубленного и последовательного размышления, который превозносили древние греки, легко осмеивается.

Избыток справочного аппарата в тексте компенсируется пропорциональным уменьшением доли мышления. Более того: у массы гуманитарных ученых школа отбивает умение мыслить самостоятельно, атрофируя само представление о самостоятельном мышлении. Грубо говоря: они зазубривают формулы, но не в состоянии вывести их самостоятельно, исходя из простых первичных данных, – если перевести с гу-

манитарного на язык точных наук.

Таким образом доктор психологии может отрицать групповую самоидентификацию по национальному признаку, ссылаясь на авторитеты политкорректности, а доктор философии может всю жизнь изучать некоторые аспекты соотношения идеального и материального, жутко уважая при этом свою профессиональную компетентность. Прекрасны также экономисты, научно выводящие формулы того, что если тебе проще выменять нужную вещь на производимый тобой постоянно продукт, чем сделать эту штуку самому, – то согласно теории ученых таких-то большинство современных экономистов склоняются к этой точке зрения.

Справедливый вопрос: «С чего вы это взяли?» заменен профессиональным вопросом: «Предъявите, где вы это прочли». Ло гика, анализ, экстраполяция – не считаются.

Здравый смысл превратился в антинаучное понятие, достойное поношения.

Историки, будучи не в состоянии сформировать факты в теорию, – требуют исключительно архивных документов, приравнивая их отсутствие или ненахождение к бездоказательности и ошибочности. Логика, политология, стратегия, экономика, социология и психология – для большинства историков словно не существуют. Они принципиально отрицают самостоятельное мышление и злобно требуют документов, хотя любой документ можно как сфабриковать, так и уничтожить. Официальная русская история XX века, ска-

жем, яростно сводит себя к архивистике.

Кризис цивилизации имеет необходимым аспектом кризис мировоззрения. Что естественно осуществляется в кризисе гуманитарных наук.

Внутринаучная гуманитарная методология начала XXI века весьма изрядно уподобилась средневековой схоластике. Наука все более сводится к цитированию авторитетов и интерпретации их точек зрения.

Академическое поле разлиновано и регламентировано настолько плотно и жестко, что любое свободное движение все более нарушает инструкции и законы дорожной полиции этого региона. Езда по этим правилам отнимает решительно все время и все силы.

Представляется более плодотворным работать вне академического поля, если ты придаешь значение именно тому, что считаешь нужным сказать, а не существованию внутри академической системы.

Философствование насчет философии

1. Из чего родилась и сформировалась философия? Из потребности человека постичь устройство мира. Понять, узнать, вообразить начало и причину Истории. В чем изначальная причина Всего Бытия? Как связаны его части? Почему отношения человека с природой именно таковы? И т.д. Философия включала в себя и космогонию, и психологию, и

логику, и этику, и политологию, и т.д.

2. Какова основная задача философии? Объяснить в полном объеме и на всех уровнях, почему жизнь устроена так, а не иначе. И как же именно в своих глубинных взаимосвязях она устроена.

Уровень космологический первично выглядел: отчего холод и жара? ночь и день? солнце и звезды? откуда взялись, кто сделал?

Уровень психологический первично выглядел: почему он сильнее? почему мы воюем? почему она хочет быть с ним, а не со мной?

Как дельта реки дробится на ручьи и протоки, философия на рубеже XXI века растеклась на множество внутрифилософских наук и поднаук. И каждая занимается своим делом. Узкая специализация под увеличением подробного микроскопа делается безбрежно содержательной. Но основной вопрос остается тот же.

Почему человек таков, каков есть. И почему мир таков, каков есть. И в чем первопричины этого устройства. И как они связаны и обусловлены друг другом.

Устройство мира отошло к естественным наукам. Устройство личности и общества отошло специальным гуманитарным наукам.

Вопрос о первопричине Бытия в противоположность Небытию был серьезными людьми отнесен к области принципиально Непознаваемого.

Что осталось в изначальной основе? Вот если без постмодерна и пятой производной от смысла?

Что такое счастье? Почему мир несправедлив? В чем смысл жизни? Чем все кончится? Философия, которая не рассматривает эти базовые для любого человека вопросы, не есть философия. Но есть частная внутрифилософская поднаука, занимающаяся частными вспомогательными вопросами.

3. Что же такое философия?

Ответ первый. Вся совокупность философских, околофилософских, внутрифилософских наук и поднаук, рассматривающих все философские, околофилософские и внутрифилософские вопросы и подвопросы. И таким образом все, что рассматривает какой-то частный отрезочек и участок общего философского поля, есть философия. Таковы азы: современная общепринятая точка зрения. Типа нельзя же объять необъятное, но можно потрогать по кусочкам.

Ответ второй. Философия – в смысле конкретная философская система – есть единая, цельная, логически увязанная система мировоззрения, рассматривающая Бытие во всем объеме и основных принципиальных взаимосвязях, от устройства Космоса до устройства индивидуальной человеческой психологии. И все основные процессы Бытия рассматриваются и анализируются с точки зрения единства этих взаимно связей. Вот все, что вообще существует – находится между основным и принципиальным устройством Космоса

– и глубинными мотивами человеческой психики. Как между двумя крайними обкладками аккумулятора. Философия – это цельное и логичное мировоззрение, под углом которого рассматривается и объясняется в с е. Вот вообще все. Таков наш примар. Что?.. простите. Я хотел сказать: вот так следует понимать, что есть философия по настоящему счету.

4. И кто такой философ? Возможен ряд ответов:

а) Любой, кто кончил философский факультет (или еще учится на нем). «Филологи, физики, математики, географы». Групповое отличительное наименование.

б) Любой, кто работает в структуре, преподающей или изучающей философию: на философской кафедре, в институте философии, в редакции философского журнала как специалист, в системе Академии наук по линии философии, или состоит в редколлегии философского издания, и т.д.

в) Любой, кто защитил кандидатскую или докторскую диссертацию по философии.

г) Ну, видимо, любой, кто принят в официальное философское общество, – например, Российское философское общество.

Это – определения в границах академического поля. Хотя есть там еще один ответ:

д) Любой, кто внес признанный философским сообществом вклад в изучение и развитие философии. Независимо от образования и способа зарабатывания на жизнь. Руссо. Гераклит. Спиноза. Как правило, это относится к тем, кого

уже похоронили. С мертвецами всегда спокойней и определенной.

А еще:

е) Любой человек, кто часто и углубленно размышляет о жизни и приходит к умным выводам. Кого знакомые считают человеком мудрым. Кто любит выводить обобщения из жизненных частных. Кто понимает взаимосвязь вещей, способен понять причины явления и неизбежные по жизни следствия поступка. Вот такой стихийный, природный философ. Бытовое такое понятие.

ж) Тот, кто создает оригинальную философскую систему. Цельную и новую систему взглядов на общее устройство мира. На смысл взаимосвязей Бытия. Ну, видимо, это философ по большому счету. Эти философию и создают.

5. Что есть русская философия и каков ее вклад в мировую?

Ну, начнем с того, что наука появилась в России при Петре Первом методом импорта из Германии. Завезли немцев и сделали Академию Наук. Молодая страна. Обиды нет. Кто позже начал – дальше уйдет.

В великом XIX веке русская наука только зарождалась и вставала на ноги. Ну, и философия тоже. И только было дотянулись и приспособились – бац! Октябрьская революция. Запрещено все, кроме государственно предписанного марксизма. А потом похерили и марксизм и эдакими философскими бомжами стали глядеть, куда пристроиться.

Не место философии в тоталитарном государстве! Не зреет она на Колыме!

Ну, а великий Серебряный Век? Ильин, Федоров, Шестов, Бердяев? В Философской энциклопедии поразила меня давно одна формулировка из статьи о Бердяеве: «Его творчеству были свойственны асинхронные семантические ряды». Я аж рот открыл. В сущности, это жестокое оскорбление. То есть: «несогласованность смысловых рядов». То есть: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». И это пишет научный авторитет о великом русском философе!

С превеликим тщанием, потев от усердия и волнения, я стал перечитывать Бердяева. Я Бердяева в первый раз на третьем курсе университета читал. Он был при советской власти запрещен, «бердяевщина» было ругательным словом, я читал самиздат. И вот в девяностые стал перечитывать. А лучше бы не брался. Не врет энциклопедия.

Он рассуждает от точки К до точки М. Откуда взялось то, что было до К, его не заботит. Что будет после М – тоже вопрос какого-то другого исследования. Гм. А следующая работа – от совсем другой точки уже до следующей ей. Разные цепи рассуждений, развернутые в разные работы, не лежат в плоскости единой философской системы. Не составляют единого мировоззрения на все проблемы бытия (простите за неправильность выражения).

То есть. Ход размышлений от и до – прекрасен. А о чем речь в общем, в генеральном? Христианскую мораль не Бер-

дьяв же создал!

О прекрасной идее Федорова оживить всех мертвецов как конечную цель развития человечества следует говорить скорее с психоаналитиком. Поистине на бесптичье и коза шансонетка.

Да что они, черт возьми, нафилософствовали?! Не надо спеси!.. Они философствовали о разном. Умные образованные люди с развитым абстрактным мышлением и, что не менее важно, сильным и болезненным моральным чувством. (Можно так сказать или нет?..)

Одно из самых ненавистных мне слов – это слово «порассуждать». «Интересно было бы порассуждать на эту тему». Меня от этого крючит. Не «проанализировать», не «сделать выводы», не «определить доминанты», и даже не «рассмотреть ситуацию» – а именно «порассуждать»!.. Клуб пикейных жилетов на randevу. Портрет гуманитарного интеллигента в кухонном интерьере. И вот никак я не могу отделаться от того представления, что русская философская мысль любила порассуждать. О высоких и важных материях. На ту или иную тему. Вообще так. Обобщая.

Я полагаю разницу между словами «философия» и «философствовать». Философия – это система, мировоззрение, единый комплекс взглядов на мир, и в ее основе лежит оригинальный, свой собственный, не бывший ранее взгляд на всю взаимопричинность Бытия. Примерно так. А философствовать – это рассуждать в парадигме одной или нескольких

готовых и чужих философских систем на разнообразные темы, как связанные, так и не связанные между собой.

В таких формулировках – философии в России не было. Было философствование. Глубокое и мелкое, умное и пусто-порожнее, по разным умным или менее умным, или даже важнейшим, вопросам.

5А. Когда я читаю труд, посвященный апологетике свободы, у меня повышается давление. Что такое свобода????!!! Как ты ее понимаешь и можешь сформулировать в данном рас суждении?! Где здесь категория, где здесь субстанция, что ты вообще имеешь в виду? Она не имеет физических измерений. Свобода не сидеть в тюрьме, свобода не подчиняться власти, свобода летать, свобода повеситься и т.д. бесконечно – это несколько разные вещи. Свобода выражать мысли и передвигаться – это часть области свобод гражданских, где неизбежны области свободы и согласованного подчинения. И так куда ни плюнь. Здесь не место давать хоть краткое исследование и формулировки – я сделал это в «Все о жизни». Это не философское рассуждение – это метафористика: рассуждать о свободе, не формулируя жестко предмет рассмотрения. Это пара-философия, субфилософия, поэтикофилософия, вошедшая на рубеже XIX – XX веков в моду с руки Ницше.

Эту смесь христианского морализаторства с идеалистическим анархизмом, вылетающую порциями, как волны аромата из хлопающих дверей цветочного магазина, невозможно

воспринимать всерьез.

Впрочем, в Словакии, Эстонии и Португалии тоже есть словацкая, эстонская и португальская философская мысль, просто мы ее отсюда плохо видим и не очень осведомлены. Кстати, ирландская философская мысль имеет очень древние корни. И ни слова о выпивке!

6. Если понимать под философом мыслителя, создавшего свою философию, то бишь единую философскую систему взглядов на мир, оригинальную и внутренне логичную, объясняющую сущее с единой и дотоле не бывшей точки зрения – ну, на этом уровне подхода философов в России не было.

А кто есть? Строго говоря?

Есть философоизучатели. Философопопуляризаторы. Философоинтерпретаторы. Философоуглублятели и философаразвиватели.

Мелкорозничные философаразработчики есть. Философпреподаватели в изобилии. И над всеми, в серебряном прошлом – философствователи.

И спасибо им всем огромное. Пусть цветут десять тысяч цветов. Пусть кто может сделает больше.

7. Каждому плоду – свое время цвести и время гнить. (Что мы, метафор навертеть сами не можем?..)

Когда в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году к нам на филфак Ленинградского университета съезжались стажеры из Сорбонны и Беркли – о: шла злая шампанская волна Новой Философии! Маркузе и Поппер были замшелы-

ми столпами, а в молодых умах буйствовали и издевались вполне молодые Деррида, Барт, Фуко и вся братия. Слово «постмодернизм» только оформлялось на губах. После тупого советского-марксистского железобетона новая философия была прекрасна, как Битлз, вождельно-демократична, как джинсы, модна, как красные носки под брюками в шестнадцать сантиметров! Гремела революция сексуальная, хипповая, анашова, матерная, антибуржуазная! Мир треснул, и трещина прошла через мозги философов также.

Время созидать – и время нести по кочкам! По кочкам веселей.

По прошествии сорока лет странно встречать эпигонов этого веселого разрушительного хулиганства. Ибо разрушать можно только то, что уже кем-то до тебя создано. В этом смысле: созидание бесконечно – разрушение ограничено. Но забавно и слегка удивительно уважение, с которым стараются относиться к себе терминологически нагруженные пустоболты, строя карточные домики из слов.

Я бы охарактеризовал сегодняшнюю эпигонскую постмодернистскую философию как «деструктивный мультиконструктивизм». Мы можем взять любую грань любого аспекта Бытия в любой трактовке, и на этой грани создать любую зеркальную конструкцию. Объективная истина – это не более чем беглый повод для насмешки. Встроенность в некую общую целесообразность – для идиотов, здесь не может и предполагаться. Главное: создать конструкцию, которой еще не

было. Виртуальность конструкции есть положительное качество, ибо в сущности виртуальна вся интеллектуально-чувственная сфера, и тем самым вся культура. А что виртуально – то произвольно и относительно.

Так мы на следующих витках спирали, которую не скажу кому и куда надо вставить, вернулись к апориям Зенона, и как это стильно, что Ахилл никогда не догонит черепаху; и к прекрасному предложению посвятить себя исследованию, сколько ангелов может поместиться на острие иглы, ибо это дает неограниченный простор для предположений и логических схем.

Эти экзерсисы имеют тот же смысл, что изоощренные упражнения для музыканта; или коллекция мод высокого дома, которых одежда никто никогда вне подиума не сможет носить. Качалка для мозгов, клизма для кишечника. Думать и рассуждать – таки да полезно. Но к устройству мира и истине это не имеет никакого отношения.

Дикие и хилые побеги современного постмодернизма – это выморочные мутации философской эволюции, которая не может прекратиться в любых условиях. Переползание философией теневой болотистой зоны на пути между двумя вершинами, прошлой и будущей.

8. Философы – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Проходя мимо туалета, приходится морщить нос. Я имею в виду идиотов от неофрейдизма, которые не все еще перевелись. И как обычно, самое забавное и бесящее в ду-

раке – это самоуважение. Дурак уважает себя за научность рассуждения и за научность вывода, презирая необразованных: непосвященных, не постигших глубин его мысли.

И когда мыслитель класса Эриха Фромма кропотливо и научно доводит до сведения человечества, что у Адольфа Гитлера был анальный тип личности, и его влечения, идеи и действия в основном определены тем, что у него были проблемы с дефекацией и патологически преувеличенное внимание к дефекации, что, короче, какал он плохо и хотелось ему играть со своими какашками, вот в чем корень гитлеризма! – мне хочется заставить автора этого научного открытия строить домики из своих какашек и судебным решением запретить ему писать книги.

Научная логика и здравый смысл могут не совпадать, и сильно не совпадать! Но вовсе провозгласить примат научного исследования над здравым смыслом, и тем хуже для смысла при их несовпадении! – это ведет в веселый бурьян интеллигентского идиотизма, где психопатологически и занимается дефекацией когорты тужащихся мудрецов современного неофрейдизма.

Нет, вы понимаете: танцовщик в обтягивающем трико достиг вершин балетного мастерства и скачет перед залом, потому что в детстве испытывал влечение к своей матери! Забавно то, что сей вольный бред серьезно обсуждался крупными формальными авторитетами.

9. Змея, глотающая свой хвост – это, конечно, хороший

старый символ. Однако самопереваривание не есть диета, способствующая здоровью и ясности мышления.

С определенного момента философская мысль занялась в основном изучением себя. Мысль стала под разными углами и соусами мыслить себя самоё. А, собственно, какое отношение к реальности вообще имеют мои чувства? И мысли? А может, все это иллюзии? И познание – не более чем интеллектуальный эксцесс моего мозга? И вообще: Бытие – это сумма языковых понятий? Или служебный материал для человеческого страдания, каковое и есть основа основ Мира? Давайте разбираться, в чем основа основ всего Сущего, и какими средствами это может быть познано и передано. И каковы варианты Познания, и какой из них предпочтителен, а какой неверен.

Здравый смысл, устройство мира и человеческие проблемы оказались изрядно разделены. Философия занялась прежде всего самой собой, любимой и важной.

Если из философского труда невозможно понять, в чем смысл и причина существования сволочей и героев, счастья и горя, справедливости и вражды, и вообще почему мы творим то, что творим, – это, наверное, не совсем философия. Это некие там были разговоры о частных и специальных вопросах. Больному без медицинского образования бессмысленно читать учебник анатомии или биохимии в надежде исцелиться от своего недуга. Они необходимы врачам.

Часть любой системы всегда работает на самообеспечение

всей системы. Хотя в государстве, хоть в армии, хоть в любой фирме: надо обеспечивать своих сотрудников едой, кровом, транспортом и т.д. По мере бюрократизации любой социальной системы все большая часть ее действий направлена на поддержание и развитие собственной деятельности. По достижении пика эффективности, по достижении оптимального баланса расходов на внутреннюю и внешнепродуктивную деятельность – наступает дегенерация системы, дополнительные расходы дают все меньшую отдачу наружу, все более потребляются внутри самой системы. И вот уже система работает сама на себя: все силы и средства идут на поддержание своей деятельности без всякой пользы посторонним.

С философией за последние пару сотен лет произошло нечто аналогичное. Все больший объем работ по самопознанию и саморазвитию, углублению и расширению старых и все новых течений и подходов.

Академическая философия разрастается в академическом пространстве, в котором уже почти неразличима нормальная человеческая проблематика. Философия достигла необыкновенной глубины и изощренности в познании себя.

Это ужасно напоминает старый фантастический рассказ про робота-зазнайку, который увлечен перед зеркалом сложностью и гармонией своего устройства, будучи изначально создан как автоматическая открывалка для пива.

(Заметка на обороте:) Социология и эволюционизм определили генеральный курс философии XX века – среди реликтовых самокопаний посттерминологии и игр в бисер, сплывающих с туманом в прошлое. Европейский позитивизм преобразовался в американский прагматизм и направленно отвердел до инструментализма. Младшие уходят дальше: американцы начали последними. Н-ну, потом франкфуртская школа в тридцатые переехала в США, и эстафетную палочку употребили в непотребные действия.

И однако – и чтобы ты знал:

Философия – это ответы на главные вопросы твоей жизни, и именно твоей.

Все остальное – это второй эшелон философии, вспомогательные устройства, обеспечивающие механизмы, обозная команда, административно-хозяйственная часть, материально-техническое снабжение и медицинская помощь. Тысяча человек тридцати специальностей в сотне грузовиков носят эмблемы танкистов, но только восемьдесят бойцов в экипажах двадцати машин и есть собственно танковый полк. Мда – ордена тыловики хватают ловчее.

Главное – как же устроен этот мир, в связи с чем мы вписаны в него именно так, и какой в этом смысл.

А если вам пытаются пудрить мозги – это или парфюмер,

или кондитер.

Часть I

Всеобщая Теория Всего

Глава первая

Главный ход

1. Познай себя

Познать себя рекомендовал еще Сократ – со своим обычным лукавым ехидством, – как исходно необходимое, самое вроде бы простое и одновременно неисчерпаемо сложное, чтобы уже после познавать все остальное, внешнее.

Есть мир в человеке; и есть человек в мире, объемлющем все, включающем в себя и человека.

Античная философия познавала мир, пользуясь обычными словами и не теряя здравого смысла. Позднейшая философия, углубляясь в познание, дробила мир на отдельные явления и дробилась сама, изобретала профессиональную терминологию, распадалась на частные и дополнительные дисциплины – и в конце концов превратилась в огромный свод маловразумительных течений, понятных лишь профессиональным «философам».

Эти «философы» различным образом объясняли людям то, что люди и так всегда знали. Многознание мудрости не научает. Овладение профессиональным жаргоном «философов» еще никого не сделало Экклезиастом.

Мы познаем мир через себя и посредством себя. Через свои чувства и мышление, посредством своей центральной нервной системы. Мы имеем дело не с миром, а со своими представлениями о нем. Любая честная философия идеалистична, справедливо сказал Шопенгауэр. Сейчас умру – и разрушу Вселенную, сказал Воннегут. Доказывать можно даже неоспоримые истины, сказал Уайльд.

Но когда вам на голову падает кирпич, то дело вы имее-те как раз с внешним миром, не имея о том никакого пред-ставления, поскольку сознание было моментально отшибле-но этим кирпичом, что отнюдь не помешало ему исправно огреть вас по черепу.

Достославное противоречие между материализмом и иде-ализмом насчет первичности материи или сознания есть па-радокс, и парадокс надуманный. Война между остроконеч-никами и тупоконечниками.

Идеалист и материалист оба изучают предмет по его отра-жению в зеркале. Философия – это наука об отражении пред-метов, говорит первый. Нет, о предметах в отражении, воз-ражает второй. Если вы не можете различить, чай это или ко-фе, то какая вам разница, интересуется официант? Оба разыс-куют истины, познавая через себя мир вне себя. Оба имеют

дело с системой: я – – мир. Диалектическое единство.

А если исчезнут все люди – прочий мир останется? Да. (Хотя что будет тогда на самом деле – будет сказано ниже... это момент ключевой, принципиальный!) Значит, материя существует и без ее отражения сознанием? Да. А откуда мы это знаем? Из опыта, т. е. потому, что мы ее уже в себе отразили. А если бы не отразили, тогда что? А тогда не было бы этого разговора, который иначе превращается в схоластику. А что такое схоластика? Это система логических умопостроений, где отсутствует единая, общая для всех рассматриваемых вопросов система отсчета. А философия именно не существует без включения в себя человеческого сознания.

В чем суть апории об Ахиллесе и черепахе? В том, что система отсчета времени произвольно заукливается: вместо единой шкалы предполагается, что каждый отрезок времени равен $1/10$ предыдущего. Логически безупречно, но исходное нарушение единой системы отсчета и превращает задачу в схоластическую. Вот и с «ключевым вопросом философии» точно то же самое.

Это естественные науки, точные, – физика, химия, математика – дают результаты, не зависящие от личности и сознания человека как такового, но философия базируется и на истории, психологии, социологии, т. е. науках о человеке; попробуйте убрать из философии все, что касается человека – и никакой философии не останется. Как же можно говорить о выводах философии, условно вычлняя из картины

мира – человека?

Логически это может быть изящно. С точки зрения внутринаучных дискуссий – плодотворно: интересно! поле для споров! За века об этом написаны библиотеки. Считается, что они обогатили сокровищницу человеческой мысли. Великие умы составили Пантеон, в котором не протолкнешься.

А человек-то по-прежнему страдает, делает глупости, разрывается между чувством и долгом, пытается уразуметь свое поведение в этом мире и часто не понимает, отчего ж он ничуть не счастливее древних греков, скажем, если с тех пор за тысячи лет столько великих умов построили столько философских теорий. Не говоря уж о материальном благоденствии и прогрессе.

А человек этот, душа моя, – Ты. Ты и есть. И никто другой.

И ничего ты в жизни не поймешь, пока в себе не разберешься.

Потому что ты – ровно половина, одна сторона, диалектического единства: ты – – мир.

Если ты плохо знаешь, плохо понимаешь себя – ты ничего не поймешь в этом мире. Потому что мир – это и есть ты. Все, что только есть сущего – как-то отражается в тебе. По этому отражению ты о мире и судишь. Каждый судит по себе, ага; нет ничего вернее банальных истин – они подтверждены временем, сказал Вамбери. А этот хромоногий кое-что понимал.

Для того, чтобы познать себя, требуются, пожалуй, только

две вещи: честность и время. Честность – чтобы спокойно докапываться в себе до правды, и время для того же. Потому что если ты не сумеешь видеть правду в себе – зеркале, отражающем весь мир – то как ты можешь рассчитывать увидеть ее вне себя?

В известном смысле честность и ум – синонимы. И то и другое есть способность видеть истину. Здесь честность есть умственная добросовестность. Человек копается в себе, своих сомнениях, в добрых и злых чувствах и мыслях, уясняя мотивы своих действий, отдавая себе в них отчет – даже и особенно если это ему неприятно: не нравится он себе такой.

Людам ведь свойственно приукрашивать себя, сообразуясь с моралью. Подобно многим смертным, менее всего капитан Левассер интересовался правдой о себе. Давайте честно мыслить – это и есть высшая нравственность, сказал де Карт.

Истина и мораль есть вещи разные, как номинатив и императив.

Поступать часто надо по морали, но думать верно возможно только по истине. Мораль – готовый и вылежавшийся плод чужих размышлений.

Нет ни одной черты в человеке, которую он не может подвергнуть сомнению. Чтобы увидеть мир – надо сначала до ясности протереть зеркало, в котором этот мир отражается.

Тут нужна хорошая память. Нужно сколько-то знать биологию, анатомию, физиологию, психологию. Нужно пред-

ставлять, как действует твой организм. Нужно прочесть биографию своей души.

И вот только тогда можно развести руками и возопить: «О Господи, куда же это меня занесло? Где же я оказался?!»

2. Познать мир

Проще, проще; еще проще. Легче.

Если человек задается вполне естественным и извечным вопросом: зачем он пришел в этот мир? какова его роль и его место в этом мире? – он должен как минимум иметь цельное представление о том, что есть этот мир и как он устроен.

Факты могут быть известны каждому. Понять, постичь законы, конкретными проявлениями которых явились факты – вот задача. Добраться до самой первопричины явлений, увидеть цельную картину причинно-следственных связей мира – вот задача. А если постоянно не иметь в сознании цельную картину мира – любое суждение, любая научная теория могут превратиться в доказательство той самой апории, в которой черепаха всегда будет опережать Ахиллеса.

Например. Готовясь к II Мировой войне, Сталин уничтожил почти весь командный состав своей армии. Ни один враг не сумел бы нанести ей большего урона. Где тут цель, логика, смысл, польза?!

Проще всего повторить вслед за древними греками, что кого боги хотят покарать, того они лишают разума. Но если

бы люди в своих действиях всегда руководствовались разумом, то иной была бы вся история, и иным был бы сам человек. О роли разума речь также пойдет ниже.

Суть же сталинской акции в том, что: 1. Государству постоянно требовались рабы-заключенные, по разнарядке набираемые из всех слоев. 2. Деятельность репрессивных органов оценивалась по тому, как много «врагов» они арестуют – такие органы тоталитарному государству были необходимы, а их функционеры выслуживались. 3. Требовалось искоренить любые возможности нелояльности, инакомыслия, превратить армию в идеально, беспрекословно послушный Вождю институт: сцементировать единоначалие, необходимое для силы армии, было проще всего и вернее через страх.

А дальше учитываются законы действия многоэтажной бюрократической машины. Функционеру-«винтику» каждого этажа ставится конкретная задача, сопровождаемая конкретным объяснением, которое должно побудить и обосновать ее непереносимое и наилучшее выполнение. Но в любом передаточном механизме – свой КПД и свои потери энергии. С учетом этого передаточное усилие на каждый узел должно даваться «с запасом». Чем больше и сложнее машина, тем с большим изменением реализуется через нее начальная идея-приказ.

Накануне грандиозной войны диктатор Сталин логично решил провести чистку комсостава. Все знали: предпочтительней шлепнуть невинного, нежели пропустить виноватого.

того. Аппарат исполнения был огромен, громоздок, и результат, как только и возможно в таком случае, превзошел ожидания.

Все просто. (Хотя этот уровень анализа – не последняя ступень приближения к истине и первопричине явлений.) А с каким трагическим недоумением шли на расстрел и в лагерь честные и преданные командиры!..

Вот с таким же недоумением Эдмон Дантес ломал голову годами: зачем, почему заключен он в темницу замка Иф? Мудрому, знающему жизнь аббату Фариа потребовалось четверть часа, чтоб по отдельным фактам, сообщенным ему Дантесом, увидеть цельную картину: кто, как, когда и почему устроил это заключение.

Примерно это и называется «знать жизнь». (Хотя и здесь – не последняя степень приближения к первопричинам явлений; но в данном случае Тайна Мироздания и не интересовала собеседников.)

Чем отличается Фариа от Дантеса? Он дольше жил: больше знал, больше видел, больше думал.

Понятно, самым простым способом познания мира многим представляется прочесть много умных книг, где все объясняется. Такая форма знания называется начетничеством. Если пассивно усвоенная сумма знаний подавляет способность к самостоятельному мышлению (у кого, конечно, была вообще такая способность) – чего ж тут хорошего.

Тип-трафарет кабинетного ученого: седой мудрец в зава-

лах книг, сведущий в глубинах всех наук, которого легко облапошивает любой жулик, потому что «реальной жизни» чу-дак-ученый не знает.

Тип противоположный: лукавый жулик, предприимчивый хитрец, который верит, что Солнце вертится вокруг плоской Земли, что интересует его лишь постольку, поскольку в темноте удобней грабить, – зато отлично разбирающийся в практической психологии конкретных людей, которых оставляет в дураках, побуждая их делать то, что нужно ему.

Вот и скажите теперь, кто из них лучше знает жизнь.

Оба лучше. Просто на разных уровнях. Хорошо бы оба типа знания как-то совместить, а? Это, условно говоря, две грани-крайности познания. Ученый представляет науку «чистую», а жулик – «прикладную», и в этой прикладной разбирается лучше любого университетского профессора психологии, даром что не знает ни одного термина и вообще читает с трудом.

Причем тут жулик? А притом, что он «жизнь учил не по учебникам», а исключительно через опыт и собственные размышления. А вот прийти к истине через собственное именно размышление те же древние греки полагали самым благородным, истинно достойным мудреца способом познания.

Без опыта, конечно, никак. Сам ничего не пережил – как ты можешь понимать тех, кто пережил, понимать жизнь? как можешь размышлять о ней? это будут, что называется, умозрительные построения: логически они могут быть верны, а

эмоций человеческих, живых особенностей жизни будет им не доставать, и результат получится ошибочный.

Кто будет лучшим мэром города – профессор-юрист или пройдоха-бизнесмен? Второй, второй... Первый лучше знает в теории, как устроить, зато второй лучше знает практические особенности городского хозяйства и практические способы выполнения задач.

И без книг никак, что-то ведь прочитывать надо, это понятно, чтоб иметь необходимые какие-то исходные знания в науках.

Это соотношение: книги – личный опыт – размышление – вещь тонкая и индивидуальная. Один прочитал библиотеку и остался дурак-дураком, другой прожил большую, разнообразную, интересную и тяжелую жизнь и ни хрена в ней так и не понял, третий думал-думал и, имея гениальные способности, додумался аж до дифференциального исчисления или эволюционной теории, известных за века до него... Нужен некий баланс, гармония всех трех начал.

Тогда некто может додуматься, что из себя представляет мир и как он устроен. Ведь «тайнами мира» мы обычно называем то, что знать мы покуда не можем, или не хотим, или не умеем. Но в принципе понять можно все. Отчего нет?

И вот когда кто-то постигает что-то путем размышления, это называют: «теория», или «гипотеза», или «предположение», или «догадка». Позднее, убедившись, иногда говорят совсем обидно – «гениальная догадка». Мол, знать не мог,

научно не обосновал, но верно ведь догадался, а! умненький был мальчик.

Нет. Догадка – это более или менее случайный тык в цель. А понимание – это понимание. Это цель в общей сетке панорамного прицела. Не поймаешь цель – промахнешься в жизни.

3. Познать свое место и роль в этом мире

О Господи! дай же мне сил бороться с тем, с чем я могу бороться, дай мне терпения смириться с тем, с чем я не могу бороться, и дай мудрости отличить одно от другого.

Общее место: в юности человеку свойственно переоценивать свои силы. Как сказал юморист, человек может все, пока он ничего не делает. Это что значит? Человек как-то представляет себя, свои силы и возможности, и пока они не напряжены до предела – он этого предела не видит, не почувствовал, а знает только, что запас сил позволяет ему двигаться дальше, делать больше. А вот когда он, взрослея, сталкивается со все большими препятствиями, он и обнаруживает свой предел. То есть: он не столько переоценивает себя, сколько недооценивает еще не попробованные или вовсе неведомые ему препятствия.

А вот встретит самоуверенный юноша компанию здоровенных хулиганов – и сразу верно оценит свои силы: ему

не победить, а компания изобьет его наверняка, надо или мириться, или подчиняться, или бежать, или собирать свою компанию, более сильную. Картина препятствия ясна – и становятся ясны свои роль и место в ситуации. Потому что обе стороны соотношения «я – мир» понятны.

Но разные люди поведут себя по-разному. Физически сильный, но трус – сразу удерет. Хилый, но отчаянно храбрый – бросится в драку, зная, что все равно не победит. А третий решит не только сам войти в банду, но и сделаться ее главарем. Один в результате станет главой гангстеров, а другой – верховным судьей.

Один подросток сказал: мне наплевать, что такое этот мир и как он устроен, я хотел бы знать, как мне-то в нем жить. Он, бедолага, так и остался мучиться, не зная, как ему жить. Иначе и быть, разумеется, не могло. Будучи частью целого, мира, ты и не можешь понять, что такое эта малая часть, ты со своей судьбой, если не желаешь понять целое – весь мир и его устройство.

В обществах со строгой иерархией и жесткими традициями это решалось просто. Правители правят, жрецы молятся, воины воюют, крестьяне пахут. Вот так устроен мир, и каждый должен жить, как ему предписано. А для общих объяснений существовали религия и мифология. Так было тысячелетия.

И кодекс поведения в принципе всегда был один и тот же. Надо быть честным, храбрым, верным данному слову, силь-

ным, трудолюбивым.

Почему надо? А потому. Вот так принято. Иначе накажут, или выгонят, или будут презирать: ни тебе уважения, ни любви, ни спокойной жизни. И люди, следовавшие принятому кодексу поведения, всегда жили не хуже окружающих, чем и были довольны.

С одной стороны, это хорошо и правильно. Культивировалось поведение, которое позволило выстоять и подняться в борьбе с природой и врагами. То, что способствует выживанию и процветанию общества, т. е. большинства людей, и есть истинно, иначе все погибнем. Тут критерием истины выступает практика, все выясняется и устанавливается через опыт поколений.

С другой стороны, эти практические предписания отбивали у людей необходимость думать и решать самим. Большинство всегда и не хотели (и не могли) думать и решать сами. Но некоторые умственно непоседливые всегда хотели докопаться до всех первопричин сами. Из них иногда и выходили создатели религиозных и философских учений.

Дети всегда спрашивают: «почему?». И получают ответ: «потому». В юности этот вопрос: «почему?» приобретает все более общий характер, а ответ становится все менее вразумительным: «потому что есть такой закон природы», или «потому что надо поступать хорошо, а не плохо», или «потому что за это накажут, а за это поощрят». Суть вопроса усложняется, суть ответа сохраняет примитивно-однознач-

ный характер.

– Что ты делаешь?

– Я таскаю камни.

– Что ты делаешь?

– Я зарабатываю на пропитание.

– Что ты делаешь?

– Я строю храм.

Вот юность и хочет знать: зачем строится храм? зачем это нужно? почему это все так устроено, что он строит храм, какой в этом смысл?

Естественно, что именно в юности, при выборе пути, человек пытается осознать свое предназначение: зачем он явился на этот свет? Потом эти мысли и движения души обычно исчезают, сглаживаются – некогда: работать надо, семью кормить, купить то-се, карьеру строить.

А потом в старости сидит человек и думает: и зачем мне нужны были все эти мои труды и мучения? На тот свет ничего с собой не возьмешь. И вообще: не пойти ли в монахи, о вечном думать и грехи замаливать...

И кто поумней отвечает ему: потому что человек должен делать в жизни самое большое, на что он способен. Большому кораблю – большое плавание. Кому полмира покорить, кому сад посадить, кому детей поднять – каждому свое. Мог ты сделать то-то и то-то, а вот не сделал. Не угадал свое предназначение. Глуп был и слаб, отвечает старик, да и на кой черт оно все, мир не переделаешь, суета сует, все порем.

Во! – отвечает другой, поэтому не надо вообще дергаться и напрягаться, а надо жить в святости и размышлять о вечном и бренности бытия, раз конец все равно один.

Тамерлан говорил примерно: миру нужен владыка, и этим владыкой должен быть я. Тут с местом и ролью человека все понятно. По крайней мере ему самому и всему окружению.

Скептик спросит: ну и что в этом толку в масштабах мировой истории? где та империя, где те Великие Моголы? Ученые ответят: централизованное государство, материальный подъем, научный и культурный расцвет... и вот мы здесь господа, да.

А вот местом Диогена была бочка, а ролью – мыслитель и возмутитель общественного спокойствия. Пред кем весь мир дрожал в пыли – торчит затычкой в щели.

Большинству же их место не нравится, и своей ролью они не удовлетворены. И почему судьба их сложилась так, а не иначе, они объясняют двумя словами: «характер» и «обстоятельства». Что есть одна из форм старого родительского ответа «а потому что так». А почему такой характер? А почему такие обстоятельства? Потому что генетика и уровень развития общественно-экономических отношений. А почему? Дальше, глубже: почему? почему? И – зачем? зачем?

Ах, если бы знать, зачем наши страдания, ломают пальцы чеховские герои.

И получается, что если уж человек начал думать и не может остановиться, то мало ему знать себя, и мало знать мир,

и даже мало знать свою роль в этом мире, а надо знать, зачем и как вообще ОНО ВСЕ.

4. Как, зачем, почему человек и мир

Подросток, юноша пристально и подробно вглядываются в себя. Нет для созревающей души предмета важнее и интереснее себя самой.

Через себя человек, взрослея в мире, распирая его боками в соприкосновениях, познает мир, его законы и устройство, насколько он склонен и способен к этому (и насколько обстоятельства позволят).

Вопросы кем быть и что делать, выбор (более или менее осознанный) места и роли взаимообусловлены первыми двумя моментами. На практике – только заняв свое место порой человек сталкивается с теми внешними и внутренними проблемами, которые и побуждают его разобраться в себе самом и окружающем мире. В анализе же, осмыслении – только разобравшись в себе и мире человек осознает свое место.

Я – – мир – – моя роль и место.

Эта предельно упрощенная схема, этот краткий повтор уже сказанного выше – нужны для одного: уяснить ход к ответам на все вопросы.

Что значит на все? На все, касающиеся деятельности человека и человечества. Как практической, так и внутренней.

Нет, не о том, как стать здоровым и богатым и победить

врага – а о том, зачем, почему, для чего человек стремится именно к этому (и многому другому, разумеется), а иногда – вовсе противоположному.

Сто тысяч почему. Семь столпов мудрости.

У каждого мужчины есть второй возраст – мальчишеский. Чаще всего это лет тринадцать. Чувства обострены. Силы стремительно растут. Опыт приходит ежечасно, не успевая осмысливаться. Обиды и радости жгут, как никогда после. Самоуверенность, жажда, романтизм. Все время, не отданное конкретным занятиям, подросток думает (есть такая разновидность – задумчивый подросток). Он более ставит вопросы и ищет ответы, чем находит ответы – ему некогда, внутренне он живет очень наполненно, интенсивно и быстро, конкретный опыт и знания малы, жизнь постоянно перебивает его размышления и отвлекает, а с годами, определяясь в жизненной деятельности, человек думает все меньше и реже.

Интеллект как способность анализировать информацию и делать заключение составляет к пятнадцати годам. Беда в том, что сначала не хватает информации – а позднее отрабатываются, отмирают нервные клетки, и по мере накопления информации снижается способность ее анализа.

Философов типа Диогена в наше время нет. Философы защищают диссертации, издаются книги, преподают в университетах и занимают свою социальную нишу в обществе. Диковато представить, что взрослый человек всю жизнь просто шляется по улицам, ничего не делая и не имея никаких

обязанностей и занятий, и просто думает – неторопливо и непрестанно. Как задумчивый подросток.

Ну и вот нашелся такой человек. Как задумался о чем-то подростком, так и продумал всю жизнь.

В четырнадцать лет я попытался понять, отчего горит электрическая лампочка. Мне объяснили: – Разность потенциалов. – Поток электронов. – Столкновения их с молекулярной решеткой. – Выделение тепловой энергии. – Волновое излучение. Ну хорошо: а почему при этом выделяется энергия? да, все это так (вероятно), но следующая степень углубления в вопрос: а почему? почему разность потенциалов? где ответ на последнее «почему»? Нет ответа на последнее «почему»; а вот такой закон природы.

То-есть: получается: любое наше знание работает по методу «черного ящика» – мы знаем, что если ткнуть в него вот так, то из него получится вот эдак. Суть трансформации действия между причиной и следствием остается скрытой под табличкой «Закон Природы». Брошенный вверх камень падает вниз, потому что закон всемирного тяготения. Этот закон обоснован физически и математически. Но почему он вообще существует, черт возьми? Зачем, для чего, каким в конечном итоге образом?

Тогда говорят о неисчерпаемости и бесконечности познания.

Или о существовании некоего еще не познанного Высшего Закона Природы.

Или о Боге. Который вот так все создал, а постичь до конца его промысел нам не дано.

И в любом случае получается, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Наше сознание никогда не доберется до первосути, первопричины явлений. Но будет бесконечно подбираться все ближе и ближе к ней.

Таким образом, я до сих пор не знаю, почему горит лампочка.

Но если подойти к Ахиллесу с черепахой по-простому, с линейкой и секундомером, то нетрудно определить точку, где он ее настигнет и перегонит.

Любая наука вооружена собственной линейкой. Иногда, лупя друг друга этими линейками, науки оспаривают друг у друга истину.

Единая для всех линейка, главная, никому пока в руки не давалась, как меч короля Артура. Из этого еще не следует, что этим мечом вообще никто не может владеть.

В Испании есть король. Этот король нашелся. Этот король я.

Есть анекдот о том, как проблему связи пространства и времени удалось решить сержанту Иванову, который приказал своему взводу копать канаву от забора до обеда.

Суть единой линейки в том, чтобы ею можно было мерить все от сознания человека до устройства Вселенной.

Ты – начальная точка, Мир – конечная точка, Твое Место – подвижный визир, посредством которого градуируется

масштаб и цена делений.

И вот тогда...

Тогда станут понятны движения души относительно судьбы вселенной. Связь стремления к счастью с движением к самоуничтожению. И в чем смысл необходимости страданий. И что есть Бог и как это понимать.

Поможет ли тебе жить это знание? Может крепко помочь. В том смысле, что открытые глаза лучше закрытых. Кто понимает неизбежное – тот не дергается понапрасну.

Все религиозные и философские учения несли в себе так или иначе императив поведения. Мотивировалось это предельно примитивно – пользой самого человека, в этом мире или загробном. Но как можно судить о человеке и его пользе, если нет единого мнения по вопросам, что это такое? Один видит пользу в удовольствии, другой – в здоровье и покое, третий – в общественном благе. Сначала надо понять все – потом можно решать, как жить самому.

В этом смысле всеобщая система единого понимания жизни и мира освобождает тебя от любых догм, любого понуждения – как свободен зрячий выбрать любой путь в окружающем пространстве, соотносясь с местностью и своим желанием, по сравнению с плохо видящим, которого куда-то подталкивают.

Знание – это свобода. Банально, как все истины. И заслуживает повторения и понимания, как все банальные истины.

Я никого не подталкиваю.

Интродукция

Знание и догадка

В 400-м году до Р. Х. Ксенофонт привел домой десять тысяч греческих солдат. Бывшие наемники разбитого Артаксерксом Кира, они за пятнадцать месяцев прошли с боями сквозь чужие страны четыре тысячи километров. Зародилась новая тактика пехоты. Поход вошел в историю.

Талантливейший практик и теоретик, Ксенофонт оставил труды по военному искусству: «Отступление десяти тысяч» и «Киропедия». Многие века их изучают во всех военных академиях.

В середине XX века Ксенофонта удостоил отзывом доцент Военной академии им. М. В. Фрунзе полковник Разин: «Утверждением, что тактика – лишь ничтожная часть стратегии, Ксенофонт высказал правильную **д о г а д к у** о связи стратегии и тактики». Мол, **знать** он еще не мог, слишком рано было, военная мысль была еще малоразвита – но **догадаться** сумел: молодец мальчик. Это о полководце и ученом, который заложил стратегию и тактику как науки, теоретически обосновав их разделение и связь.

Кто такой Ксенофонт и кто такой Разин. И что это такое знал второй, о чем первый только догадывался? А ведь один из них создавал науку, которую другой только изучал.

Карлики на плечах гигантов. Многознание малопонимаю-

щих.

Так вот, если кто, путем размышления и анализа собственного опыта и обобщения известных фактов приходит к верным выводам – к истине – это не догадка, а понимание: знание. Доказательства выводов могут быть последовательными подкреплены, умножены, обоснованы через изощренный научный аппарат – но знание первооткрывателя этим не умаляется до догадки.

Три тысячи лет назад финикийцы строили прекрасной мореходности корабли. Теорию судостроения любой выпускник современного судостроительного института знает гораздо полнее и «научнее» их. С точки зрения этой науки финикийские корабли были поразительно целесообразны, в своем роде совершенны. Исконные мореходы, ребята знали, как их делать. Называть это знание догадкой – глупо и оскорбительно.

В XII веке индийцы делали булат. Такое качество оружейного металла не достигнуто и ныне. Утерянный секрет раскрывался просвещенными европейцами двести лет. Создавались институты стали и сплавов, делались открытия в химии и защищались миллионы диссертаций. Академиков – тьма, а древнее знание не восстановлено. Нынешние ученые, не в силах понять, строят на этот счет догадки.

Чем отличается догадка от понимания (знания)?

В догадке верный вывод делается путем интуитивным, иррациональным, с пропуском логических звеньев. Более того:

сама исходная предпосылка может быть неверна или отсутствовать вовсе. А может быть неверна, ущербна созданная система доказательств – а вот вывод все равно верен. Метод тыка, озарения, подгона решения задачи под уже известный (желаемый) ответ.

Знание: имеет в основе верную, естественную предпосылку и приходит к выводу логическим, последовательным, связным путем, опираясь на цепь достоверных моментов, фактов.

Теория и гипотеза: заменяет недостающие звенья или саму предпосылку логически возможными допущениями, предположениями, что позволяет построить цельную картину объяснения к выводу.

В основных чертах так.

Это все лишь к тому, что настоящее сочинение – не догадка и не гипотеза, а знание.

Все очень просто. Когда поймешь.

Привет кортесам от колумбова яйца.

Глава вторая

Главная цепь

1. Зацепка

ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ? ЧТО ЧЕЛОВЕКУ НАДО? Неплохой вопрос, а. Сакраментальная формула. Так сказать, вопрос всех времен и народов.

Мудрецы, ученые, философы всех стран и эпох построили на этот счет массу теорий. Со всеми ознакомиться – жизни не хватит. Да может быть и незачем. Потому что в жизни каждому приходится решать этот вопрос самому. Каждый исходит из обстоятельств собственной жизни и собственных нужд. Более или менее соотносит свои потребности со своими возможностями.

Так что не будем вдаваться в книжные премудрости; как говорится, философия философией, а жизнь – жизнью. Вот по-простому, от жизни, и будем исходить. О том, что каждому человеку знакомо, понятно и близко.

Давайте выйдем с телекамерой на улицу и опросим тысячу – а лучше десять тысяч, или даже сто тысяч человек. Ну, если прямо так спрашивать: «Тебе чего надо?» – могут и не понять. Могут обидеться, а то и по ушам накидать: грубовато звучит. Ладно, спросим вежливее: «Скажите пожалуйста,

что лично Вы считаете для человека главным?». И для туповатых поясним: «Ну вот Вы – Вы как думаете: что для человека главное в жизни?».

Осторожные и осмотрительные могут ответить: «Ну, это смотря какой человек». Или: «Ну, для кого что». К таким пристанем: «Конечно, но ведь есть какие-то общие для всех людей нужды, необходимые вещи, потребности, правда?».

Опросы такие проводились множество раз. И ответы всегда были в общем одни и те же:

1. Здоровье. Не быть больным, калекой, не испытывать телесных страданий – быть полноценным человеком. Молодые редко ставят это на первое место, а старики – почти всегда. Оно понятно: молодость здорова и об этом мало задумывается, а старикам и больным куда как ясно: нет здоровья – так и делать что-либо трудно, и близким тягость и огорчения, и вообще от жизни меньше удовольствий. Здоровье, что называется, для всего в жизни условие недостаточное, но необходимое.

2. Благополучие семьи и родных. Чтоб дети выросли здоровыми, умными, хорошими, богатыми, чтоб родители не хворали и жили долго и в достатке.

3. Материальная обеспеченность. Иметь все нужные вещи, деньги на расходы и сбережения про черный день, жить лучше некоторых и во всяком случае не хуже других.

4. Хорошая работа. Чтоб она нравилась, доставляла удовлетворение, была престижной.

5. Уважение окружающих, хорошие отношения с людьми, высокое их мнение о нас.

6 (а может быть первое, особенно у молодых). Любовь. Взаимно любить, быть счастливым в любви, иметь родного человека, с которым всем можно поделиться, не быть одиноким.

7. Карьера. Иметь в жизни большую цель и добиться ее.

8. Слава. Чтоб все тебя знали и ты был для них ого-го.

9. Много путешествовать, увидеть мир, знакомиться с интересными людьми, и вообще жить интересно, полной жизнью.

Примерно так. И, наверное, это любому надо. И, ей-Богу, ни один нормальный человек против этого не имеет что возразить.

И все нормальные люди этого хотят. И если чего-то из перечисленного у них нет – то они в принципе хотели бы свое положение как-то поправить, улучшить.

Вернейший показатель ценности в глазах людей – все родители желают этих благ своим детям. Главное – вот чтоб было все вот это. А уж остальное – не так важно, потом; как получится; как Бог даст. Да и чего еще желать?

ЗДОРОВЬЕ. Гробят всевозможными способами. Пьют, курят, употребляют наркотики. Переедают, недосыпают, мало двигаются. Перенапрягаются, нервничают. Сначала машут на это рукой, потом оправдываются всевозможными обстоятельствами. А если кто скрупулезно следит за своим здо-

ровьем, то выглядит в глазах окружающих человеком неполноценным, слегка идиотом.

БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ. Ругаются, тиранят родных, лгут, изменяют, заначивают деньги. Забывают родителей, бросают детей. Погружаются в собственные дела и интересы настолько, что для семьи уже нет времени. Пьют, шлещутся неизвестно где, ввязываются в сомнительные авантюры. Благополучная семья – большая редкость.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. Проигрывают в азартные игры все. Пускаются в аферы и разоряются. В погоне за излишним лишаются необходимого. Пьют. Ленятся. Отказываются от высокооплачиваемой работы ради менее денежной, объясняя это моральными принципами или интересом. Тратят деньги на явно ненужные вещи, а в тяжелый час идут по миру нищими.

ХОРОШАЯ РАБОТА. Большинство людей к своей работе равнодушно или, более того, ее ненавидит. Могли бы жить на ренту – бросили с восторгом. Мечтают сбросить это ярмо и, эх, жить бы так, как хочется. Устают, переутомляются, мечтают об отпуске. Занимаются черной поденщиной – ради денег, которые в таком количестве не являются для них строго необходимыми.

УВАЖЕНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ. Вот уж на что хотелось бы наплевать! Да эти окружающие – в большинстве или сволочи, или дураки, а чаще и то и другое вместе. Они завистливы. Они всех меряют по себе. Они не прощают чужих успе-

хов – или сотворяют себе кумира. Я хочу делать то, что хочу я, а если им это не нравится – пусть подавятся. В крайнем случае создам для них свой имидж – псевдообраз, который им приятен. И укроюсь за ним.

ЛЮБОВЬ. Если почти все люди хотят любить и быть любимыми – то уже просто по закону больших чисел большинство должно это иметь.

Жизнь убеждает нас в том, что ничего подобного. Ох да не так часто это бывает. Почему, собственно?

Может, слабо хотят? Да нет, ежедневно люди кончают с собой из-за несчастной любви. Причем кончает незначительное меньшинство, а большинство несчастных кое-как, и часто довольно успешно, живет дальше.

Может, по своим данным, так сказать, недостойны? Тогда самые красивые, самые сильные, умные, богатые и энергичные уж точно должны быть в любви успешнее остальных. Тоже нет! Вот вам неудачливые в любви кинозвезды и топ-модели – жалуется, разводятся, скандалят и не могут обрести желаемое – и вот обычнейшая пара: друг на друга надыхаться не могут, и соседи завидуют.

Может, мало стараются неудачники? Хм. У одних все как-то хорошо получается само собой, а другие всю жизнь терзаются, перебирают партнеров – без всякого конечного успеха.

Можно пожертвовать своей любви всем на свете, совершить легендарные подвиги – и остаться у разбитого корыта.

Почему, зачем эта «главная ценность» связана так часто

с огромным количеством страданий, лишений и всяческих несчастий? Заниматься сексом, рожать детей и преуспевать в жизни вполне можно и без любви. И хлопот куда меньше. Так зачем она нужна?

Мудрецы долго думали над этой проблемой и сообщили человечеству, что тут есть много нюансов, но в общем это Великая Тайна. Большое спасибо мудрецам, они всегда умеют сказать что-нибудь если не полезное, то хотя бы утешительное.

КАРЬЕРА. Перенапряжение, лицемерие, трепать нервы, прогибаться перед начальством, сносить попреки, переступать через людей. Королем рекламы сделаться, или автомобилем, или боссом стройкорпорации? Реклама пытается всучить ненужную дрянь, от автомобилей на улицах не протолкнуться, долг за жилье люди полжизни выплачивают, хоть там только ночуют... и на это ты хочешь потратить свою жизнь?

СЛАВА. Вот вам непревосходимая слава Наполеона. Разоренные страны и два миллиона трупов в итоге. Объявите о вашем намерении добиться такой славы заблаговременно – и окружающие примут все меры, чтоб укоротить вас на голову.

Бывает и безвредная слава. Усердно тренируйтесь в плевках, плюнете дальше всех в мире – и попадете в Книгу рекордов Гиннеса. Достойный венец карьеры идиота.

Спортивная слава! Угробленное здоровье, укороченная жизнь и режим, полный тяжелейшего труда и жестоких ограничений. И что он скажет во вратах небесных Апостолу Пет-

ру? «Что ты делал в жизни?» – «Я прыгал в длину».

Вдумайтесь в поведение тех, кто отдает свои деньги, чтобы бесноваться на стадионах. Один чемпион мира по кич-борьбе выразился: «Тех кретинов, которые приходят смотреть на нас, я бы в законодательном порядке лишил права иметь детей». Разве не лучше самому заниматься физкультурой, чем сосать пиво и смотреть футбол? Как говорил Аркадий Райкин: «Двадцать два бугая помножить на два часа... это ж сколько пользы они принести могли бы!».

Ну бессмысленное же занятие! А люди по нему с ума сходят. Венец природы, уникальный мозг в голове! а служит эта голова для того, чтобы ею бить по мячу, или по ней бить кулаком в перчатке строго установленного веса. И для этого Господь наделил человека разумом?

Кинозвезда, рок-звезда... Объясните: ну зачем вам надо, чтоб незнакомые люди лепили на стены ваши фотографии и ломались в вашу дверь? Вы что, так любите людей? Так вступите в Братство Милосердия и раздайте неимущим все ваше добро. А завтра поклонники переворошат ваше грязное белье и оплюют вас. А послезавтра забудут.

«А все равно хочется». Тьфу ты...

ВЛАСТЬ. Сородич мой возлюбленный, зараза непоседливая, ну зачем тебе власть? Если ты живешь в достатке, покое и уважении? Зачем тебе огромный кабинет, ты что, в маленьком уже не помещаешься? Зачем тебе в правительство – там что, собрались твои лучшие друзья? да они тебя живьем

сгрызут, и ты их грызть будешь. В телевизоре красоваться захотел, лицо твое тебе нравится? так сделай в доме зеркальные стены. Страну решил облагодетельствовать? Много вас таких. И все приворовывают. А потом плачутся на неблагодарность народа. А народ ругается и на выборы не ходит.

Вы когда-нибудь слышали, чтоб мудрец шел во власть?..

СВОБОДА И ПОЛНАЯ ЖИЗНЬ. Люди совершают преступления, зная, что поплатятся за это свободой. Садятся в тюрьмы за свои убеждения. И со слезой поют о свободе.

А сами не прекращают создавать такие государства, где свободой и не пахнет. И даже «свободные» люди в «свободных» государствах в конце концов всегда устраивают свою жизнь так, что изо дня в день выполняют свои обязанности, свой долг: погрязают в утомительной и бесконечной веренице каждодневных дел. И все их шаги и поступки predetermined той системой, тем образом жизни, который они сами себе выбрали, навязали; и делают они не то, что нравится, а то, что надо. И жалуются, и вздыхают: ах, дальние страны, ах, экзотические путешествия...

Плюнь на все, иди бродяжить, чеши пузо в тенечке. Нет – невозможно: семья, дети, работа, мнение окружающих, плата за жилье. И почти каждый оказывается рабом – рабом собственных представлений о том, как ему надо жить.

И выходит, по Марксу, что нет никакой свободы, а есть одна только «осознанная необходимость»... Да бросьте вы! Еда голодному, кров бездомному – это необходимость. А ра-

ботать сверхурочно и трястись над каждой копеечкой, чтоб купить новую машину, вместо того чтоб с друзьями водку пить и вообще побольше отдыхать и веселиться – ну какая тут необходимость?

Слушайте, ну кому не хотелось хоть однажды сказать в лицо начальнику, что он хам и дурак, и уйти, грохнув дверь? И что – помер бы ты после этого, нищим оказался, несчастья бы ужасные обрушились? Нет, прожил бы, ничего. Ан глотаем – любя при этом «свободу» и мечтая «делать то, что нравится».

И ведь на все найдем причины и оправдания. А если сыщется правдолюбец, который всегда делает и говорит то, что ему нравится, то дни свои он оканчивает если не в тюрьме, то в богадельне.

Плод свободы – ядро каторжника.

ФИЛОСОФСКАЯ ГОЛОВЛОМКА. Однажды на рынке в древних Афинах Сократ известил сограждан, подошедших вкусить его мудрости: «Я намерен посвятить всю оставшуюся жизнь выяснению только одного вопроса – почему люди, зная, как надо поступать хорошо, во благо, поступают все же плохо, себе во вред». С тех пор прошло две с половиной тысячи лет, развалины Афин находятся на прежнем месте, и по-прежнему далек ответ на этот вопрос.

Никто и не смеет утверждать, что люди – существа простые. Понимают они одно, хотят другое, а делают при этом третье. Так добро бы еще при этом были довольны собой

и окружающей действительностью. Нет: вечно они чем-то недовольны, вечно их что-то не устраивает. А если успокаиваются, то будьте уверены, это ненадолго.

Можно, конечно, вздохнуть, что люди несовершенны, надо воспитывать их взгляды и менять психологию. Да уж люди таковы, каковы есть, тысячи лет воспитывали – и чем мы лучше древних греков или римлян? Что, умнее, или счастливее?

УТОПИЯ И ПРОГРЕСС. В древности люди слагали миф о Золотом Веке, когда у всех все было, и всем было хорошо. В новые времена они вознамерились устроить Золотой Век сами – при помощи науки и техники, вооружившись теорией прогресса. Чтоб все трудились по способности – и получали удовлетворение всем своим потребностям. Просто, как все гениальное.

Давайте присоединимся к грандиозному опыту. Создадим такой мир, чтоб там все были здоровыми, обеспеченными, уважаемыми, работающими, свободными, без излишней роскоши. Ну вот такое идеальное государство Платона, только вместо рабов роботы. Утопию сэра Томаса Мора.

Вообще-то в семнадцатом году большевики такое государство затеяли. Очень хотели, чтоб все было хорошо. Кошмарная вышла история. Пятьдесят миллионов убитых и развал страны. Упаси Боже.

Но создатели социализма как учения вовсе такого не хотели. Социализм учит созданию такого государства, чтоб всем

людям в нем было хорошо – чтоб все имели то главное в жизни, о чем была речь. И есть большие достижения.

Скажем, Швеция. Процветающая страна. Материальное изобилие. Демократия. Пошли по пунктам:

Здоровье. Ставим плюс: большая продолжительность жизни, прекрасная медицина и фармацевтика, все условия для занятий спортом.

Благополучие семьи. Плюс. Прекрасные детсады, школы, игрушки, летние лагеря, для стариков – шикарные дома престарелых, с хорошими комнатами, хорошей едой, заботливым персоналом и любой медицинской помощью.

Материальное обеспечение. Два плюса. Нищим в Швеции можно быть только при очень большом старании. Безработный? нет денег на жилье, еду, содержание детей? – вот тебе бесплатная квартира, бесплатное образование для детей, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатный проезд в транспорте, и еще деньги на еду, одежду и прочие самоочинные расходы. Не разбогатеешь, но будешь жить как человек. Слишком много зарабатываешь? – вот тебе налоги, роскошествовать незачем, эти деньги пойдут малоимущим, так что и незачем надрываться, пытаешься заработать слишком много.

Хорошая работа. Плюс. Выбирай любую. Никаких ограничений. Честный отбор желающих. Не нравится? – уходи на пособие, вполне можешь не заниматься ничем, ежели все не по вкусу.

Уважение окружающих. Плюс. Добропорядочные граждане, уважающие друг друга, соблюдай приличия – и все тобой довольны.

Дети! В задаче требуется узнать: чего еще шведам не хватает?

А чего-то им явно и здорово не хватает, потому что Швеция исправно держит первое место в мире по числу самоубийств на душу населения. Вот так.

Не из-за несчастной же любви они так резко страдают больше всех прочих. Вот те свобода секса, вот те браки меж гомосексуалистами, вот те лечение от импотенции.

Изобилие, благополучие, покой и намыленная петля.

И пока психологи всячески осмысляют эту взаимосвязь – многие страны из кожи вон лезут, чтоб достичь уровня Швеции и во всем на нее походить. Тем временем шведы стараются ограничить приток жаждущих эмигрантов из бедных стран – жалуясь при этом на скуку, одиночество и отсутствие смысла жизни.

... Можно представить себе головную боль Бога, который пытался дать человеку все, что человеку надо.

КАМО ГРЯДЕШИ – КУДА ПРЕШЬ? Но основной-то части населения жить хочется. А хорошо жить – еще лучше.

И как минимум, если рассудить, чтоб человек имел все нужное и желаемое – он, для начала, должен вообще жить, существовать, так сказать. Для этого ему необходима планета, годная для обитания. Есть такая планета – пока. И что

делает наш «человек разумный»? С удивительной энергией превращает свою планету в для обитания непригодную. Леса сводит, океан загаживает, недра выкачивает, почву истощает – далее подробности в газетах. Ну, стали как бы пытаться поменьше гадить, поаккуратней, законы принимаем и комиссии создаем для охраны окружающей среды – но тенденция сохраняется неизменной. И ведь понимает человек, что лишает сам себя необходимейшего – ради излишнего: годную одежду выкидывает, несъеденные продукты уничтожает – но труды свои в поте лица продолжает. Скотина.

Ученые предупреждают: еще пара веков так – и хана. Ничего, отвечают люди, потомки что-нибудь придумают. Авось утрясется. Нет, других-то вы прижучьте, но уж я-то свой миллион на нефти сделаю, не мешайте.

* * *

У бессмертного Швейка был знакомый трактирщик Паливец, мизантроп и грубиян, так у него все рассуждения сводились к умозаключению: «Человек-то думает, что он венец природы, а на самом деле он дерьмо».

Самокритика вещь безусловно полезная, но хотелось бы также сделать и какие-нибудь конструктивные выводы.

Плохо у нас, товарищ, с конструктивными выводами. Глеют в земле кости просветленных мудрецов и пламенных борцов за счастье человечества, ветшают и рассыпаются милли-

арды книг в бесчисленных библиотеках, и не доносит дальний ветер никакого ответа.

Ломай голову сам, мучься: почему так выходит? зачем живешь? что тебе надо? Неправильно живут люди!.. Но почему?!

Почему не жить только по уму и по совести? Знаем часто, что не то делаем – а хочется. Хотим удовольствий – а не обходимся без страданий. Почему не получается, чтоб все было хорошо?

Почему часто по собственной воле поступаем вопреки собственному знанию о своем благе и счастье? Почему губим себя?

Суедемся всю жизнь, трудимся, радуемся, терзаемся – а чем все кончится?.. Вам привет от царя Соломона. «Все пройдет», – было вырезано на его перстне. «И это тоже пройдет» – было вырезано на нем же изнутри.

2. Воспоминания

В какой бы жизненной проблеме мы ни разбирались – у нас есть только две вещи для этого: память и разум. В памяти хранятся весь опыт и знания – мы вспоминаем и обдумываем.

Собственно живем мы только в настоящем мгновении. Жизнь – как планка шириною в миг, которая движется по пространству времени: еще не существующее будущее на

миг становится реальным и конкретным настоящим – и тут же уходит в пережитое прошлое.

Воспоминания у каждого всегда при себе. Покуда в здравом уме и твердой памяти – все можно понять, во всем разобраться.

И мы в мире, и мир в нас. Человек есть то, что он помнит. **ЧТО ЧЕЛОВЕК ПОМНИТ?** Мамина улыбка, папин ремень, сломанная игрушка, первый школьный звонок, первая любовь, первая учительница... черт... не могу вспомнить, как ее звали. Вехи судьбы, повороты карьеры... всегда забываю, какого числа я женился.

И вот начинаешь вспоминать – и удивляешься: как много забылось, стерлось, размыто дымкой. Иногда – жизнь решалась, так дорого было: война, тюрьма, смерть... и уже не вспомнить имен, дат, подробностей. Одно помнится – а другое вылетело начисто.

Ерунды вспоминается предостаточно, особенно под утро в бессоннице. Бессмысленные эпизоды, сцены, картинки. Где же цельная, внятная канва жизни моей?

Память, конечно, инструмент несовершенный – но в чем логика этого несовершенства? Помню из детства запах, волнующий, свежошкуренной кленовой палочки – но не вспомнить имени соседского мальчика, кумира и покровителя, который впервые дал мне прочесть «Остров сокровищ».

ВАЖНОЕ – НЕВАЖНОЕ. По идее, лучше всего человек должен помнить самые главные события в своей жизни.

Но кто не сталкивался: пишешь для какой-то казенной надобности автобиографию на одну-две странички – и то вдруг трудно вспомнить, когда куда ездил, как сменил работу, сколько зарабатывал. А ведь это было так важно, к этому так стремился!

Историкам известно: никто не врет так упорно, как ветераны – авторы мемуаров. Реальные факты и детали мешаются у них с придуманными и просто с провалами памяти. Генерал забывает ход сражения, летчик – маршруты полетов, стрелок – устройство оружия. Зато трофейные швейцарские часы, которые у него командир отобрал, помнит до тонкостей.

Забыл, за какой партией сидела любимая девочка, ее адрес и телефон, во что она была одета и что сказала при первом свидании – а помнишь, как она выламывала зубчики из расчески, когда ты назначал ей это свидание.

Забыл имена ребят, с которыми работал в тайге – а помнишь, как украл у мастера топор. Помнишь с армейских времен фамилию командира разведки – и начисто не помнишь, чему он учил. Бред.

Каждый может напрячь память – и убедиться: совсем не все, что казалось когда-то самым важным, хорошо помнится.

НЕДАВНЕЕ – ДАВНЕЕ. На это нетрудно возразить, что нельзя всю жизнь помнить все, старые воспоминания вытесняются более свежими. Как бы у памяти есть сроки хранения для каждой вещи – чему три года, чему двадцать; объ-

ем памяти ограничен, и по прошествии срока хранения старая информация заменяется свежей – вроде как продукты в стратегическом складе НЗ.

Тогда почему имена и лица школьных друзей помнятся лучше, чем недавние сослуживцы? А плохой старый фильм – лучше хорошего недавнего?

Всем известна специфика старческой памяти: забывать вчерашние события, но помнить давно прошедшие. Путают глобальные политические катаклизмы последних лет – но отлично помнят день полета Гагарина.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ. Можно сделать предположение, что прочнее человек помнит не главное лично для него – а эпохальные события, великие свершения: войны, революции, катастрофы. Может, память отдельного человека, независимо от его личных интересов, в первую очередь отвечает потребности коллективной памяти человечества?

Ага... Журналисты и следователи давно пошутили: «Никто не врет так, как очевидцы». Ветхий ветеран 18-го года – название своей конармии забыл, направление походов забыл, а помнит как в полы длинных кавалерийских шинелей пульки вшивали для тяжести – чтоб по ветру не плескались.

Вы понимаете: как солдата в 41-м мобилизовали – он уже не помнит, а как мать его в очередь за солью отправила – помнит.

Вот и составляй тут объективную картину прошлого.

НУЖНОЕ – НЕНУЖНОЕ. Но все-таки память – не бессмысленное нагромождение прошлого. У нее своя функция есть, как у всего в человеке. Помнить надо прежде всего то, что тебе для жизни необходимо. Свое имя, язык, адрес, родных, рабочие навыки. Полная потеря памяти в результате травмы, болезни, возвращает человека в младенческо-животное состояние: он не умеет пользоваться ложкой, унитазом, вообще не способен жить без ухода.

Но чем тогда объяснить, что можно забыть о важной встрече – и вспоминать в назначенную ей минуту, как в детстве тебе подарили велосипед? Чем прогневила Бога старушка, которая не помнит названий ближайших улиц, потеряла записную книжку с адресами родных, путает имя собственной домработницы – но увлеченно описывает ей подробности своих девичьих нарядов? Если это склероз – то почему у него такая странная избирательность?

И откуда знаменитая рассеянность великих ученых и художников, которые забывают о поездках, обедах и вообще иногда не знают, где они находятся?

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНАЯ. Ну, давно установили, что в памяти есть, условно говоря, два отдела: «хранить вечно» и «обновлять по мере надобности». В первом хранится все самое важное для личности человека, и заполняется этот отдел в детстве и молодости, когда человек формируется. А во втором – всякие детали, необходимые человеку для жизни в настоящее время, они меняются по мере

обстоятельств и забываются легче, не так глубоко впечатаны. Это понятно.

Непонятно другое: в «стратегическом» отделе масса ба-рахла и отсутствуют воспоминания о вещах важных, а из «оперативного» исчезают иногда вещи наиболее актуальные.

Вот вам физиология – после инсульта, когда поражаются и выходят из строя участки мозга, часто целиком или частично утрачивается речь. Забыл человек слова, лишь несколько произносит. Какие же? Матерные, как правило, ужасая и без того горюющих родственников. (И при даче наркоза часто то же самое.) Он был отчаянный сквернослов? Нет, интеллигентнейший человек. Почему ругательства, на что они нужны, причем тут его личность? Вот вам прочно впечатанные слова и понятия.

ХОРОШЕЕ И ПЛОХОЕ. Вот Фрейд со свойственной ему простотой решал этот вопрос так. Человек помнит то, что ему хочется помнить, а что не хочется – то забывает. Приятно, нравится, служит к самоуважению – помнит. А неприятности и скверные поступки – забывает. Мораль и самолюбие требуют, чтоб ты был хорошим, сильным, достойным. А инстинкт жизни требует, чтоб ты получал в жизни (в том числе от воспоминаний) удовлетворение, то есть жил в согласии с собой, своей личностью, своими потребностями. Если это не совпадает – мучит совесть, раскаяние, или неудовлетворенные вожелания, – короче, возникают отрицательные эмоции. Возникает разлад с самим собой. Ты собой недоволен

– а поделаться ничего не можешь, коли это уже свершилось в прошлом. Это мешает жить, ведет к психическим заболеваниям. И подсознательно человек, ведомый инстинктом жизни, «наводит порядок» в своей памяти, «чистит» ее, подтачивает. Любому ведь хочется, чтоб жизнь его была лучше. Вот в прошлом она и представляется лучше, чем была на самом деле. Что пройдет, то будет мило.

Выглядит это очень правдоподобно. Человеку свойственно самообольщаться. Даже в зеркале он видит себя не таким, как на внезапном фотоснимке: перед собой он приосанивается, делает «нужное» лицо. Завышенная самооценка – обычна. А уж в зеркале памяти кто тебя поправит, тут своей прошлой жизни ты полный хозяин. Были когда-то и мы рысаками: все старушки были красавицы, все старички – герои.

Да. Вспоминать хорошее – приятно: любовь, удовольствие, геройство. Вновь переживаешь в воображении, мечтательно корректируешь, как могло быть еще лучше. Плохое – гонишь. Со временем и не различишь, что вправду было, а что подрисовал себе.

«Задний ум» берет в памяти реванш: вот так надо было! И память неизбежно корректируется идеалом поведения, идеалом своего образа.

По этой логике неприятные, мучительные воспоминания должны из памяти изгладиться. К чему бесплодные отрицательные эмоции?

Ан нет! У каждого есть тайный сундучок ужасных воспо-

минаний. Непрощаемые себе до смерти поступки. Неизжитые оскорбления. Роковые ошибки. Нахлынет вдруг – и стон наружу: боль и стыд жжет. Сквозь всю жизнь.

.....

Получается так. Человек помнит скорее хорошее, чем плохое, скорее важное, чем неважное, скорее новое, чем старое, – то есть память устроена разумно и понятно. Но только отчасти. А отчасти – наоборот: неважные мелочи помнятся долго, а важные и хорошие события забываются. Интересная штука.

А КАК ПРОИСХОДИТ ЗАПОМИНАНИЕ? Вот мы что-то видим, слышим, осязаем, обоняем. От органов чувств информация поступает через нервные клетки в определенные участки коры и подкорки головного мозга – сигнал! И в клетке мозга хранится как бы слепок этого сигнала. По требованию другого участка мозга клетки памяти воспроизводят, повторяют этот полученный когда-то сигнал. Эти процессы происходят на уровнях /био-/ физическом, химическом, электрическом: расширяются сосуды, увеличивается приток крови, активизируется образование элементов и веществ, меняется разность электропотенциалов ядра и мембраны клеток. Известно, что для улучшения памяти организму полезны йод и фосфор, что энцефалограмма – запись на ленту био-электротоков разных участков мозга – говорит об

его состоянии и здоровье. А что дальше – наука пока не в курсе дела.

То есть. Вспоминая, определенные клетки мозга возбуждаются, активизируются, забирают какое-то количество энергии организма и, преобразуя ее в импульсы центральной нервной системы, воспроизводят сигнал как комбинацию напряжений, которую они когда-то получили извне на хранение. И в нашем сознании оживают изображение, звук, форма.

По всей логике вещей, чем сильнее был полученный сигнал, чем больше было возбуждение органов чувств – а оно через периферическую нервную систему передается в центральную – тем сильнее он запечатлелся, тем сильнее может быть воспроизведен. Это как выстрел – и отдача, звук – и эхо, действие – и противодействие. Чем больше рана – тем больше и дольше остается шрам, чем тяжелей нога – тем глубже след.

Все дело в силе возбуждения нервов.

Попросту мы обычно называем это силой ощущений. Переживаний, чувств. Остротой впечатлений.

При таком подходе все объясняется.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И УПРАЖНЕНИЯ.

Учителя и тренеры знают лучше других, что память развивается постоянными упражнениями. Разведчик тренирует зрительную память, музыкант – музыкальную. Нарбатывается навык концентрировать внимание на том, что нужно. И по

мере тренировок сознательное усилие заменяется рефлексом. Усиливается возбуждение «запоминающих» зон мозга.

И вот один феноменально помнит лица, другой мелодии, третий математические формулы. С возрастом нервная система слабеет, слабеет память – но у стариков-профессионалов это компенсируется рефлекторной способностью сильно возбуждать запоминающие центры. Отчего и запоминают они нужное порой получше молодых, да неподготовленных.

Чтобы запомнить школьное правило, рекомендуется его не только прочесть, но и записать, и сказать вслух: включаются и зрительная, и моторная, и слуховая память – все три пути поступления информации работают на одно и то же запоминание, усиливая друг друга: очаг возбуждения в подкорке головного мозга как бы раздувается тремя струями вместо одной.

ПАМЯТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ. Коли так, активный ум, сильная и легковозбудимая нервная система – означает хорошую память. Ею и отличался ряд гениев, как Наполеон или Эдисон. Но были и абсолютно заурядные личности с исключительной памятью. Более того – известны случаи (психиатрия считает их патологией), когда человек помнит абсолютно все, что узнал, увидел, пережил; с равной яркостью помнит и важные события, и ничтожные детали. Люди такие неумны и неактивны и не живут долго. Попробуй-ка, когда нервная система постоянно перегружена гигантским трудом: помнить все.

Но плохая память соответствует низкому интеллекту? То же не обязательно. Один из примеров гениальных ученых с плохой памятью – Эйнштейн. Да не интересовался он подробностями, его волновали абстрактные идеи – на них он был сосредоточен, в этом и достиг вершин.

Мощная работа центров памяти не обязательно означает мощную работу остальных участков. А слабость памяти – еще не слабость ума вообще. Хотя и взаимосвязаны: возбуждение в мозгу не вовсе локально, оно распространяется на соседние участки.

Но уж – кого что возбуждает.

СТАРОСТЬ – МОЛОДОСТЬ. Банально: в детстве-юности память хорошая, в старости плохая. Нервные клетки с возрастом обызвествляются, отмирают – помнить нечем становится. Юные нервы – свежи, быстры, возбудимы. И – идет закладка информации для формирования личности на всю жизнь. А идет она стихийно, во многом хаотично, широкой струей. Поэтому даже ничего не значащие картинки – вид дерева из окна, соседская собака, платье родственницы – запечатлеваются часто на всю жизнь. Прочно запоминаются обиды и радости – это со взрослой точки зрения их поводы бывают ничтожны, а ребенок переживает сильно. Дело не в поводе к ощущению, а в самой способности к нему, а уж повод всегда найдется. Ребенок легко и быстро возбуждается: легко смеется, легко плачет, легко усваивает языки и навыки. Чувства свежи, эмоции острые, ощущения сильные, яркие.

НОВИЗНА И ОПЫТ. В детстве, юности многое происходит впервые. А первый раз – это открытие нового, столкновение с неизвестным, постижение непознанного. Брать или бежать? Друг или враг? Каково это, что делать, как реагировать? Организм предельно мобилизуется, не зная, к чему именно быть готовым. Ко всему! Границы явления непознаны, неизвестны! Возбуждение происходит предельное, «с запасом». Хулиган с ножом не так страшен, как полночное привидение с косой. Казалось бы, какая разница, кто и как хочет тебя убить, опасность-то одинаковая. Нет – хулиган понятен, а от привидения не знаешь чего ждать и как спастись, тут и у храбрейшего рыцаря волосы дыбом встанут.

Вот первый раз остро и запоминается. А с повторяемостью событий ощущения притупляются, сглаживается впечатление: уже знаешь, что это такое и как на это реагировать, излишнее возбуждение ни к чему.

Солдаты и преступники лучше других знают, что ожидание возможности смерти (атаки, ареста) – обычно страшнее и мучительнее непосредственной встречи с угрозой. «Ведь самый страшный час в бою – час ожидания атаки». Неопределенность, неразрешенность ситуации изводит – организм мобилизуется, напрягается для встречи и борьбы и возбуждение такой силы долго не переносимо, не выдерживает перегруженная психика. Вот молодости – первому экзамену, первой близости с женщиной, первому преступлению и первому бою – сопутствует аналогичное напряжение: мобилиза-

ция перед неизвестностью. Вот и впечатывается, помнится.

А старики чувствуют слабее. Нервишки истрепались, сердце еле кровь гонит, вообще не тот уже организм. И опыт есть: все уже в жизни известно, пробовано. И инстинкт жизни ослаб. Невозможны былые возбуждения. Откуда ж тут взяться хорошей памяти...

СЛУЧАЙНЫЕ ФАКТОРЫ. Но вообще в жизни человека выборочность многих воспоминаний как бы произвольна. Возбуждение чувств – сильные, незаурядные ощущения – зависит от разных факторов, мы их обычно не учитываем.

Скажем, по личным биоритмам человека сегодня день активности. На скачок атмосферного давления нервы тоже реагируют. Последнее время много работал, устал, а тут выдался свободный вечер, и погода хорошая. От детей пришло хорошее письмо. И вот видишь в электрическом свете уличного фонаря зеленую листву на фоне темносинего неба – и надолго-надолго запоминаешь этот кадр. Красиво. Хорошо. Миг удивительной и чистой отрады в душе.

Или наоборот: ну все было так хорошо – и вдруг тебя киоскерша обхамила. Не будь все хорошо до этого – плюнул бы и забыл тут же. А так – помнишь...

БЫЛО – НЕ БЫЛО. Почему память о несбывшемся часто крепче памяти о том, что было на самом деле?

Скажем, мужчине свойственно вспоминать женщин, с которыми был близок. Живописуя и обогащая подробности. Положительные эмоции, приятные ощущения, хорошая и

богатая жизнь в прошлом – понятно. Но – не реже, а часто сильнее и желаннее вспоминаются те женщины, до собственно обладания которыми дело не дошло. С чего? Или тебе не настолько хотелось, чтоб идти до конца, или просто отказ получил, – в любом случае воспоминания должны бы быть на порядок слабее тех, где хоть есть о чем вспомнить.

Нет же: рисует себе в воображении блаженство неземное – которое не испытал и с женщинами куда более желанными и близкими.

Тут когдатошнее сильное возбуждение осталось без естественного разрешения. В мозг впечаталось это возбуждение. С кем переспал – там слабеющие, исчезающие ощущения (пресытились, надоело, расстались) наслоились на сильное, заслонили его, вытеснили. А с кем «на взлете» расстался – та в эротических фантазиях прямо Клеопатра.

Несовершенные поступки, несбывшиеся желания тем и помнятся сильно, что реального разрешения и от него естественного успокоения не случилось.

М ы п о м н и м о щ у щ е н и я. В том смысле, что в основе любого воспоминания лежит возбуждение чувств.

ВОЗБУЖДЕНИЕ – ОТУПЕНИЕ. Поэтому события чрезвычайной, судьбоносной важности отнюдь не всегда хорошо помнятся. Отрубил зэк пятнадцать лет в концлагере, чудом жив остался, каждый день в голоде-холоде невыносимой каторги загнуться мог. Каждый день – на пределе всех сил выживал. Казалось бы – все в памяти должно отпечататься на-

мертво. Нет, куда как не все... От чудовищных нагрузок отупение наступает, как на автопилоте тянет человек. Приходит утром бригадир в барак, зачитывает список: «Ты, ты, ты и ты – после обеда идете на расстрел». Расстрел так расстрел, никаких эмоций у полутрупов не осталось. Это писатель Сергей Снегов рассказывал, он семнадцать лет в заполярных зонах на общих работах отбыл, невероятного здоровья был человек. И остается в памяти, кроме редких случаев, нарушавших каждодневное течение, только это вот предельное отупение от мук.

А посиди так всего недельку – каждый час ее до гроба запомнишь.

Что помнит пехотинец о войне – если не по глянцевым мемуарам и юбилейным митингам? Огромную, мучительную усталость. Отдохнуть, поспать хотелось. И постоянное, изматывающее ожидание опасности, что убить могут. Мечту с передовой оттянуться. Все прочие воспоминания – уже потом, слабее.

РЕАЛЬНОСТЬ И ВПЕЧАТЛЕНИЕ. Не в реальности, стало быть, дело, а в том, какое впечатление она на нас произвела.

Умирал в пустыне от жажды – а тебя спасли, напоили. Не забудешь. А для спасательно-розыскной группы ты – двадцатый клиент за сезон. Работа такая. Чего тебя особенно запоминать.

Выздоровливающий больной лучше помнит врача, чем

тот его.

Монахиня согрешила единожды, а старая проститутка пропустила десять тысяч клиентов. Понятно, кто лучше помнит акт.

Есть у Шукшина рассказ «Гармонь играет»: уж не помнит замученный жизнью мужик, как женился, а помнит до слез, как отчаянным парнишкой скакал на жеребце ночью сквозь грозу.

СЛОВО И ЧУВСТВО. Матерная ругань – предельное выражение экспрессии, выражение сильных чувств. Из всего речевого запаса именно мат соответствует наибольшему возбуждению. Эти слова, врубленные в память сильнее прочих, и хранятся до последнего – даже у insultника-паралитика.

Глубже впечатано только первое и главное, базовое, слово «мама», с которым так часто умирали в забытии даже мужественнейшие бойцы...

ВДОХНОВЕНИЕ И РАССЕЯННОСТЬ. Вот человека что-то сильно взволновало. Определенный участок мозга пришел в сильнейшее возбуждение. Этот очаг возбуждения доминирует над прочими. Доминанта бывает так сильна, что прочие участки возбуждения «забываются» ею, гасятся, слабеют, делаются неразличимы: максимум энергии мозга сосредоточен на главном.

Узнал вдруг, что дом сгорел – или миллион долларов в лотерею выиграл – и забыл вдруг, что зуб болел, и перестал он болеть, только на завтра и вспомнил о нем, что болел ведь

вроде.

«Вдохновение» художников и ученых – это сильнейшее перевозбуждение нервной системы, голод-холод перестают ощущать, и такие озарения им хорошо помнятся. А что при этом разные носки надел, или соль в чае размешал, или про поездку забыл – какая ерунда, слишком он сосредоточен на другом, на главном.

* * *

К кому милостив Бог, тому дает он перед смертью покой и время: отдать распоряжения, попрощаться с близкими, подвести итоги. И, расставаясь с жизнью, пройти ее в памяти: вот она, моя жизнь... она была ничего... хороша была. Отошла суета, остался перед последней чертой наедине с главным, с жизнью своей.

Что помнишь, то и главное, а другого нет. Не рокот космодрома, а трава под окном.

Почти все запоминание происходит подсознательно. Не то помним, что нужным помнить считали, а то, что естеству нашему, значит, потребно.

И получается, что для нашей памяти важнее всего сила ощущений.

То помним, что крепче отпечталось. То крепче отпечталось, что острее ощутилось.

Человек есмь.

3. Ощущения

Когда человек здоров, ничем не измотан, нормально отдыхается, и ему улыбается удача, и на работе и в семье все в порядке – сам процесс жизни доставляет удовольствие. Приятно ощущать бодрость своих мышц, и сон хороший, и аппетит.

И вот стряслось что-то ужасное. Взволновало. Заснуть не может. Просыпается разбитый. Аппетит пропал, даже любимые блюда есть не хочется. Вместо того, чтоб после работы посидеть на диване перед телевизором, ходит как заведенный взад-вперед по комнате, или вышагивает часами по улицам, или на машине гоняет.

Понятно, огорчен человек, переживает. Но по логике вещей действовать он должен наоборот: беречь и собирать силы, чтоб преодолеть неприятность, наладить хорошую жизнь. Ведь голод, сон – инстинкты, организм должен требовать их удовлетворения! Нет: есть не хочет, спать не хочет, худеет человек и чахнет.

А некоторые от волнения, наоборот, начинают есть без остановки. Жизнь рушится, а он толстеет.

Объективно потребность в пище вроде не изменилась, организм выполняет прежнюю работу, нуждается в том же количестве энергии. А чувство голода – изменилось. И поведение диктуется этим чувством.

Ощущение голода – знакомо, изучено, управляемо. Хлопнул перед обедом водочки, закусил остреньким – и аппетит разыграл. А для толстых – масса препаратов изобретена, чтоб жрать меньше хотелось.

Кушать – потребность основная, базовая: инстинкт. А определяется она через ощущение. И мера удовлетворения ее тоже определяется через ощущение. И влияют на эту объективную потребность самые субъективные факторы: и настроение, и ситуация, и вкус.

ПОТРЕБНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ. Кому ж не известно, что горе, радость, страх сильно влияют на человека, могут менять его самочувствие: от горя можно заболеть и умереть даже, от счастья – выздороветь. Меняется обмен веществ, работа всей эндокринной системы. Страх может парализовать, лишить способности действовать даже для спасения своей жизни – а может, наоборот, вызвать небывалые силы: тут хилый человек огромные тяжести ворочает, через стены перепрыгивает. Уж очень надо! Недаром многие любобпытствуют: пустить за спринтерами разъяренного тигра – пролетят стометровку за девять секунд, это круче любого допинга будет.

Получается, что ощущения могут менять границы возможностей организма. Влияют на его первейшие потребности – вплоть до усиления или ослабления самого инстинкта жизни в целом.

Собственно, все потребности и осознаются через ощущение.

ния. Хочу! – жить: дышать, есть, пить, спать, совокупляться. А без этого никак. Удовлетворяю свои желания – хорошо, отлично!

Мало. Хочу! – денег, славы, власти, приключений. (Почему хочу – об этом ниже, в 4-й и 5-й подглавах.) А что такое желание? Это то же ощущение. Иногда так и говорят: «ощутил желание». Природа их одна: возбуждение участков мозга. Вижу, слышу, обоняю – и хочу! Ощущаю мир и себя в нем. Я ощущаю – значит я живу.

СЕНСОРНЫЙ ГОЛОД. Есть много трактовок и определений того, что такое жизнь. Например: «Форма существования белковой материи». Но человека-то обычно интересует жизнь собственная.

Под «жить» обычно имеют в виду «что-то делать». А можно ли жить, ничего не делая? Запросто! Многие даже сказали бы «С удовольствием! Если б условия позволили...» Под этим они подразумевают не работать – но веселиться, путешествовать, то есть все-таки что-то делать.

Вовсе ничего не делать скучно. Но можно. Вождем некоторых полинезийских племен было табу делать что бы то ни было, даже кушать самим: подданные их носили, умывали, кормили с рук. Паралитик может всю жизнь пролежать в постели, но никто не сомневается в том, что он живет, он может быть даже крупным математиком, писателем, изобретателем, известны такие случаи. Мысль его работает, а думать не запретишь.

Мыслью – следовательно существую? Еще нет.

Ставились такие опыты. Человек в специальном скафандре погружался в жидкость такой плотности, чтоб он там свободно плавал – своего рода невесомость, чувство земного притяжения он переставал испытывать. Резервуар находился в абсолютно темной камере, так что было не установить, где верх, где низ, и видно ничего не было. Ни звуков, ни запахов. Руки в специальных перчатках, каждый палец в отдельном просторном цилиндрике, осязание тоже практически отсутствовало. Все внешние ощущения переставали поступать. Нигде не давит, тело свободно, свежий воздух для дыхания поступает – никаких неудобств. Находишь себе неизвестно где и как и думай сколько влезет.

Через считанные часы испытуемые, молодые здоровые добровольцы с устойчивой психикой, начинали сходить с ума. Начинались галлюцинации, страхи, поднималось и падало кровяное давление, нарушались функции внутренних органов. Человеку просто грозила смерть. Ученые снаружи следили за этим по показаниям датчиков на его теле.

Сенсорный голод – недостаток ощущений извне – вещь страшная, разрушительная. Испытуемые старались думать о чем-то, решать задачи, вспоминать стихи, но мысли их делались сбивчивыми, отрывистыми, исчезало ощущение времени, ощущение своего тела, и вообще ощущение реальности: состояние делалось кошмарным.

Ведь даже слепоглухонемой паралитик, несчастнейший из

людей, отгороженный от всего мира, что-то ощущает, хоть частично: тяжесть своего тела и тем самым положение его в пространстве, жару или холод окружающего воздуха, прикосновения к лицу, вкус и температуру пищи. А у нормального человека без всяких ощущений извне – в мозгу тут же начинается паника: регулирующие всю жизнедеятельность центры не получают привычной информации, необходимых возбуждающих сигналов, и работа их разлаживается, организм удивительно быстро идет вразнос к гибели. Все органы здоровы, все питательные вещества в достатке – но полное отсутствие ощущений извне – то же самое с точки зрения организма, что тяжелейшее заболевание тех самых участков центральной нервной системы, которые отвечают за поступление информации.

Только отсутствие воздуха или слишком большая жара или холод убивают быстрее. Даже без воды человек проживет дольше, чем без всех ощущений. Они организму совершенно необходимы.

Ноги ходят, руки делают, рот говорит, кишки переваривают, а мозг управляет всеми этими умельцами: следит за получаемыми сигналами и шлет туда приказы. Он главный! И для этого главного *жизнь – комплекс ощущений*.

ОЩУЩЕНИЕ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? Африканский колдун приговаривает виновного к смерти, и тот в несколько дней умирает без всякого дополнительного воздействия: мозг «знает», что приходит смерть – и в самом деле умирает.

Дикарь, говорите? Ну-ну...

Что такое внушение? Воспринятый мозгом приказ извне на определенные реакции, ощущения.

Пожалуйста. Загипнотизированному внушают, что сейчас прижгут руку каленым железом – и прикладывают обычную линейку. Он кричит от боли – а на руке появляется страшнейший ожог! Как, отчего, почему?! А мозг реагировал на прикосновение как на ожог, информировав весь организм: ожог! жжет, больно! Рука дергается, кожа краснеет, лимфатическая, защитная, система мобилизуется, защитные тела бросаются спасать пораженное место, вспухает волдырь, кровеносные сосуды сужаются, чтоб не разнести по организму возможную заразу и остановить скорей возможное кровотечение, для этого же в кровь выбрасываются коагулянты, чтоб в пораженном месте сразу свернулась и закупорила поврежденные сосуды: полная картина реакции на ожог – без самой термической травмы.

А у прокаженного, когда отмирают проводящие нервы, можно ампутировать руку без наркоза – он ничего не почувствует. Мозг судит о происходящем по поступающему сигналу, соответственно возбуждающему.

Еще опыт, уж вовсе страшноватый. Ставился в шестидесятые годы в американской тюрьме. Приговоренному к смертной казни убийце предложили вместо повешения способ ухода другой, сравнительно безболезненный и комфортный: ему вскроют вены на руках. Повешение вещь неприят-

ная, узник согласился. В назначенный час объявили ему об исполнении приговора, привели в исполнительную камеру, там надзиратель с тазом, врач со жгутами и скальпелем, пристегнули к креслу, завязали глаза. Перетянули руки жгутами, чтоб вены вздулись. А затем врач провел ему поперек вен тупой стороной скальпеля – и стали тихо лить ему на запястья тепловатую, температуры тела, воду, стекавшую в таз. Сняли жгуты. Ну – имитация.

Что ж убийца? Стала появляться мраморная бледность, синюшность губ, давление падает, сердце бьется слабее, потеря сознания, обморок, ослабление всех функций, остановка дыхания и сердца. Смерть.

Вскрытие показало: практически все главные симптомы кровопотери. Кровь перестала приливать к мозгу, а он первым погибает от кислородного голодания.

Мозг был обманут. Ощущение оказалось жизненно важнее объективной реальности. Для мозга было единственно реальным то, что ощущалось. И все реакции центральной нервной системы определялись этим ощущением.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ. Напрашивается вопрос: если верно прямое утверждение – должно быть верно и обратное? Если «внушением ощущения» можно покалечить и убить здорового – то можно и исцелить больного? Верно, хотя только отчасти. Человечество вообще больше преуспело по части убийств, нежели во врачевании. Ломать не строить. Убить проще, чем воскресить. Но и здесь есть факты приме-

чательные, характерные.

Вот два равно опасных больных. Один жить хочет сильно, есть ради чего, всей силой воли приказывает себе жить, убеждает себя, что выздоровеет – а второй плывет по течению. И первый выздоравливает, а второй умирает. Случай в медицине типичный.

Раны у победителей заживают быстрее, сформулировал еще Гиппократ. Более того: иногда волевые, сильные духом люди оправляются от смертельных ран, неизлечимых болезней – врачи только руками разводят: необъяснимо, противоречит физиологии!

Раненный летчик сажает подбитый истребитель на аэродром – и из кабины вынимают уже покойника: мозг «знал», что надо дотянуть до полосы, и «приказывал» жить организму, хотя от полученных смертельных повреждений полагалось умереть раньше.

«Но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». «Вы ранены? – Нет, сир, убит.»

Более того: в войну под огнем у бегущего человека срезало голову осколком снаряда – а тело еще десяток шагов продолжало бежать! Организм продолжал выполнять полученный от мозга категорический приказ... И такое бывало.

Конечно, без головы долго не проживешь. Но если остальной организм этого «не знает», а все прочее в порядке – то может жить. Пример: автокатастрофа, черепно-мозговая травма, мозг гибнет, в реанимации больного подключают

к аппаратам искусственного дыхания, кровообращения, искусственно питают – и кроме мозга все живет. Какую функцию здесь выполняет сложная аппаратура? Строго говоря, она заменяет собой отсутствующие сигналы мозга.

Все дело в том, чтобы организм получал от мозга сигналы на продолжение жизнедеятельности. Для этого мозг должен быть жив-здоров и ориентироваться в обстановке, в происходящем. Ощущением и можно назвать реакцию на обстановку: голод! жажда! нечем дышать! больно! приятно! радость! тоска! и прочее.

Отсутствие сигналов-приказов из мозга – смерть организма. И неважно, чем оно вызвано – голову снесли или все органы чувств блокировали. Инстинкт жизни: организм требует сигналов из мозга, так он устроен.

(Кстати о присказке «все болезни от нервов». Когда-то ученый мир поразился: если бросить лошадиную дозу хинина в раствор культуры малярийных палочек, то они даже не почешутся. Хинин на них никак не действует. Он действует на центральную нервную систему: «Дави малярию!!» Тогда она дает приказ внутренним органам, а они уже вырабатывают вещества, убивающие микробов.)

БОЛЬ И НАРКОЗ. Мозг принимает сигнал организма: «Больно!». Что-то здорово не в порядке, меры принимать надо, лечить больную ногу, нельзя на нее наступать, ей от этого хуже. А лечиться некогда, ты в хоккей играешь на чемпионате мира. Обкололи тебе больное место новокаином, бло-

кировали нервы – не болит пока? играй дальше! Возбужденный участок мозга «различить» не может, отчего успокоение пришло: ногу тебе вылечили или просто промидол вогнали в вену. Для него так: боль прошла? – порядок.

До изобретения современных средств наркоза хирург перед операцией вливал в пациента настойку опийного мака, или просто водки, или вообще глушил колотушкой по голове. Потому что резать живот, копать в кишках – мозг получит сигнал боли такой силы, что он будет означать: все, хана, отдаем концы. Это называется болевой шок, он может вызвать смерть.

На этом построены болевые приемы восточных боевых искусств. В самом деле, зачем ломать руку, это трудно, если можно просто ткнуть пальцем – и нет врага. Знать только, как куда ткнуть. И вроде нет в организме никаких повреждений – убит человек импульсом собственной нервной системы.

Болевой шок – ощущение такой силы, что перевозбуждение одного участка мозга сбивает, разлаживает работу остальных: прекращается дыхание, встает сердце. А все органы здоровы. Ну вырвать зуб – подумаешь. А спилит палач напильником – можно умереть под пыткой.

ПОДМЕНА. То есть мозг можно «обмануть», искусственно вызвав нужные ощущения, и тогда он, в свою очередь, «обманывает» весь организм. Люди это давно знают и применяют на каждом шагу. О средствах для и против аппетита

мы уже говорили. О снотворных и допингах знают все (они есть разных механизмов действия, есть и влияющие непосредственно на центральную нервную систему).

Веяние новых времен: в хорошем настроении человек улыбается – а если будет улыбаться сознательно, искусственно – то и настроение будет лучше: ощущение от напряжений лицевых мышц воспринимается мозгом как соответствующее хорошему настроению.

Музыка может вызывать веселье, а может печаль. А все-то дел – звуковые колебания. Что в твоей жизни от музыки изменилось? А ничего. Просто возбуждаются какие-то участки мозга.

Мучимый в пустыне жаждой солдат катает во рту, сосет свинцовую пульку в медной рубашке: кисловато, притупляет жажду, нервным окончанием во рту «кажется», что похоже на воду. Воды в организме не прибавилось, не хватает воды, но жить полегче, и полегче делать то, что нужно.

Голодающие набивают желудок травой, корой, торфом – они в желудке не перевариваются, не спасут, – но в желудке что-то есть, и мозг «полагает», что дело чутко поправлено.

Как вообще начальник-мозг может заботиться о вверенном ему, кормящем и защищающем его организме? А велеть организму делать так, чтоб поступающие в мозг сигналы вызвали ощущения: все хорошо, все отлично.

КАЙФ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО. В мозгу крысы исследователи нашли центр наслаждения, полного довольства. Вживили

в него электрод и стали раздражать этот центр током – такой силы и напряжения, как мозгу свойственно, это приборами определяется. Крыса – совершенно счастлива, ничего больше не хочет. Усложнили опыт – сделали в клетке педальку, которая замыкает электроцепь. Крыса – животное умное, любопытное, быстро установила связь между нажиманием педальки и получением удовольствия. А дальше – она научилась ее специально нажимать, и нажимала непрерывно! Пока не умирала от нервного истощения, голода и жажды. Уж у крыс инстинкт жизни куда как силен. А раздражаемый мозг говорил ей: все замечательно, именно это и надо, давай еще.

Ощущение типа «Ах, как хорошо жить!» оказывается для крысы важнее реальной жизни. Для мозга-то все равно, чем именно вызвано такое ощущение. Для него оно оказывается реальностью.

Это напоминает старый английский анекдот: «Официант, это чай или кофе? – А вы что, не можете различить? – Нет! – Тогда какая вам разница?»

Обычайшее средство для искусственного вызывания приятных ощущений – алкоголь. Выпил – и хорошо: веселье, возбуждение, эмоциональный подъем. Собственные силы кажутся больше, препятствия и неприятности кажутся мельче. Вроде, и радоваться нечему: убивается время, деньги, здоровье, откладываются нерешенные проблемы – да и наплевать, зато выпьем, забудемся, повеселимся.

Иногда считают, что пьянство – явление социальное: от

бедности, невоспитанности, беспомощности, неправильно-го устройства общества. Но идеальное общество, идеальные условия для жизни невозможны. Первобытные племена, живущие без всяких «высших устремлений» в гармонии с природой – тоже пьют: нажуют листьев, сплюнут всем племенем в выдолбленную тыкву, дадут перебродить – и захмеляются по кругу.

И не только человеку, существу разумному, свойствен этот порок – и животные ему подвержены. Дайте собачке попить пива или водки даже – может понравиться, будет хотеть еще. С чего бы собачке пьянствовать? А ей тоже приятных ощущений хочется.

А зачем кошке валерьянка? Ни прокормлению, ни продолжению рода, ни укреплению кошачьего здоровья – ничему она не способствует. Раз мы говорим, что у животных – только инстинкты, им бы лишь жить да размножаться, то почему почуявшая валерьянку кошка рвется к ней, а дорвавшись – балдеет от наслаждения? Какой тут инстинкт? Какие тут социальные пороки и недостатки воспитания?

А инстинкт – это: хочу рыбу! хочу кота! хочу тепла! Для мозга это значит: требую ощущения поедания рыбы и наполнения ею желудка; требую ощущения обладания котом; требую ощущения тепла. Ощущений! Удовольствий! Кошка ведь не планирует семью, ей в наследство передавать нечего. А валерьянка дает ощущение удовольствия. Инстинкт обманут – но кошка-то ведь этого не знает, у нее голова малень-

кая.

А если б и знала, так что? Вот человек знает, что наркотики губительны – но употребляет. Ну, морфин или героин дают жестокое физиологическое привыкание, организм без них начинает так страдать, что вскоре их принимают просто для избавления от страданий. Но ЛСД или тем паче марихуана такого привыкания не дают – их употребляют просто для удовольствия, для сильных приятных ощущений.

И чем тут высоколобый студент университета отличается от дикаря с перебродившей жвачкой или от кошки с валерьянкой? Ничем не отличается. Удовольствие ощущать хочет.

И эта потребность в сильных приятных ощущениях – неотъемлемая черта мозга. Уничтожь все наркотики – человек найдет что-нибудь другое. Как школьники в бывшем СССР. Капали эфир в пиво, совали головы в пластиковые пакеты и дышали нитроклеем, ацетоном или бензином с ватки. А в эпоху полусухого закона гнали ведь самогон из всего: из крахмала и повидла, томатной пасты и сапожного крема, об одеколоне и тормозной жидкости и говорить нечего.

Природу не запретишь. Даже если иногда хочется. С ней можно договориться только на ее языке.

Борьба с алкоголизмом тут очень показательна: богатый опыт, статистика больших чисел. В СССР алкоголика могли по доносу соседей или постановлению милиции судить и отправить на два года принудительного лечения в ЛТП – ле-

чебно-трудовой профилакторий. Это тип тюрьмы, та же ка-торга. Только там еще проводили беседы о вреде пьянства и давали лекарства (которые старались выкинуть, было мнение, что они вредны для потенции половой и умственной). Что ж результат? Отсиживали два года, выходили – и тут же обычно напивались, празднуя наступившую наконец свободу.

«Кодирование» алкоголиков происходит иначе. Человека медикаментами и гипнозом стараются привести в состояние полной внушаемости. И в этом состоянии внедряют в его подсознание чувства страха и отвращения к алкоголю. То есть задача в том, чтобы в мозгу заместить, подавить, блокировать ощущение желаемое, приятное – резко нежелаемым, неприятным. И у хороших врачей, людей с мощной силой внушения, процент выздоровления пациентов очень высок – до восьмидесяти и выше. Никакими иными средствами такого достичь не удастся.

Наверное, вполне достаточно для подтверждения старой истины: **во всех своих действиях человек руководствуется в первую очередь ощущениями.** Даже в самых жизненно важных, и именно в них.

* * *

Значит, получается так:

Реальность человек постигает через ощущения. Зрение,

слух, осязание, обоняние, вкус – органы чувств шлют сигнал в мозг.

Холод, жара, голод, жажда – потребности постигаются через ощущения.

Горе, радость, боль, наслаждение – ощущения. Если по каким-то причинам ощущения неадекватны реальности (при болезни, под гипнозом и т. д.) – организм в своих реакциях руководствуется не объективной реальностью, а субъективными ощущениями. А как может быть иначе? Коли реальность только через ощущения и воспринимается.

Можно сказать: субъективно для человека жизнь есть то, что он чувствует. Комплекс ощущений.

4. Стремление к счастью

ДВА НАЧАЛА. Сверху у человека есть такая штука, она называется голова. Обычно он ею думает. Или думает, будто ею думает. От этого происходит масса путаницы.

Животное удовлетворяет свои желания, реагирует на свои ощущения напрямую: дают – бери, бьют – беги. А человек – он еще и обдумывает свои желания: как бы удовлетворить получше. Реакция на ощущения у него, в отличие от животных, пропускается через рациональный аппарат. Убить мамонта в открытом бою дубиной не могу, а есть охота... ладно, потерплю голод, вырою огромную яму, а уж когда он туда свалится – натрескаюсь от пуза.

Мощные у человека в мозгу сдерживающие центры. И они давят непосредственные реакции, сиюминутные желания, – ради того, чтоб небыстрым, непростым путем удовлетворить желания более сильные, более важные. Ладно, не дам сейчас скотине-начальнику по морде, хоть и хочется, – зато буду зарабатывать много денег, куплю машину, а в отпуск поеду в Париж. Из двух желаний побеждает отдаленное, стратегическое. Правда, не всегда... Поэтому одного человека называют сдержанным, а другого – несдержанным. И советуют ему после очередного эксцесса: «Думать же надо, что делаешь».

Обычно человек и думает – иногда предварительно, а чаще уже потом. Тем и отличается. Обо всем думает: науки создал, ракеты изобрел, телерекламу жвачки совершенствует. И уж всегда думал человек о себе и о своей жизни. Потому давно и сказано: жизнь человека есть то, что он о ней думает.

Жизнь как комплекс ощущений есть основа для жизни как комплекса размышлений. И каждый человек, ну хотя бы в ответственный период своей жизни, размышляет, как ему жить дальше.

В этих размышлениях прежде всего он руководствуется своими желаниями: один всегда знает, чего ему хочется, другой пытается это понять, третьему вообще вроде все равно, чем заниматься, он падает на первый подвернувшийся вариант.

Еще человек оценивает свои возможности. А иногда категорически не желает с ними считаться – ломит упрямо на-

перекор судьбе и советам окружающих.

Еще человек рассматривает различные варианты того, что он может вообще в жизни делать. Выбирать-то приходится из того, что есть, благородным странствующим рыцарем на боевом коне в наше время не станешь.

От этого зависит выбор цели. От минимальной – не умереть с голоду, до максимальной – стать кинозвездой, миллиардером, президентом. Потому что хочется. Вот неандерталец никогда бы не додумался стать кинозвездой – потому что этого не было. А современная девушка хочет до дрожи! Думает ночами и планы строит.

Все, что человеку хочется, мы уже в начале сказали – от здоровья до власти. Это если конкретно формулировать. А если вообще – привести, так сказать, к общему знаменателю, то можно сказать просто: человек хочет, чтоб ему было хорошо.

Если попытаться найти одно-единственное слово, выражающее самое главное, что любому человеку надо, слово это будет счастье. Принимая близко к сердцу судьбу дорогого человека, мы интересуемся главным: ты доволен своей жизнью? ты счастлив?

Что такое счастье? С одной стороны, это знают все, с другой стороны, этого не знает никто. Формулировками можно толстый том заполнить, и в любом сборнике изречений знаменитых людей есть обычно целый раздел их соображений о счастье.

Высшая степень радости, наслаждения, удовлетворения. Чтоб исполнились самые главные, сильные, заветные желания и мечты. Чтоб все было так, как хочется.

И в счастье – человек расцветает, глаза сияют, на губах улыбка, дело в руках спорится, и вообще он большой оптимист. Жизнь прекрасна! Вот к этому любой и стремится. Ради этого стоит жить.

Стоит-то стоит, но как? Люди давно придумали такую красивую метафору, что ум в голове, а чувства в сердце. И вот, значит, они должны быть в ладу друг с другом. В согласии. Сердце чего-то хочет, а ум ищет пути достижения желаемого. Для этого ум должен сначала осознать, чего, собственно, сердце хочет.

ОБЛАДАНИЕ. С древности многие философии строились на том, что надо дать человеку все потребное для счастья – и тогда он и будет счастлив. А что надо? Здоровье, пища, дом, семья (список см. выше). Чем полнее список – тем больше человек счастлив. Чем меньше пунктов в нем выполнено – тем меньше счастлив.

Тогда самыми в общем счастливыми людьми в мире должны быть (опять же см. выше) шведы. Чего, однако, в натуре не наблюдается. От счастья не вешаются. А вот со скукой в Швеции все в порядке.

Бунт западной молодежи в шестидесятые годы – это, по мнению жителя бедной страны, «с жиру бесились». У них было все: молоды, здоровы, деньги есть, все пути открыты –

нет! делать ничего не хотели, ходили грязные, оборванные, обдолбанные, жили в трущобах: мы презираем и отвергаем, заявляли, ваше благополучие. Вот вам: создали ценой вековых лишений и усилий Золотой Век новому поколению.

Могут сказать: это был такой этап социального развития, поколение акселератов, казус истории. Вряд ли. Но допустим даже.

Однако, если счастье сопряжено со всякими вещами и обстоятельствами, со всем хорошим, что у тебя есть, то кто должен быть счастливей прочих? Самые красивые, сильные, умные, энергичные, богатые. «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным».

Тогда почему депрессия – обычное заболевание таких знаменитостей? Самые богатые врачи – психоаналитики Голливуда, и пациенты у них не переводятся.

Уж чем так плохо жила Мерлин Монро? Уж чего так не хватало в жизни Хемингуэю? Почему Байрон – предмет зависти и подражания целого континента, красавец, богач, спортсмен, кумир, гений, – был пессимистом? Почему Лев Толстой – граф, богач, знаменит, женат на любимой – «прятал веревку, чтоб не повеситься, и ружье, чтоб не застрелиться»?

Как говорила моя бабушка, «все есть – счастья нет».

ДОСТИЖЕНИЕ. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько ты за нее заплатил. Что тебе ничего не стоило, тем не дорожишь, и счастья от того нет. Еще одна известная точ-

ка зрения. Жизнь это борьба, в борьбе счастье. Знакомо?

Во-первых. Пока человек борется за пресловутое счастье – будь то любовь, золото, пост или здоровье – он обычно таких мук, унижений, лишений натерпится, что ждет не дождется вожаденного результата, и только мечта о нем силы поддерживает. Спроси кого угодно: хочешь получить желаемое сразу или сначала помучиться? Того, кто хочет помучиться, называют мазохистом.

Во-вторых. Достижение результата определяется энергией, волей, умом. И еще везением. Счастливы должны быть в первую очередь люди энергичные, волевые, умные, везучие. А несчастливцы – просто неудачники: хилые, глупые, слабохарактерные.

А на деле? Зауряднейший человек – а вечно дыбится, все ему нравится, всем доволен, счастлив. А вот умный, предприимчивый, настойчивый – а всегда чем-то недоволен, что-то ему не так, и никак он не может стать счастливым, и грустно поет киногерой под гитару: «Был я смел и удачлив, а счастья не знал...»

В-третьих. Человек мечтал, добивался, из кожи лез – и получил то, что полагал себе счастьем: деньги, слава, любимый супруг. И вдруг по прошествии короткого времени обнаруживает, что счастья – нет... Как так? А черт его знает... Не так все, как когда-то мечталось, мерещилось. Все вроде есть – а вот счастья что-то нет. Обыкновенный вариант. Чего ж он ради пуп надрывал? И хотеть больше нечего... Тут можно

и пить начать.

Так что достижение цели, ассоциировавшейся со счастьем, отнюдь его еще не гарантирует.

Тут уж вообще непонятно, что ж делать.

КАЖДОМУ СВОЕ. Возьмем-ка двух человек, у которых все одинаково – здоровы, зажиточны, семьи в порядке, прямо близнецы. При этом один из них счастлив, а другой – несчастен! Как, почему, отчего? Положим, один поднялся из нищеты, а второй разорился и сполз из «высшего света». Что одному в радость – другого печалит и тяготит. Разный уровень притязаний.

Для дурнушки счастье – стать миловидной, а для красавицы несчастье – проиграть конкурс красоты и не стать звездой.

Счастье хромого – здоровые ноги, а счастье слепого – только бы прозреть.

Счастье родителей – чтоб ребенок преуспел в жизни, счастье бездетных – вообще иметь ребенка.

Счастье абитуриента – поступить в университет, несчастье профессора – его не избрали в Академию наук.

И как определить, сколько именно здоровья, денег и успеха надо человеку для счастья? Где мера?

Эка истина, скажете – счастье у каждого свое. Кто ж этого не знает. Кому чего надо.

Страдающий от жажды в пустыне нашел канистру воды – а там спирт. Вот несчастье! Страдающий с похмелья алкого-

лик нашел канистру спирта – а там вода. Вот горе! Им бы для счастья канистрами обменяться. Каждому свое.

Кому поп, кому попадя, а кому свиной хрящик. «Пойми – мне поиграть на скрипке Страдивари – все равно что тебе пострелять из маузера Дзержинского».

Но если счастье у каждого свое – то почему каждый этого своего не имеет?

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ. Выходит противоречие. В п р и н ц и п е представление о счастье у всех одно и то же (выше-приведенный «список»). Надо иметь то-то и то-то, добиться того-то и того-то. Счастье связывается с обстоятельствами внешними – деньги, слава, любовь. Но одни и те же внешние обстоятельства одному могут давать счастье, а другому горе.

Если это зависит от индивидуального количества потребных благ, кому сколько, – то люди должны быть более-менее равно счастливы тем, насколько удовлетворены их реальные потребности. Вместо этого люди более-менее равно неудовлетворены тем, что они имеют, хотя уровень притязаний может быть разный. У всякого свое горе: кому суп жидок, кому жемчуг мелок.

Более того: человек может получить все, чего желал, и все равно быть несчастным. На этом построены еще вечные сюжеты многих народных сказок.

На самом деле, конечно, никакого противоречия тут нет. Мечтая о том, что ему необходимо в жизни для счастья, человек воображает, что вот в тех обстоятельствах ему будет

х о р о ш о. То есть. У него есть ощущение неудовлетворенности жизнью. Мозг ищет – что делать с этим ощущением? как реагировать? какой отдать приказ? Ощущения оформляются в более или менее понятные желания. В действие вступает разум, рациональный аппарат: чтобы удовлетворить желания (помимо естественных физиологических потребностей, с ними все сравнительно просто), мы их сейчас осознаем, сформулируем – и наметим реальные пути к их удовлетворению. И человек свои желания удовлетворит путем создания неких внешних обстоятельств. Эти обстоятельства позволяют ему жить хорошо. Будут сильные приятные ощущения.

Получается, что человека подводит рациональный аппарат, разум? Делал-делал, жизнь положил, всего добился, а счастья как не было, так и нет?

Счастье-то человек испытывает п о с р е д с т в о м с е б я. Снаружи можно иметь груды золота, орденов, красавиц и слуг. А внутри, в мозгу, *надо иметь способность испытывать от этого счастье*. Не в том дело, что ты имеешь, а в том, что ты от этого испытываешь, что это для тебя значит. Счастье ведь – не табличка на стене, не извещение в почтовом ящике – «Вы счастливы!», а твое собственное состояние, оно внутри тебя.

Чем отличается жизнелюбец от меланхолика? Одному клопы пахнут коньяком, а другому коньяк пахнет клопами.

ЛЮБОВЬ. О счастье в любви столько за тысячелетия написано, столько каждый думал, что нет надобности распро-

страняться.

Вариант. Мужчина любит красавицу, счастье взаимно, всем она хороша. А потом разлюбил, бросил (или она его). Бывает. Ну, и что в ней изменилось? В ней – ничего. Чувства у него изменились. А потом полюбил другую, и все говорят: «Что он в ней нашел?.. Прежняя была лучше».

Вариант. Девушки домогается поклонник – всем взял: и внешность, и характер, и карьера, и любит. Семья и подруги ей в голос советуют: «Дура, чего тебе еще надо, не упускай своего счастья». А она отвечает, что может быть счастлива только с другим – который ну по всем же статьям первому уступает. И наперекор всем выходит за него замуж. И он пьет, и она пишет письма: «Папа, он бьет меня, пришли нам денег». И любит!

Вариант. Можно сменить предмет своей страсти – и с другим человеком испытывать прежнее, ушедшее, счастье. Донжуанская шутка: любовь всегда одна – меняются только ее объекты. Ведь и Ромео полюбил Джульетту тогда, когда отчаялся добиться Розалины. (Шекспир был очень умный.)

Рассуждая теоретически, можно поступить как раз наоборот: сохраняя прежний предмет, изменить отношение к нему. Это знакомо многим женщинам, которые хотели изжить в себе властвующую ими любовь к человеку недостойному, мучителю, когда перспектив счастья все равно не видно. В любимом отыскивают пороки и недостатки, старательно раздувают в себе отвращение к ним – и иногда любовь

действительно проходит. А чем занимается мужчина, долго и старательно добываясь взаимности любимой, которой не слишком нравится? Идет на любые ухищрения, чтобы она изменила отношение к нему, это целая наука. И часто добивается ее любви! Становится для нее источником счастья – а ведь он тот же самый.

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ. Над вещами, нужными нам от жизни для счастья, властны и судьба, и обстоятельства, и другие люди – повторим мы вслед за древними философами. Тут и соперники, и случайности, и болезни. Иногда от нас зависит мало, а иногда и вовсе ничего не зависит. Землетрясение, наводнение, пожар – и ты нищий. Неожиданный конкурент – и ты без работы или без места в сборной. Война, кризис, преступление подчиненного – и прощай карьера. Шарах – банк лопнул, и с ним сбережения всей твоей жизни.

Чем больше имеешь, тем от большего количества неприятностей и случайностей ты хочешь застраховаться. Тем больше забот. Крутишься, как белка в колесе. Работа, дом, выплаты, страховки, деловые связи, поддержание имиджа, самоконтроль в поведении... И все равно можно быть несчастным! Да зачастую и просто некогда ощутить себя счастливым.

Зато н и к т о не может нам приказать думать и чувствовать не так, а иначе. В чем наименее властны другие люди и внешние обстоятельства – в нашем внутреннем мире. Никто не запретит мне любить то, что я люблю. Вот как я отношусь

к чему-то – так и отношусь, и ничего вы со мной не сделаете. Сам-то я со своими чувствами всегда при себе.

Засадили человека в камеру-одиночку. Наказали? Фига! Да я всю жизнь мечтал об одиночестве и покое! К гастрономии я равнодушен, открытые пространства меня пугают, много двигаться не люблю, от яркого света глаза болят. Службу ненавижу. А здесь питание, режим, жена не пилит, дети не теребят – и дают бумагу и ручку, писать разрешают сколько влезет. Чего мне еще?! Наслаждаюсь всеми условиями для творчества и спокойной жизни.

Ведь и такое теоретически вполне возможно.

Чем меньше внешних вещей человеку нужно для счастья – тем легче ему быть счастливым. Ни зависти, ни конкуренции, ни изматывающей гонки в борьбе за жизнь. Счастье-то – это твое внутреннее состояние, а не барахло и портреты в газетах.

Так надо обратить взор внутрь себя, и устремить усилия не к внешним вещам, над которыми часто не властен, а к внутреннему состоянию такому, когда даже при малом ты счастлив. Это – надежнее, вернее, здесь твоя воля и власть больше, максимальна.

ЭККЛЕЗИАСТ И СЕНЕКА. Лучше щепоть в покое, нежели пригоршни в трудах и томлении духа, сказал три тысячи лет назад Экклезиаст. Вот такая это старая истина.

Так учили еще античные философы. Довольствуйся малым. Гони неисполнимые желания. Не соблазняйся трудно-

достижимым. Имей как можно меньше того, что легко потерять, тогда враги и природа не будут властны над тобой. Будь счастлив самым необходимым в жизни.

Есть пища, кров, одежда, семья, дети, уважение сограждан? Этого вполне довольно для счастья любому достойному человеку. А если он при этом не чувствует себя счастливым? Пусть самосовершенствуется, работает над собой, чтоб – почувствовал в конце концов. На то даны человеку разум и воля. Главное – чтоб понял и захотел.

А где ты ничего не можешь – там ты ничего не должен хотеть, сказал Сенека. Нет несчастья большего, чем нечестивые желания.

Очень разумно. Ясно, рационально, полезно. Трудно возразить. Это животные руководствуются только желаниями, инстинктами. А человеку, в отличие от них, дан разум. И разум должен всем руководить. Владеть своими чувствами в соответствии с обстановкой – величайшее благо. К нему и надо стремиться прежде всего.

То есть. Можно достичь счастья, удовлетворив свои потребности сверх необходимого. Это трудно, рискованно, бессмысленно.

А можно достичь счастья, уменьшив свои потребности и желания до жизненно необходимого, уже имеющегося.

Главное – чтоб было соответствие между желаемым для счастья и уже имеющимся.

АЛЕКСАНДР И ДИОГЕН. Жил-был в Афинах Диоген.

Он имел бочку в качестве жилья, рваную хламиду и еще фонарь. С этим фонарем он бегал днем по городу и кричал: «Ищу людей!». В наше время такого человека назвали бы возмутителем общественного спокойствия.

Он решил довольствоваться в жизни минимумом. Из домашней утвари имел только черепок для питья. Увидев, как собака лакает воду из ручья, устыдился своего излишества и выбросил черепок.

Здоровьем он обладал прекрасным. Без здоровья в таких условиях не перезимуешь, даже в Греции. То есть у него наличествовали физические потребности и их минимальное удовлетворение. Общение с женщиной он тоже счел излишеством, и демонстративно занимался онанизмом, а когда прохожие стыдили его, возражал: «Ах, если бы так же просто было удовлетворять голод». Из-за этого факта нынешнее понятие «цинизм» – вовсе не то, чему учила школа античных киников. Помнят только: «Что естественно, то не безобразно».

Александр Македонский был, напротив, царем полумировой империи. Навестил он как-то знаменитого мудреца Диогена и, желая показать себя радетелем философии, поинтересовался, что может сделать для него нужного и хорошего. На что получил ответ: «Отойди в сторону, ты мне солнце заслоняешь». Оценив услышанное, Александр сказал с чувством: «Я хотел бы быть Диогеном, если не был бы Александром». История знаменитая.

Александр вскоре умер в Индии, а Диоген прожил еще долго.

По мнению древних авторов, это должно говорить о преимуществах философской жизни, поскольку преимущества императорской жизни и так всем понятны. Тем не менее такая философская жизнь всегда привлекала ничтожное меньшинство людей, составляющее из общей массы то самое исключение, которое подтверждает правило. Правило же заключается в том, что юношество воспитывали на примере Александра, но отнюдь не Диогена.

Александр же был учеником Аристотеля и человеком весьма образованным. Что повлияло на его мировоззрение очень частично: свои взгляды он решил вколотить во всех, кто только населяет досягаемый мир. Эллинизация ойкумены пошла огнем и мечом. Честолюбие молодого владыки было беспредельно.

Вот и учи людей довольствоваться необходимым.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ: НЕСЧАСТЬЕ. Так или иначе, но жить в бочках люди не хотят. Их стремление к счастью носит экстенсивный характер: что-то добавить, дополнить, изменить в сторону увеличения, обычно так.

Но вожаделенное счастье как цель находится на некотором отдалении, а неприятности подстерегают на каждом шагу. Добиваешься любви – жутко нервничаешь на каждом шагу, куча сильных отрицательных эмоций. А если не добьешься – горя-то сколько. А любовь чаще несчастна, чем взаимна.

Зачем оно так нужно, скажите пожалуйста?

Слава – это перенапряжения, стрессы, транквилизаторы, разочарования, обломы, слезы; а иначе и невозможно, если круто к ветру берешь, на пределе всех возможностей ломишься.

Большой спорт – травмы, угробленное здоровье, нестарый еще человек становится инвалидом, забытым и никому не нужным, страдает нравственно и физически, а здоровья уже не купишь.

Большая карьера – требует умения сносить плевки, проглатывать оскорбления, мириться с подлостью друзей и коварством врагов, контролировать каждый свой шаг, забыть о свободном времени; иногда надо жертвовать друзьями, любовью, совестью.

Могут сказать: и это известно – человек за все должен платить. Делай свой выбор. Не везет в картах – везет в любви. За обладание одним – платишь отказом от другого. За счастье в одном – несчастьем в другом. Хочешь яичницу – разбей яйца.

Прет лыжник марафон – аж стонет на подъемах от мучительного изнеможения. Страдает, бродяга! А прибежит первый – счастлив. Так это один. А еще пять лидеров ему проиграли – и слезы на глазах. И ведь знали, что первое место только одно.

Получается так: стремясь к счастью – человек одновременно, невольно, вынужденно, *стремится и к несчастью.*

Ну – побочный эффект, нежелательная, но обязательная нагрузка в магазине жизненных благ.

Если так – то все просто:

Счастье обжорства – перевешивает несчастье ожирения, склероза, уродливой фигуры, преждевременных болезней и смерти.

Счастье пьянства – сильнее несчастья нищеты.

Счастье подвига – сильнее несчастья увечья.

Слабая воля: сейчас мне хорошо, и наплевать, что потом будет плохо. Сильная воля: сейчас мне плохо, потерплю, зато потом будет хорошо.

А чего вообще в жизни больше – счастья или горя? Чаше человек счастлив – или несчастлив? Во всяком случае, люди всегда жаловались, что счастья мало, а горя много. Действительно:

Чем крупнее, значительнее цель – тем дольше и труднее путь к ней, тем больше на пути трудностей и препятствий, тем больше «промежуточных» несчастий – ну, неприятностей, отрицательных моментов. Само достижение цели – под вопросом, если не достиг – то все жертвы оказываются напрасны, не компенсируются. А если и достиг – счастье все равно не гарантировано. Или так устал уже, что предвкушаемого когда-то счастья не ощущаешь, или изменился сам за это время. Или радость достижения цели быстро остывает, сменяется пресыщением и разочарованием: что, и это все, ради чего я столько лет боролся?..

Давно сформулировали: ничто в жизни не бывает так хорошо, как люди обычно себе представляют.

Человек создан для счастья, как птица для полета, мечтательно вздохнул классик. Эта дикая и странная птица называется страус. Летать не умеет, бегают, лягается, перья из хвоста у него выдирают на украшения, а от опасности он прячет голову в песок.

Так что – остается сакраментальная татуировка зеков «Нет в жизни счастья»?

НАПОЛЕОН И БУДДА. Наполеон был величайшим из людей новой истории. Он совершил, добился, имел все, что полагают для себя венцом желаний и пределом счастья миллионы людей. Незадолго до смерти, на острове Святой Елены, у него вырвался стон: «Боже мой, да был ли я счастлив хоть два часа в своей жизни...».

Ты хочешь подвигов, славы, власти? А осознать перед смертью, что прожил жизнь без счастья, хочешь? Сейчас, из малости твоего положения, тебе кажется, что это невозможно – по крайней мере для тебя было бы невозможно. Когда-то и ему так казалось...

Счастье и горе – понятия и состояния противоположные. Счастья мы хотим, горя – нет: по крайней мере, мы так думаем. Счастье бывает редко, а горе – часто. Счастья без горя не бывает – трудности, жертвы, переживания, а в конце концов всех похоронят, и сам помрешь, – а горе без счастья бывает сплошь и рядом. Счастье всегда под вопросом, а горе

всегда наготове.

А когда мы в горе, что для нас счастье? Чтоб не было бы этого горя. Так надо же понять, что отсутствие горя – уже счастье. И, коли ты разумен, заблаговременно принять меры.

По этому пути дальше всех зашел Будда Шакья-Муни. Он бросил теплое местечко наследного принца, дворец, родителей, любимую красавицу-жену, сокровища и одежды, обернул чресла тряпкой и сел под пальму. Все у него было! – но он поразился мыслью, что все это неизбежно кончится: горячо любимые им люди смертны, и сам он смертен, и горем смерти и вечной разлуки все кончится, и дворец может сгореть, и враг может державу уничтожить, и зачем тогда все оно нужно, если все равно всегда знаешь, что в конечном итоге неизбежен печальный конец. Он взглянул на земную жизнь с такой трагической стороны и, как сказали бы сейчас, впал в депрессию.

Он понял, что земная жизнь всегда сопряжена с несчастьями. Они больно ранят. Он хотел быть счастливым, но так, чтобы совершенно гарантировать себя от любой возможности лишиться этого счастья. Для этого нужно не иметь не только никаких вещей, но и вообще не иметь никаких желаний и ощущений. Ведь желания могут не сбыться, ощущения могут обмануть. А вот если ты – вообще Ничто, у тебя уже вовсе ничего не отнимешь. А всеобщее великое Ничто – это как бы противоположный полюс бытия, противостоящий всему суетному, земному, преходящему. И вот если ты осо-

знаешь это великое Ничто, ощутишь себя частью этого вечного Ничто, – это избавление от любых возможностей несчастья, и в этом и надо увидеть высшее счастье. Это состояние называется нирваной, и достигается нелегко, после долгих и упорных тренировок. Пребывающие в нирване ничего не видят, не слышат, не ощущают. И свидетельствуют, что неземное блаженство этого состояния не сравнимо ни с чем.

Ни тебе никто не может причинить никакого зло, ни ты никому: даже букашку давить нельзя. Кушать только горсточку риса и плоды. А кто тебе рис даст? Найдется. Можно и дикими плодами пропитаться. Если природа изобильна – можно и Буддой стать. А эскимосу что прикажете делать?

В этом прекрасном учении только одно несимпатичное место: если все ему последуют, то вскоре некому будет его проповедовать. Вы бы этого не читали, я не писал, а все человечество было бы Великим Ничто, и кончен бал. Такой путь к счастью представляется сомнительным – как и все, что доведено до полного логического завершения. Полное логическое завершение в жизни всегда есть абсурд, хотя для понимания явления оно полезно, показательно.

Полный предел и этого абсурда демонстрируют некоторые секты, «творчески развившие» учение Будды. Не вдаваясь в тонкости и не затрудняя себя долгими тяжелыми тренировками, они просто молятся, психологически подготавливая себя к решительному шагу в полное счастье, после чего совершают коллективное самоубийство.

Вот вам и обретение вечного счастья путем лишения себя всех потребностей.

Солон, сказавший, что ни одного человека нельзя счесть счастливым, покуда жизнь его еще не кончена и неизвестно, что впереди, был бы сильно удивлен таким решением вопроса. Все-таки, чтоб быть счастливым, как минимум надо вообще быть.

* * *

Подобьем бабки и соберем мысли до кучки:

Люди всегда все знали. О счастье думали столько, как ни о чем другом. Создавали целые теории и на практике подтверждали их собственной жизнью:

И это никого ничему не научило. Люди остаются теми же самыми. Могут все знать, все понимать – и все равно хотят того же, что всегда, и стремятся к тому же, к чему стремились всегда.

Они стремятся к своему счастью, а выходит черт знает что.

Дело в том, что хотят они одним местом, а думают другим. И думанье на хотенье мало влияет. Хотят – и все, хоть тресни. А думаньем свое хотенье обосновывают, оправдывают, обеспечивают.

Хотенье главнее. Таков человек. Так создан мир.

Результат хотенья – больше гадостей в жизни, чем счастья.

Значит, людям так надо.

5. Самореализация

Счастье – это надпись на дорожном указателе. Приманка для действия. Объяснение себе, почему это хочется делать. Морковка на шесте, за которой бежит осел Ходжи Насредина.

Человек отличается от осла тем, что если он за морковкой как следует не побегает, так в ней уже и сладости той нет.

Возьмем счастье как избавление от страдания. Проще всего: избавление от боли, выздоровление от болезни. Представьте ли вы себе нормального человека, который хочет заболеть только для того, чтобы испытать потом счастье выздоровления – причем опасно заболеть, с риском для жизни? Разве что капитана Врунгеля, который отказался удалять больной зуб, потому что когда болит – это, конечно, плохо, но уж зато когда не болит – до чего же здорово!

Милые мои. В каждом из нас сидит капитан Врунгель.

АВАНТЮРИСТЫ. Когда Пржевальский окончил путешествовать и удалился от дел в свое имение, он тосковал, неделями бродил с ружьем по лесам и полям, спал на голой земле... вскоре зачах и умер, еще не старым, без всяких видимых причин. В путешествиях он умирал от голода и жажды, тонул, его трепала лихорадка, кусали змеи – выжил, никогда не терял бодрости, поддерживал остальных. Это ему и было

нужно, этого и хотел, этим и был счастлив.

Ален Бомбар в одиночку, в маленькой лодке, без пищи и пресной воды, пересек Атлантику. Пил морскую воду, ел рыбу. «Хотел доказать, что это возможно, а потерпевших кораблекрушение убивал просто страх». Бросьте. Моряки всегда знали, что морскую воду пить нельзя. Бомбар угробил себе желудок, кишечник, почки. Все достижения медицины не помогли. Через три года он умер развалиной, в мучениях, это не очень известно. Кто велел?

Охота пуще неволи.

Человек добровольно может делать такое, что раба под палкой не заставишь.

Когда человек пускается в рискованные авантюры, заведомо идя на лишения и страдания, «сменив уют на риск и непомерный труд», – зачем это ему, строго говоря, надо? В чем тут счастье? В достижении цели, результата? Если дело в достижении славы и богатства – то совершенно понятно поведение конкистадоров, первопроходцев, завоевателей, которые или гибли – или становились владыками неведомых прежде богатейших земель. А бесчисленные туристы, альпинисты, спортсмены-путешественники, им чего?

Счастье победы! Победил бурю, не утонул. Ободрал руки и ноги, напряжением всех сил не сорвался со скалы, влез на вершину. Обморозился в тундре, терял зрение от блеска снегов, дошел на лыжах до полюса. Изнемогая в пустыне от жажды, все же добрел до оазиса и в прохладе напился вволю.

Зачем?! В виде спорта, в собственное свободное время. И даже не как профессионал, не ради славы и денег – а напротив, в законный отпуск, на свои кровные деньги. Потом отдыхаешь, в себя приходишь, лежишься, и вообще погнаться можно, да не просто, а мучительно. Зато выжить, выстоять, победить – какой кайф! какое наслаждение!

И чем большим напряжением сил далась победа, чем круче был риск и тяжелее лишения – тем больше, ценней счастье преодоления.

Ведь гибнут постоянно – в горах, в морях, в порожистых реках. Можно на вертолете к вершине взлететь, на лайнере пересечь океан. Нет: специально выискивают самые трудные маршруты. Без трудов, лишений и риска – исчезает смысл, нет радости победы.

Значит, коли многие люди этим занимаются, в природе человека это присутствует. Испытать напряжение всех сил!

Людей, у которых потребность в таких рискованных действиях ярко выражена, называли авантюристами (теперь их чаще называют романтиками-путешественниками, а авантюристами называют просто мошенников, путая с аферистами). Они изобретают себе немислимые предприятия. Спокойная, размеренная жизнь им пресна, скучна, несносна. На покое они угасают, тоскуют, мучаются скукой. И часто гибнут в очередной аванюре.

Зато всегда скажут о преимуществах *«настоящей полной жизни»*, о необходимости и сладости *«острых ощущений»*.

Можно возразить: гордость человеческим всемогуществом, покорение природы, открытие нового – все это удел человека. Удел-то удел, а почему? Разве жить в покое и безопасности не приятнее? Зачем самому искать опасных приключений на свою... голову?

Значит, нужны сильные ощущения. И *положительные ощущения* здесь, понятно, *невозможны без предшествующих отрицательных*. Нет трудностей – нет победы. Риск и преодоление – соль и смысл авантюры. Даже если предприятие проходит гладко и удачно – риск есть всегда, в любой миг может разразиться неприятность, опасность, катастрофа, и сознание этого делает авантюру привлекательной. «А он, мятежный, ищет бури...»

Так что к отрицательным ощущениям человек может стремиться и сознательно.

Не всегда? Не каждый?

МАЗОХИЗМ И САДИЗМ. Почему влюбленная женщина иногда говорит: «Милый, сделай мне больно»? Черт возьми: ей доставляет наслаждение ощущение боли. Это как же так?

Ну, конечно, не такой боли, чтоб руку вывихнуть из плеча. Но вполне острой, ощутимой – синяки могут остаться. «Тебе больно? – Еще...»

Давно известно, что противоположности близки и вообще могут сходиться. Так парфюмеры знают, что тончайшее благоволение находится на грани зловония, в удержании на этой грани и состоит искусство парфюмера. Так же и в наслажде-

нии любовью, давно и многими отмечено, боль и наслаждение очень близки, иногда просто перемешиваются, неразличимы. И стоны, и крики, и рычание. Совсем немаленький процент женщин в любовном экстазе дерут ногтями спину своих возлюбленных. Если им запретить это делать – острота ощущений снижается, уменьшается удовлетворение.

Они садистки? Гм. Ну уж. Вряд ли. Наука и общество так не считают. В остальном – совершенно нормальные женщины.

Садизм и мазохизм считаются патологией. Ну, наверное, если влюбленный для получения удовлетворения требует отхлестать его кнутом – это действительно патология. Есть грань, и есть переход через нее. Но:

Никакие психические отклонения не берутся из ничего и ниоткуда. Какое-то зерно в психике всегда есть, дело лишь в том, насколько здоровый росток оно дает, до каких пределов развивается.

Почему дети так часто мучают животных? И не потому, что они их не любят, напротив, могут трогательно и искренне заботиться о кошках, щенках, цыплятах. Но иногда, когда никто не видит (потому что им говорили, что это нехорошо), начинают душить собственного любимого котенка, пришибают камнем цыпленка – и, подавляя тошноту, замагнетизированно смотрят на его конвульсии и выдавленные внутренности. Об отрывании лап и крыльев насекомым и говорить уже не приходится.

Детей обвинять в порочности нельзя. Дети – они дети и есть, они делают то, что в них заложено от природы, что в их естестве. Припомните собственное детство – почти у каждого был такой опыт садизма. Противно, страшно, тошнило! – а делали.

В больницы, в операционные детей как зрителей не допускают. Но те, кто в детстве пережил войну рядом с госпиталем, помнят, как сквозь щели в палатках и заборах смотрели на ампутации, на кровавые операции – подавляя ужас и тошноту, с замиранием духа: смотрели! Зачем?..

А когда холостят кабана или жеребца? Жутковато детям, противно, а смотрят. Если взрослому в этом дела нет, и смотреть ему, скажем, неприятно, он может отвернуться – хотя чаще тоже смотрит. Ребенок не отвернется никогда.

Ощущения, испытываемые им при этом, как правило категорически неприятны. Но почему-то он желает их получить.

Да голливудский кинематограф это давным-давно знает и поставил на поток: чирк по горлу, хрясь голову долой, эть руку обрубить – кадык у зрителя прыгает, ан фильм кассу делает.

А гладиаторские бои? Азарт, спорт? Пожалуйста – без спорта и азарта: публичные казни. Зрителей на площадях было – не протолкнуться, и все добронравные граждане. Что, это было давно, а сейчас люди стали лучше и гуманнее? О да, стоит только припомнить кровавую историю нашего столе-

тия. То-то ТВ столько трупов показывает. Репортеры некрофилы, что ли?

Вот вам и патология. Это после определенной границы – патология, а в каких-то пределах – да у каждого обнаружится. Хороший массаж – какое блаженство! а ведь и больно временами и местами, и эта боль – острое удовольствие. А в раскаленной парилке да в два веничка тебя отходят – аж кряхтишь, еле терпишь, больно ведь! но до чего здорово, приятно.

Слушайте, а ведь крепкая парилка и жесткий массаж – это, так сказать, слабая разновидность мазохизма. Вы знаете, ведь хлестать себя плетью или раскаленным веником, особенно колючим, можжевелевым – практически одно и то же ощущение.

Так-с... Получается, что ощущение боли тоже может нравиться, и нравится. Это – положительное ощущение?! Гм. Да как бы выходит одновременно и отрицательное, и положительное. Такая штука. А вот как раз оно на грани положительного и отрицательного.

Дорогие мои. «Сладкая боль»... есть такое выражение. Это выходит, что нервная система человека приветствует и отрицательные ощущения, вот что это выходит. В этой отрицательности есть своя притягательность, ага?

А ведь это самый первичный, самый глубинный уровень нашей сущности – уровень мозга, нервной системы, ощущений.

Значит: человеку желанны не только те ощущения, которые принято называть положительными, но и те, которые принято считать отрицательными.

ЛЮБОПЫТСТВО. Насчет детского садомазохизма могут возразить, что это просто естественное детское любопытство, любознательность. Ребенок познает мир и себя, определяет границы своих ощущений, возможностей; ну, вроде как пока не обожжется – не поймет, что огонь трогать не надо.

Или пресловутое женское любопытство, сказка о Синей Бороде, и ни при чем тут никакая тяга к отрицательным ощущениям.

Возражение первое. Любопытством называется безусловная тяга к познанию лично не известного. Объяснения и предостережения помогают мало. Человека все равно тянет испытать самому. Он приобретает опыт, значительная часть которого – отрицательный опыт. Без отрицательного опыта тоже прожить невозможно. То есть потребность хоть единожды испытать соответствующие отрицательные ощущения в человеке безусловна. Это знают все сколько-то разумные родители и педагоги, не говоря о психологах.

Возражение второе. Если садомазохистский опыт отвращает ребенка от подобных экзерсисов, то откуда берется садизм взрослых людей? А в периоды войн и смут жестокость «цивилизованных, гуманных» людей достигает потрясающей степени. Просто у ребенка в нормальных условиях

это задавливается наслоениями воспитания, морали, цивилизации – а в определенных условиях мощно вылезает наружу. А кончилась война – и дальше палач на пианино играет и тюльпаны разводит. Нормальный человек, кто б мог подумать, ах.

Возражение третье. Спиртное и наркотики с первого раза практически никому не нравятся. Пробуют обычно из любопытства. Со временем отрицательные ощущения сменяются положительными.

Так что любопытство – врожденное свойство познавать больше, а без этого не узнаешь, к чему стремиться, а чего избегать. Оно и заставляет познавать, ощущать и то, что тебе вроде и ненужно, и неприятно. Любопытство работает на познание отрицательных ощущений также, что пока нам только и требуется учсть.

СТРАДАНИЕ И СО-СТРАДАНИЕ. Кто не знает насчет сладости слез. По-простому: слезы, плач – это реакция на горе, проявление сильных отрицательных эмоций. А почему тогда можно плакать от радости, счастья, умиления? Если сходная реакция – может, и ощущения сходные?

Почему наибольшую зрительскую аудиторию в мире собирают душеспипательные индийские мелодрамы? В этих фильмах обязательно есть страдания и слезы. И простодушные зрители сопереживают, плачут.

Комедия – тут понятно: радость, смех – чувства желанные, хорошие, положительные, люди хохочут, получают удо-

вольствие, такое кино всем нравится.

В мелодраме – горе. Вызывает слезы. Выходят сморкаясь, утирая покрасневшие глаза. Зачем шли?! Им своего горя мало? Приятно плакать над чьими-то страданиями? Может, «приятно» – не совсем то слово, но – тянет, хочется, нужно зачем-то. Вы слышите: их тянет со-страдать киноперсонажам. Они знают, что все это придумано, условно, существует только на экране – а все равно со-страдают и плачут. И так – из века в век.

Зачем человек отдает свои деньги и тратит свое время, чтоб два часа поплакать в кинозале? Значит, есть у него такая потребность, да?

О сути и притягательности трагедии основательно рассуждал еще Аристотель. Он пришел к выводу, что при виде страданий в театре зритель испытывает «катарсис» – высокое и благородное чувство душевного очищения, стойкости, делается лучше, мужественнее, достойнее, укрепляется в истинных ценностях жизни. И вот стремясь душой к этому благу, человек и стремится к со-страданию героям трагедии.

Ну, почему человек стремится к страданию и состраданию – и должен к нему стремиться! для своего блага! – было создано много теорий. Особенно преуспело христианство. Страдание и плодотворно с точки зрения душевной, становишься лучше, добрее, понимаешь горе других. И для ума полезно, задумываться над жизнью заставляет, глубже в проблемы бытия вникать. И грехи им искупаются, и Богу оно

угодно. Это – вопросы отдельных дискуссий, и была их уже тьма. Мы сейчас говорим о другом: цель, объяснение, оправдание, применения страданиям можно придумать самые разные, важнее другое – человек х о ч е т страдать! Пусть зная, что дома у него все в порядке, в реальной жизни все хорошо – но в кино, за книгой, он хочет глядя, читая, б е з о п а с н о пострадать.

Что это значит? Что он не хочет реальных событий в своей жизни, которые могут доставить ему страдание. Но в о о б щ е испытать страдание как эмоцию, без всяких вредных для себя последствий, он хочет!

Это очень, очень важно знать и понять.

Получается. Кино, театр, литература, музыка, вообще искусство – то есть искусственно изображаемая жизнь – удовлетворяют некую имеющуюся у человека потребность в страдании.

А если есть у человека глубинная, органическая потребность, то мозг, где все потребности гнезятся, придумает, как ее удовлетворить. Есть «искусственный» путь – хорошо. Здесь искусство работает как предохранительный клапан: и пострадал, и в жизни все в порядке. Ну, а если лишить человека кино, литературы, искусства? А? Потребность-то никуда не денется. Нервной системе-то все равно пострадать нужно.

ПРИДУМЫВАНИЕ ПОВОДОВ. И человек начинает придумывать себе поводы для страдания. Сплошь и рядом и на

каждом шагу. Окружающие только диву даются, хотя сами точно такие же.

Особенно юность в этом преуспевает: или штаны немодные, или родители плохие, или в компанию не принимают: ну всегда юным в жизни что-то не так, и это доставляет страдание. Если большинство полагает традиционно, что юность – пора исключительно безоблачного счастья, то не от большого ума и хорошей памяти так считают. Юность – веселее, активнее, жизнерадостнее, быстрее переходит от одного состояния к другому, но страданий в ней – миллион. Она хочет – больше, быстрее, острее старости, вот и обломов, и терзаний, и недовольства больше выходит. Молниеносные влюбленности, мимолетные обиды, неожиданные увлечения, – и все чревато возможным страданием и есть повод для него.

Заметьте: образ мудреца человечество всегда рисовало себе в сединах, невозмутим, страсти и желания в нем утишены возрастом, опыт наложил на мировоззрение скептическую печать. Юноша – порывист, резок, наивен, романтичен, чуть что – переживает страшно, плачет от несправедливости жизни и восклицает в отчаянии: как же так! А мудрец, толстый Карлсон, утешает: это все пустяки, дело житейское, мне бы твою молодость. А юноша вопит: какие же пустяки, это ужасно, я сейчас повешусь! Вешается редко. Но страдает. Когда забывает, что страдает, счастлив и наслаждается жизнью.

Дети, юноши, взрослые, старики – имеют разные поводы к страданию. И каждой возрастной группе поводы других

представляются малоосновательными. Ребенку – игрушка и прогулка, юноше – штаны и поцелуй, взрослому – должность и награда, старику – уважение и покой. Объективно все это чушь, условные мелочи могут человека печалить, но каждый очень дорожит своим и пожимает плечами над чужим.

Чеховский чиновник чихнул на лысину генералу и умер от ужаса. Хиппи на эту лысину еще бы и помочился. Он от другого страдает: смысла в жизни не видит. А генерал страдает, что его орденом к празднику обошли. А работяга, который штампует эти ордена на прессе ящиками, страдает, что его сын ушел в хиппи.

Меланхолик в депрессии заплачет от любой мелочи, как Пьер Ришар в фильме, где ему подали не тот кофе. Патология? А что это такое? Это деталь картины под увеличительным стеклом: что-то из нормального размера разрослось до непропорционально большого и бросается в глаза, искажает гармонию. Классических темпераментов в чистом виде не существует, в каждом человеке есть все, разница только в пропорциях. Элементы меланхолии, штрихи депрессии есть в каждом. «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп».

Благополучный ребенок в благополучной семье тоже иногда капризничает. Педагоги говорят: это он выясняет границы своей власти в семье, самоутверждается. Пусть, но факт в том, что ребенок безо всяких видимых причин вдруг находит повод к слезам, горю.

«Ах, боже мой, какой я несчастный, я никогда не видел, как человек падает с шестого этажа», – пожаловался Гаврош.

Самая отчетливая форма сознательного стремления к страданию – «косметическая ложь» (термин психологов): взрослый разумный человек приукрашивает свою биографию, чтоб лучше и значительнее выглядеть, обычное дело. И девушки часто придумывают в прошлом возлюбленного с трагической судьбой, слагают душераздирающую легенду о своей любви – и сами плачут, рассказывая ее подругам и знакомым! Какие мотивы ни выдвигай – тщеславие, неудовлетворенность – фактом остается желание пострадать. Искренне плачут, аж сами верят!

Пусть каждый повспоминает свою жизнь повнимательнее. Сколько он дергался, нервничал, переживал, страдал! Много лет прошло – и удивляешься, даже понять не можешь: из-за чего?! Ведь все было неплохо, терпимо, в пределах нормы – и из-за неважных, в сущности, мелочей и обстоятельств. Боже мой, чего я, дурак, с ума-то сходил, портил жизнь себе и близким. Хорошо еще от многих непоправимых глупостей удержался: не убил, не разругался насмерть, не застрелился. Ну обманули, ну обидели, ну что-то было не так, как мне в тот миг хотелось, но ведь все это в сущности так неважно!

И что, осознав это, ты перестанешь дергаться и будешь жить дальше спокойно и мудро? Черта с два. Вспомнишь о прошлом или представишь наперед какие-то раздражающие вещи – и кажется, что можешь переносить все спокойно. А

случится сейчас – точно так же дергаешься и страдаешь. А вот нервы такие. Темперамент такой.

В любом случае переживать и нервничать – вредно, ненужно, это портит тебе жизнь и мешает достичь цели. Ты это отлично знаешь. И продолжаешь дергаться.

Разум понимает, что большинство поводов к дерганью, к страданиям – именно неважные поводы. Не причины. Сам же себя накручиваешь обычно.

Причина в другом. Есть способность к страданию. А *способности без потребности не бывает*. Вот иногда нервной системе пострадать требуется. *Способность предполагает возможность своего применения*. А если человек что-то может применить – он это применит, будьте спокойны.

Внешне потребность по отношению к способности первична. Через потребность о наличии способности и узнаем.

ИСКУШЕНИЯ. Каждому известно то, что называется искушениями. Сейчас мы имеем в виду такие искушения, когда вдруг что-то подталкивает тебя как бы и не хотеть, но вот задумываться, как бы и не собираться сделать, но вот представляешь себе будто делаешь – что-то неправильное, неприличное, нехорошее, ужасное, чего делать не надо, нельзя, невозможно, противоестественно вроде.

Самый невинный пример – академик Ландау признавался, что при виде вращающегося вентилятора ему всегда хочется бросить в лопасти сырое яйцо, и посмотреть, что будет. А не бросал...

Обычное искушение – шагнуть вниз с высоты. Известно: высота манит полететь вниз. С балкона, с горы. Знакомо каждому. Страшно, жутко – а манит, и представляешь себе, как это просто сейчас сделать.

Почему, зачем? Ведь это смерть, а умирать он сейчас, стоя на балконе, отнюдь не хочет. (Есть точка зрения, что смерть вообще манит. Это отдельный разговор.) А вот сделать такое – подмывает, и холодок внутри от того, как легко и просто это сейчас сделать.

И приходит эта мысль и этот холодок сами по себе.

Когда подпивший дядюшка Хо Ши Мин прилюдно запустил руки в декольте Валентине Серовой и схватил ее за большие сиськи – он не удержался от искушения приятного и естественного. Скандал замаяли. Когда довлатовский брат пописал из окна на директора школы – это было искушение хулиганское, его исключили. А когда один мой приятель изнасиловал одноклассницу, а другой воткнул красивый блестящий нож в живот случайному прохожему – они уже последовали искушениям крутым, п р е с т у п и л и. Оба мне потом признавались, что не собирались этого делать, не хотели даже – а вот подмывало что-то внутри: ведь это так просто взять и сделать, не может быть, неужели.

И более того, более того! Почему каждый иногда травляет себя картинами горя и смерти любимых людей? И – вечная проблема психоаналитиков – любой человек, пусть очень редко, пусть запрещает себе даже думать об этом

– иногда, ужасаясь противоестественной кошунственности своих мыслей – не мыслей даже, а картин в мозгу – представляет, как он убивает своих родных. На какой-то миг кухонный нож в его руке повергает его в кошмар: как просто воткнуть его в сидящего рядом человека. Как просто обрубить ему пальцы. Как просто отрезать голову; а потом еще можно поставить ее на тарелку и смотреть. Как просто приподнять и выкинуть в окно, с верхнего этажа.

Слушайте, он жизнь отдаст за этого родного человека, всем ему пожертвует, своим телом от опасности прикроет – откуда эти ужасные проблески кровавого бреда? (Ни классический фрейдизм, ни современный психоанализ никак не отменяют того, что в человеке это наличествует.)

Не говоря уже об искушении самоубийства: как просто приставить пистолет к виску или сунуть голову в петлю. Хотя на самом деле умирать не собираешься и будешь цепляться за жизнь до последнего.

Какие теории не строй, как структуру подсознания и его мотивации не объясняй, факт остается: а вот возникают в человеке такие ощущения, отнюдь не приятные.

ИНСТИНКТ И ЧУВСТВА. Мы говорили, что на самом первом, самом глубинном, самом основополагающем уровне жизнь для человека – это комплекс ощущений, который испытывает его нервная система, его мозг.

А что в человеке уж самое-самое основное, базовое, бесспорное? Инстинкт жизни. Жить! Основы более общей и

необходимой уже нет. Это – прежде всего.

Рациональная, механистическая, позитивистская философии трактуют жизнь как систему, где все целесообразно и взаимообусловлено. Земля для травы, трава для коровы, корова для человека, человек для прогресса. Элементарно, Ватсон. Любовь как инстинкт продолжения рода, творчество как его сублимация.

Инстинкт являет себя субъекту через ощущения. Удовлетворение ощущений необходимо особи для жизни и продолжения рода.

У животных все просто, все их действия – непосредственная реакция на ощущения, и это необходимо для жизни и рода. А вот человек с его рефлектирующим разумом – урод в дружной и здоровой семье животных, он создал культуру и цивилизацию, изоцирил способы удовлетворения ощущений, извратил, и уже делает часто не то, что нужно просто для жизни. И его завихрения объясняются психологами, врачами, социологами, философами.

Тогда объясните, почему селезни грешат гомосексуализмом, а ваш песик упорно норовит совокупиться с диванным валиком или хозяйской ногой. Они что, так ослеплены страстью, что уже не отличают утку от селезня, а суку от мебели? Да нет, при возможности выбора предпочитают нормальных партнеров.

С точки зрения природной целесообразности их действия бессмысленны. Сознают они свою ответственность за про-

должение рода? Нет, они хотят удовлетворить свое ощущение.

Это ж батюшки мои, даже зверьки и птички, если их важнейшая инстинктивная потребность по какой-то причине расходится с удовлетворением ощущения, следуют именно своему ощущению. А чем им еще руководствоваться? Рекомендациями Общества охраны животных? Вот обезьяна – животное высокоразвитое, поэтому она занимается онанизмом, а селезню это затруднительно.

Вот вам инстинкты, вот вам целесообразность, вот вам кошка с валерьянкой и крыса с педалькой. Мозг испытывает ощущения и требует удовлетворения желаний, а каким путем – это уже дело второе.

У мошканы инстинкты вовсе просты, а летит она на огонь и сгорает... Ощущение света и тепла заставляет лететь.

Так что ощущения, через которые являет себя сам инстинкт жизни, могут вести к диаметрально противоречащему тому, чего хотел в реальной жизни добиться для особи ее инстинкт жизни.

Инстинкт жизни – – ощущения – – благо, жизнь.

Инстинкт жизни – – ощущения – – не-благо, смерть.

Но для особи, индивидуума, личности жизнь – это всегда данный момент, а данный момент – это ощущения, среднее звено цепи, а не результат.

САМОУБИЙСТВО. Это уже предел противоречия инстинкту жизни. И ведь в петле пляшет, под водой содрогает-

ся: организм жить хочет! Какой здесь рациональный мотив?

Если это эфтаназия, легкая смерть как избавление от мук и последующей смерти тяжелой – тогда хоть понятно. А если здоровый мужик, миллионер разорился – и шлепнулся? Да у него есть больше, чем у любого латиноса из фавелы, который – рому хлопнул, бабу в куст кувырнул, музыку услышал – и побежал самбу танцевать, зубы скалит.

Самоубийство н е р а ц и о н а л ь н о.

Отрицательные ощущения достигают такой силы и «массы», что базирующийся на них разум принимает решение: надо кончать. Если нельзя избавиться от отрицательных ощущений, иным способом – ну, тогда надо кончать вообще.

Но поводы к тому – условны! Несчастливая любовь, крушение цели жизни, несчастные обстоятельства, – но жить-то можно. Ан уже неохота.

Это ж какой силы должны быть ощущения, чтоб преодолеть сам инстинкт жизни. И главное: кто тебе велел такое ощущать?.. А?..

Ну, если в армию взяли или в тюрьму залетел, и там замучили – еще понятно. А если – сам, на свободе, при всех возможностях?

Наука суицидология полагает самоубийство невропатологией и лечит спасенных, глуша их нервную систему ударными дозами успокоителей. Однако любой нормальный человек задумывался о самоубийстве.

ПОЛНОТА ЖИЗНИ. Кого возлюбят боги, тому они дару-

ют много счастья и много страдания. Люди и это всегда знали...

Что такое жизнь-то наша? Смотреть, познавать, делать, переживать... И сам инстинкт жизни повелевает, обеспечивает, проявляет, делает безусловным, необходимым, как угодно называйте, такое положение вещей в жизни человека, чтоб он за жизнь как можно больше наощущал. С точки зрения мозга это и есть жизнь. А жизнь – та данность, которую мозг неуклонно приводит в действие.

И если человек может, способен ощущать счастье – то он должен его ощущать, и все тут. Такова данность. Так он устроен. Так создан мир, и если он может ощущать страдание – будет ощущать! Я сказал. Никуда не денется. Природу не обманешь.

И чем больше он будет ощущать того и другого – тем полнее будет его жизнь. В предельной степени реализовать все заложенные в тебе возможности. Жажда жизни. А прежде всего это – возможности мозга к ощущениям. Возможности нервной системы к напряжениям. Как можно сильнее, разнообразнее, больше почувствовать.

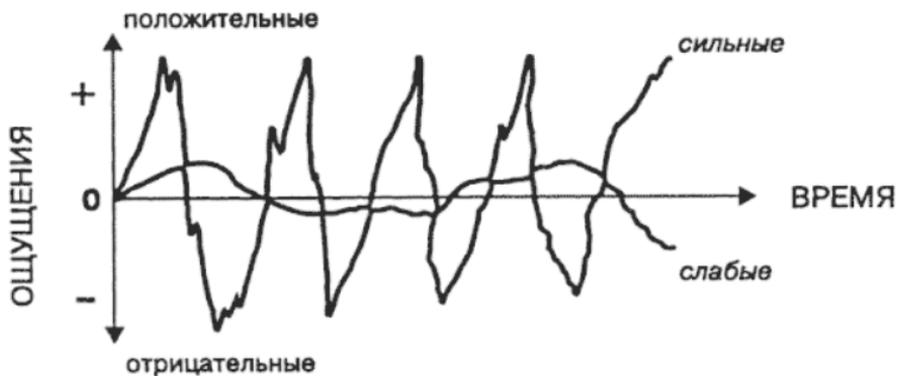
Э, стоп, скажет флегматик. Тогда все люди должны броситься жить так, чтоб все их нервы были на пределе. Была бы не жизнь, а сплошная шекспировская драма бушующих страстей, где в результате трехчасового действия – гора трупов и конец всему. Почему же подавляющее большинство нормальных людей все-таки обычно живет довольно тихо и

мирно и доживает до почтенных лет?

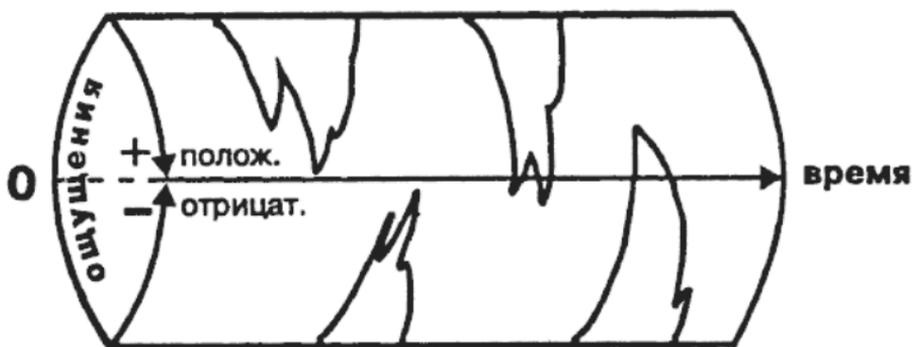
Первое. Потребности в ощущениях и пределы напряжений индивидуальны. Где авантюрист наслаждается риском – мирный обыватель умрет от стресса. А где трудолюбивый крестьянин в ладу с жизнью возделывает свою ниву и живет до девяноста лет – буйный конкистадор зачахнет от тоски, или пойдет в конокрады. Даже боксеров классифицируют по весовым категориям – вот и в жизни так же: каждый стремится к таким напряжениям, которые потребны именно его нервной системе.

Второе. Опять же давно известно, что от слишком большого горя, как и от слишком сильного счастья, можно умереть. Хотя и редко, но возможно. Самоцель же жизни состоит в том, чтобы прожить – то есть наощущать – как можно больше в общем, в конечной сумме. Поэтому человек обычно инстинктивно избегает непереносимых для его нервов напряжений, чересчур сильных ощущений, которые могут разрушить организм и прекратить дальнейшую жизнь – тем самым в общем ее уменьшив. Он предпочтет жить дальше, и ощущать дальше, и в результате наощущает больше.

Для наглядности построим простенький график, где на продольной оси время жизни, а на вертикальной – сила ощущений. Схематично это – «график жизни». Чем больше общая сумма величин, тем больше и была жизнь – полнее, богаче, реализованней.

На самом деле график этот не плоский. Есть граничная линия, где противоположности сходятся: ощущения положительные и отрицательные, достигая предельной и запредельной силы, иногда соседствуют, смешиваются и даже переходят друг в друга: боль и наслаждение, горе и счастье.

Вот эта линия на цилиндре и должна быть как можно

длинней. Вот и вся петрушка. Жизнь, заложенная в человеке как данность, проявляет себя.

* * *

Жизнь из горя и счастья пополам, давно замечено, гораздо полнее, чем сплошное благоденствие. Для настоящего счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья, философски вздохнули мудрецы.

Может ли подброшенный вверх камень не упасть вниз? Нет – в него Законом всемирного тяготения, силой гравитации, заложена необходимая потребность упасть на землю.

Может ли зерно в почве не взойти весной? Нет – цикл его развития в нем заложен, его жизнь запрограммирована природой: он даст колос. Зерно не думает, зачем прорастает. Такова его сущность.

Вот и сущность человека – явить и реализовать заложенную в нем программу. Исходная ее позиция – ощутить все возможное, что в нем заложено.

В отличие от зерна, в программу человека заложена разумная деятельность. Но не *вместо* инстинктов и ощущений, а *дополнительно* к ним. И не так просто понять, зачем это и почему. Посмотрим:

6. Максимальные действия

НЕТ РАЯ НА ЗЕМЛЕ. С тех пор, как человека изгнали из Рая, он только и мечтал устроиться так, чтобы жить как в раю. Если мы с вами такие умные, что все, изложенное до сих пор, представляется нам понятным, и даже известным, и даже банальным часто, зададимся одним простым вопросом: ежели человек стремится к тому, чтобы в течение жизни как можно больше всего наощущать – и даже, допустим, разумом это понимает! – то он должен напрямую, кратчайшим и простейшим путем, стремиться именно к тому, чтоб как можно больше и сильнее наощущать всего разного, не теряя времени и сил на пустые и необязательные хлопоты. Так выходит?

Скажем, призвать на помощь науку и технику, и изобрести такое снадобье, сказочный эликсир, или сконструировать такие приборы, чтоб – выпил мензурку, влез в скафандр с датчиками, надел на голову проводки – и ощущай себе сколько влезет, вот тебе прекрасная и огромная жизнь.

Теоретически это кажется вполне возможным. И даже практические опыты давно ведутся. Пока на животных, но и человеку кое-что перепадает. Скажем, сложные электро-те-ле-компьютерные комплексы для получения максимальных сексуальных ощущений с любым воображаемым партнером. Это – самый сложный вариант в данном направлении, а са-

мый простой – искусственный фаллос для мастурбации, известный еще в античности.

Люди достигли многого по части п о д м е н ы. Созданные суррогаты позволяют получать массу ощущений *искусственным путем*, без всяких хлопот и вообще действий. В первую очередь это игры и и с к у с с т в о – это вещи родственные, отчасти одно и то же: в некотором аспекте основой их является совершеннейшая условность самого процесса и результата. Любой игрок и зритель это понимают – а переживаний море. И изучают их целые комплексы наук: теория игр и искусствоведение.

Так заглянем по этому пути до конца. Пофантазируем. Загипнотизировали человека. Внушили ему, что он столько всего напереживал! Кормили-поили через трубочку, держали в кровати в теплой комнате, судно из-под него выносили. И кажется счастливцу в отключке, что живет он богатейшей жизнью. А на самом деле вся его жизнь – одна сплошная иллюзия.

Многие философские учения примерно так жизнь человека и трактуют: мол, все это одна сплошная иллюзия, а на самом деле ничего нет. Но люди в жизни руководствуются не философскими учениями, а своими конкретными чувствами, мыслями и нуждами, поэтому философские учения мы в очередной раз оставим в стороне, а будем руководствоваться элементарным здравым смыслом и тем коллективным опытом человечества, который каждому как-то известен и поня-

тен.

А каждому известно и понятно, что все человечество не загипнотизируешь и с трубочки не прокормишь. Во-первых, пропитание себе приходится добывать самому, во-вторых, гипнозу вообще не все поддаются, в-третьих, что-то не очень охота так жить. А если наука и техника сделают это возможным – то кто будет обслуживать эти недвижимые тела? А как они будут размножаться? А обслуживающему персоналу, допустим, меньшинству, пяти процентам населения, на кой черт это нужно? В общем, оставим этот научно-фантастический фильм Голливуду и обратимся к грешной земной действительности. В этой действительности у людей нет возможности лежать на диване, переживая субъективные ощущения, а надо что-то делать, работать, кормиться, чтобы вообще прожить. А жить охота. Иногда неохота, но все равно надо. Инстинкт, что поделаешь.

Итак, руководствуется в жизни человек инстинктом жизни, который являет себя через субъективные ощущения. Но ограничиться «чистым», «внедейственным» удовлетворением ощущений на практике не получается. Невозможно не совершать хоть какие-то действия, хотя бы чтоб поддерживать в себе самое жизнь. Ощущения заставляют удовлетворять голод, жажду и так далее. И чем далее, заметьте, тем более.

Увы: уже на первичном уровне, на уровне удовлетворения физиологических потребностей, ощущения человека повелевают ему совершать действия. Пока все проще пареной ре-

пы.

В ТУПИКАХ. А нельзя ли все-таки, раз уж главное – это много сильных ощущений, устроиться так, чтоб минимально тратить силы и время на добывание хлеба насущного, а в основном, насколько только возможно – получать ощущения напрямую? Для того есть масса простых, доступных, испытанных средств: первые – алкоголь и наркотики, вторые – игры, искусство, хобби. В конце концов, многие так и поступают. Причем их, похоже, становится все больше – уровень развития цивилизации позволяет жить почти или полным дармоедам.

Нет, все-таки не получится. Конечно, этот тупиковый ход довольно быстро привел бы человечество к концу и явился благом для планеты, спася ее тем самым от уничтожения человеком. Но все стать алкоголиками и наркоманами (а равно игроками и поэтами) никак не могут по нескольким очень основательным причинам.

Во-первых, многие устойчивы к алкоголю и вообще он им не очень нравится.

Во-вторых, аналогично, многие решительно не хотят прибегать к наркотикам. Вот знают они, что это необыкновенный кайф, слышали, читали, – но есть другие интересы, больше влекут вещи обычные, хочется нормальной жизни, пусть она и трудна, и так далее.

В-третьих, большинство людей к алкоголикам и наркоманам испытывает (кроме жалости и сочувствия) чувство пре-

восходства, презрения, высокомерия: мол, жалкие создания, жалкая участь.

Люди, в отличие от крыс, тоже будучи способны забросить все и только нажимать педальку, наслаждаясь до полного истощения, – так поступать почему-то не желают.

Равно если игрок в карты, художник или коллекционер пуговиц неудачливы, бездарны и нищи, ничего в жизни не имеют – их жалеют и презирают. А если удачливы, знамениты, богаты – то они встраиваются в социальную систему и совершают массу ненужных поступков: прежде всего приобретают дома, машины, вещи, тем самым тратят деньги, заставляют их работать, что дает работу другим людям. Для этого меньшинства занятие становится делом. А вот жизнь их большинства – нормальных людей отвращает.

А если просто богатый наследник, рантье, тихо проживает свои деньги за игрой, ходит по музеям, читает книги, собирает марки – и все? Ничего не делает, за модой не следит, жилище не ремонтирует, ему и так хорошо. Окружающие считают его или чудачком, или пустым местом. Посмеиваются. Иногда, безусловно, завидуют его покою, свободе и безделью. И, представляя себя на его месте, полагают, что завели бы гарем, или купили яхту, или путешествовали по миру – ну, получали бы удовольствия через какие-то действия. Потому что «бездельник» для нормальных людей есть слово и понятие ругательное, презрительное, уничижительное.

Логически и арифметически, опять же, большинство че-

ловечества не может быть игроками, художниками, коллекционерами и рантье. Кому-то надо их кормить, одевать, дома строить. Не то вымрут.

Так, может, отношение к бездельникам и наркоманам определяется просто моралью? а мораль общества определяется потребностями большинства – работать?

Ладно: с высот технического прогресса протянем руку дружбы Платону – создадим такое идеальное государство, где нет рабов, и никому нет никакой нужды работать, потому что все делает техника. И у всех есть все, чего только душа может пожелать. Рай на земле.

СКУКА. Что такое скука? Когда ничего не надо делать и ничего не хочется. Почему не хочется? Потому что, в нашем идеальном случае, и так все есть. Вот о чем ни подумал – мигом все и будет. Бич праздного сословия... Тогда возможны такие варианты:

1. Наркотики и алкоголь.
2. Игры.
3. Спорт.
4. Искусство.
5. Развлечения, куда входит потребление искусства, спорт как зрелище, охота, опять же игры и т. п.
6. Явно бессмысленная деятельность ради нее самой, ради тех ощущений, которые она дает: гонки на автомобилях или почтовых каретах, например, или строительство песчаных замков.

Все это присуще праздным сословиям во все эпохи. А еще: моды, этикет, условности «светской жизни», которым придается большое значение.

Мы имеем все то же самое: стремление к получению ощущений напрямую или посредством действий.

Остается нерешенным только извечный вопрос: на кой черт что бы то ни было делать человеку, у которого и так все есть. В том числе главное: возможность мгновенно удовлетворять любое свое желание?

И тогда у него появляется *желание иметь желания*. Нагулять аппетит. Устать, чтоб испытать сладость отдыха. Рискнуть жизнью, чтоб ощутить радость жизни.

А почему не пойти по пути Будды? А не хочет.

А вот если кто двинется в карьеру, дело, власть, славу — ему почет и уважение.

Был нигилизм, было манихейство, было все: были всевозможнейшие учения, отрицавшие любое действие и вообще жизнь, учившие, что это и есть благо: ничего не иметь, ничего не делать, ничего не хотеть. И вообще не жить.

Но в общем и целом, в среднем и основном, человечество хочет жить. Данность, инстинкт.

Однако человечество состоит из конкретных людей. Мы столько твердили, что для каждого конкретного человека жизнь есть прежде всего комплекс ощущений. Так почему даже тогда, когда человек может получить максимум ощущений без хлопот и напрямую, он отнюдь не всегда этому сле-

дует, а предпочитает хлопотное и долгое реальное действие? Почему он не хочет нажимать свою педальку, тварь нелогичная? Почему не бежит всегда от скуки подобным путем?

Нет же, зараза: потеет, стонет, проклинает – и действует. И мог бы на все плюнуть – а не плюет. Чушью же занимается! – а наркоманом быть не хочет.

Все хочет иметь – а скуки стремится избегать.

ТОРЖЕСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОГО РАЗУМА? Одни люди сформулировали, что труд – это Божье проклятие, и такова доля человека в наказание за грехи. Другие язвили по поводу скуки в раю и интересного общества в аду. Третьи придумали теорию прогресса, объявили человека венцом творения и целью ему сформулировали построение счастья на земле. Человеку дан умный разум, умелые руки, а вместо сердца – пламенный мотор.

Поэтому человек даже при самом свободном выборе обычно не хочет быть наркоманом, а хочет быть создателем. Просьба из президиума считать это победой разума над сарсапариллой. Над чувствами.

Но мы рассмотрели, убедились, утверждаем, что первичны – ощущения! Разум на них базируется, больше ему не на чем базироваться. Он их обслуживает. И какой бы выбор человек ни делал – в конце концов он всегда сводится к выбору между двумя желаниями. И побеждает то желание, то чувство, которое сильнее, только и всего. Разум знает, что все условно, все относительно, главное – насладиться полнотой

жизни, и нечего зря трудиться до седьмого пота, все поперем и прахом будем.

Значит, желание человека действовать – внутренне ему присуще и от разума не зависит. А вот создан он так, чтобы действовать. Значит, ощущения от действия, от напряжений умственных и физических сил – неадекватны для него ощущениям «обманным», напрямую. Запрограммирован он природой через ощущения – на действия.

А наркомания – это тот боковой тупиковый ход, которым неизбежно идет меньшинство, вроде как обман мясной мухи, руководствующейся запахом тухлого мяса для откладывания в него яиц – и иногда она ошибается и откладывает их в цветок, есть такой, который точно пахнет тухлым мясом. С точки зрения мухи главное – запах, субъективно она к нему стремится. С точки зрения природы – накладочка, бывает, без этого не обходится. Крайности всегда выходят за рамки явления, краешки обламываются, отграничивая и показывая собою пределы явления. Так каменщик стряхивает с мастерка излишки раствора, а на кладку идет лишь необходимое количество. Так река, прокладывая русло, частично впитывается в берега, расходуя часть воды на увлажнение пути, чтоб дотечь до моря. Природа, чтоб достичь чего-то, неизбежно преодолевая сопротивление среды, всегда действует «с запасом».

Если бы человек руководствовался разумом – он не совершал бы неразумных поступков.

Если бы человек руководствовался действиями – он не бежал бы от действий в наркоманию и хобби.

Если бы человек мог ощущать «напрямую» столько же всего и с такой же силой, как через действия, он всегда предпочитал бы действию искусственно вызываемые ощущения.

Ощущения – разум – действия: вот цепь. Для наркомании ни ума, ни сил не надо. Применение ума и сил дает, на уровне мозга, опять же, ощущения. Если ум и силы «отключить», вывести из этой цепи – столько ощущений уже, в общем и целом, никакими заменителями не наберешь.

Разум – это такой механизм в мозгу, посредством которого человек может ощущать всего-всякого гораздо больше животного.

Само с о з н а н и е чего-то – судьба близких, положение твоих дел, о чем узнаешь из письма или по телефону – уже дает тебе положительные или отрицательные ощущения, может делать счастливым или несчастным.

Действия – это такой механизм, приводимый в движение и координируемый разумом, который позволяет человеку, опять же, массу всего наощущать.

Разум, во-первых, уже сам является «давателем» ощущений: через размышления, через пропущенное через себя восприятие реальной жизни или условного искусства.

Разум, во-вторых, есть трансформатор между превращением ощущения в действие, и декодер между действием и доставляемым этим действием ощущением. (Простейшее

ощущение, как голод и его удовлетворение, и без разума обойдется. А радость достигнутой цели или научного открытия – возникает опосредованно через разум.)

И только через максимальную работу умственных и физических сил человек в общем – и человечество в целом – может получать максимум ощущений, что и есть для него жизнь.

И тогда он чувствует себя ч е л о в е к о м.

Действия могут быть хорошими и плохими, полезными и вредными, умными и глупыми – любые определения и оценки тут условны, зависят от точки зрения, цели, морали, системы представлений. А нервной системе они необходимы, она без них не может.

На плоту через пороги и водопады! Поднял двести килограмм, один избил десять человек! Десять лет ночей не спал, совершил открытие, над которым веками бились! Кайф, здорово, я смог, сделал, я что надо!

Реализация всех своих возможностей до предела дает человеку ни с чем не сравнимое ощущение – полноты бытия и своей значимости. Бывает и трудно, и мучительно, и опасно – а отратно.

Обычно это и называется с а м о р е а л и з а ц и е й.

Повторяю для особо одаренных:

ощущения ↔ разум ↔ действия

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ. Главный инстинкт – выжить. Когда-то первобытному человеку, чтобы выжить, было жиз-

ненно необходимо быть сильным, храбрым, умным, ловким, выносливым. Иначе не победишь хищников и врагов, не добудешь добычу на охоте. На всех досыта еды не хватит. Выживали те, у кого эти качества присутствовали в наибольшей степени. Они в первую очередь и оставляли потомство.

Сильный берет лучший кусок и лучших женщин. И каждый хочет, тянется, быть как можно сильнее. Все силы прикладывает, главное в жизни для него – именно это. И бдительно охраняет свое место в иерархии семьи, рода, племени. Подняться, не опуститься! Хватает мяса только на одного – его берет сильный, хватает на многих – потом берут мужчины «по степени главности», потом – их женщины в той же строгой очередности, хватает на всех с избытком – сильный все равно берет первым что хочет, и никто не смеет опередить его: изобьет, искалечит, убьет, выгонит вон из стаи.

Собственно, у животных так же. А человек – то же животное плюс разум и руки. Плюс, а не вместо. А физическое, биологическое устройство человека осталось то же самое, ставший царем природы кроманьонец от нас ничем не отличался. Его уникальную нервную систему мы получили в неизменном состоянии.

Мы все – потомки победителей. Слабые и побежденные вымерли.

Что означает, когда сильный берет первый кусок, даже если еды полно? Он голоднее, жаднее, нетерпеливее, жрет больше? Нет, он этим заявляет: я самый крутой, сильный,

храбрый, умелый, значительный; главный. Я способен делать, и делаю, большее, чем вы, и это имеет огромное значение – для меня, для вас, для племени, для всех. Но в первую очередь для меня самого. Делаю-то я все в первую очередь для себя самого, потом для своей семьи, потом уже для вас всех, уж коли мы живем вместе, потому что вместе нам выживать легче и лучше. Не взять первому лучший кусок – могут подумать, что ты слаб, оттеснят, обнаглеют, в голодное время вообще сдохнуть можешь. Драться за кусок каждый раз? Да нет, лучше отметелить сразу одного-другого, и пусть каждый всегда знает, где его место и кто такой я.

А прочие дерутся, меряются силой, за свое место в очереди.

Это самая первобытная форма с а м о у т в е р ж д е н и я.

Более или менее осознанное или неосознанное ощущение своей значимости, значительности, – сильнейшее в человеке после удовлетворения простейших физиологических потребностей. Это проявление того же инстинкта выживания – который позволил выжить до сих пор.

Посадите волчью стаю по клеткам, кормите вожака последним – он будет беситься и чахнуть от непереносимого и несправедливого унижения. Для него жизненно важно быть первым. Плевать на корм, он может отказаться от него и вообще лучше сдохнуть. А иначе волки и не выжили бы. Естественный отбор, выживать должны лучшие. (А лучшего, без борьбы, – в последние?! Крах природы, невроз.)

Естественный отбор у цивилизованного человечества в

общем прекратился, искусственно помогают жить даже самым паршивеньким и слабым. Но инстинкт жизни и нервная система остались те же самые. Поэтому:

стремясь к самореализации через действия, человек всегда предпочитает такие действия, которые служат к его самоутверждению.

Что бы человек ни делал – он всегда хочет быть значительным. Не последней скотиной. Уважать себя. И чтоб другие уважали.

На хрена?

В каких формах самореализуется человек? В таких, которые ему как минимум известны. Которые как минимум вообще существуют в современном обществе, цивилизации. Нельзя стать знаменитым древнегреческим кинооператором, скажем.

На сколько человек хочет реализовать свои возможности? На столько, на сколько можно.

А на сколько можно? А никто не знает. Границы туманны. Пределы постоянно отодвигаются. Наука утверждает, что обычно мы используем лишь пятнадцать процентов потенциальных возможностей своего мозга. Как они высчитали эти проценты, сказать трудно. В цифре можно усомниться. Но то, что кроманьонец, с его мозгом, изготавливал свои примитивные двадцать видов ручных орудий труда – и с тем же мозгом изобретает компьютеры, создает науки и летает на Луну – это факт, а не реклама.

И человек сравнивает себя с окружающими. Определяет полноту своей жизни, степень своей самореализации – через сравнение с тем, что делают другие, что могут, на что способны, – и, значит, он сам на это тоже в принципе способен.

И если он может, делает, имеет, добился в жизни больше, чем окружающие, – ему хорошо, он себя уважает. А если меньше – ему хуже, и уважает он себя меньше. А с кем ему еще, бедолаге, себя сравнить?.. Как узнать, что еще делать?..

Заметьте, разум тут не при чем. Можно знать окружающих как сволочей и идиотов, презирать их, – и все равно хотеть, чтоб они признали тебя главнее их. Обычно так и бывает.

Потребность в самоутверждении – это аспект потребности в самореализации.

А вот самоутверждаться можно только через действия, поступки. Тут ни голословными заявлениями, ни наркотиками не обойдешься.

Любой может заявить: я самый сильный, храбрый, умный, богатый – поняли? я значительнее вас, можете меня уважать. А ему ответят: ты дурак и хвастун, предьяви-ка, кто ты есть – выйди на поединок, растолкуй непонятное, предьяви богатство.

Тут нужны какие-то объективные критерии, чтоб всем сразу было видно и понятно.

ГРИМАСЫ ОБЩЕЖИТИЯ. Вечные грезы человечества создать справедливое общество полного равенства – никогда

не могли сбыться, и не смогут, конечно, из-за этой малости: стремления человека к самоутверждению. Силы и способности людей неравны. Ограничить законом? А кому некуда приложить себя – будет пить, хулиганить, вечный двигатель тайно ночами изобретать. Ну, а если велеть силы и способности все направлять на то, что общество признает полезным, нужным? Тогда можно. А если не захочет слушаться? Тогда наказать, посадить, изгнать. А если он много полезного наделал – он же будет себя ощущать значительно больше других. (Вот таких древние греки и подвергали ostracism.) А другие будут чувствовать себя хуже, менее значительными, завидовать начнут. Сильных и способных женщины больше любят – опять же, уже неравенство, повод к ревности и зависти. Если уважать его и славить – может возомнить о себе, это чревато и другим обидно. А не воздавать дань его заслугам – он будет переживать, что его не ценят по достоинству. Полного равенства – ну никак же не получается. А каким декретом вы отмените жадность, подлость, зависть, лживость, эгоизм? Их всегда осуждали и стремились ограничить, но они – суть проявления все той же самореализации, все того же самоутверждения. Потому и неискоренимы, что присущи человеку.

...В цивилизованном обществе человек самоутверждается не в поединке с тигром, не в драке над тушей кабана. Сытость и безопасность в мирные времена гарантированы каждому. Что делать? И человек начинает выпендриваться. Са-

моутверждение, принимая цивилизованные формы соревновательности и конкуренции, воплощается в идиотской гонке за условными и бессмысленными ценностями. Типа кусочка металла на груди, он называется специальным словом «орден» и обозначает, что его обладатель значительнее других (вариация: кольцо в носу дикаря). Возникает понятие «престиж»: владеть ненужными вещами, жить в определенном районе, присутствовать на никчемных церемониях – и все это означает, что ты значительнее других.

Вот на что цивилизованный человек себя в основном тратит.

Вещизм. Зачем человеку большой дом, если он с семьей неплохо поместится и в маленьком? Что, большой красивее? И маленький может быть прекрасен. Зато большой может быть еще и грандиозен. Коттедж, вилла, особняк, дворец. Окраина, центр, квартал аристократов. О: сразу понятно, кто есть ху, кто чего может и стоит. Бандит из «новых русских» жизнью ежедневно рискует – но ставит помпезный замок: пусть все видят! Завтра его вдова пустит его с молотка за четверть цены. Но сегодня он жив – и горд собой.

Вольные рыцари средневековья были точно такие же бандиты.

Дорогая мебель выполняет свою функцию не лучше дешевой, и может быть не более красива, может быть даже глупа и уродлива, зато от знаменитой фирмы, от известного мастера-дизайнера, который через мебельный выпендрей делает

свое имя и свои бабки.

Дорогой автомобиль может по сути ничем не отличаться от втрое более дешевого. Он демонстрирует значительность владельца. А когда на «роллс-ройсах» начинают ездить нефтяные шейхи и негры-миллионеры, то люди «приличные» хотят от них отличаться, и пересаживаются на «мерседесы». А когда каждый середнячок на последние деньги старается купить ветеран-развалину «мерс», то богатые садятся в БМВ или джип-«Чероки». Отличаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.